СЛОВО
О
ПЛЪКУ ИГОРЕВЕ

2007099099

СЛОВО

о

ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

о

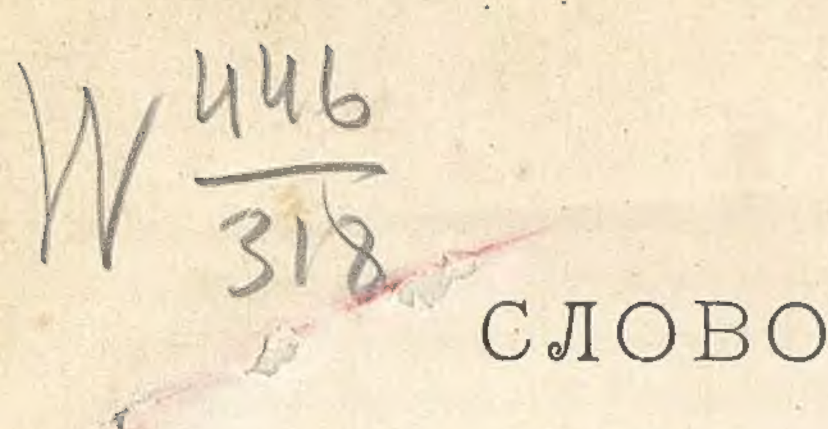
ВАРІАНТАХЪ

Князя Павла Петровича Вяземскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12
1877

СЛОВО
О
ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
О
ВАРІАНТАХЪ



СЛОВО
О
ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ
О
ВАРІАНТАХЪ

Князя Павла Петровича Вяземскаго

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12
1877

ВВЕДЕНІЕ.

Въ 1813 году 13 декабря гр. Мусинъ-Пушкинъ на запросъ Калайдовича, по поводу Слова о Плъку Игоревѣ, сообщилъ ему: „Пѣснь Игорева писана на лощеной бумагѣ въ концѣ лѣтописи довольно чистымъ письмомъ; по почерку письма и по бумагѣ должно отнесть оную переписку къ концу XIV или къ началу XV в. Подлинникъ хотя довольно яснымъ характеромъ писанъ, но разобрать его было весьма трудно потому, что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія. Прежде всего надобно было текстъ раздѣлить на періоды, а потомъ добираться до смысла.“

Подлинникъ, до его истребленія, имѣли въ рукахъ оба сотрудника гр. Мусина-Пушкина: Н. Н. Бантышъ-Каменскій и А. Ѳ. Малиновскій; кромѣ того, разсматривали этотъ памятникъ: А. И. Ермолаевъ, Н. М. Карамзинъ, Р. Ѳ. Тимковскій и И. Н. Болтинъ. Изъ издателей А. Ѳ. Малиновскій говоритъ весьма положительно, что „подлинная рукопись, съ которой печатали первое изданіе *буква въ букву*, принадлежала къ концу XIV в.“ Весьма важно свидѣтельство А. И. Ермолаева, что „подлинникъ писанъ полууставомъ XV в.“ (см. Сахарова, Пѣсни Р. народа ч. V. Спб. 1839. стр. 172).

Строгій и безпристрастный цѣнитель палеографическихъ работъ, Востоковъ, въ запискѣ своей 1821 года, рекомендуетъ митрополиту Евгенію А. И. Ермолаева: „Ваше Высокопреосвященство совѣтуете мнѣ издать прежде грамматики славянской палеографію; но на сей важный трудъ посвятилъ себя общій нашъ пріятель П. И. Кеппенъ,

который и можетъ съ большимъ, противъ другаго, успѣхомъ совершить оный, сколько по неутомимому рвенію и прилежанію своему къ таковымъ занятіямъ, столько же по изобилію матеріаловъ, какіе онъ уже на сей предметъ собралъ и еще собрать можетъ въ своихъ путешествіяхъ. Я знаю еще одного человѣка, который, можетъ быть, всѣхъ способнѣе былъ бы издать палеографію русскую,—это А. И. Ермолаевъ. Но обстоятельства службы, непріязненныя для ученыхъ занятій, давно уже отвлекаютъ его отъ любимыхъ сихъ трудовъ его, къ величайшей потерѣ для науки отечественныхъ древностей."

Карамзинъ, разсматривавшій Сборникъ Пушкинскій, не изъявилъ ни малѣйшаго сомнѣнія; и хотя не утвердилъ вѣка рукописи, но самое сочиненіе отнесъ къ письменнымъ памятникамъ XII вѣка (см. И. Г. Р. III. Спб. 1842. стр. 131): „Слово о Полку Игоревѣ сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія міряниномъ: ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ и приписывать имъ дѣйствія естественныя."

По словамъ Тимковскаго, „Карамзинъ увѣрялъ Калайдовича, что по сдѣланному имъ, Н. М. Карамзинымъ, сличенію, оказалось, что пѣснь о походѣ кн. Игоря *со всею точностію* напечатана противъ подлинника, выключая выраженія вѣчи Трояни, вмѣсто котораго въ подлинникѣ стоитъ сѣчи Трояни. Касательно же поставленнаго въ скобки слова „Ольга", на стр. 6, то это учинено для большей ясности рѣчи." Н. С. Тихонравовъ, приводящій эти слова, ссылается на Сынъ Отечества 1839. т. VIII. отд. IV. стр. 15—20.

Лихорадочное, тревожное состояніе Калайдовича въ его отношеніи къ Слову о Плъку Игоревѣ заставляетъ невольно сомнѣваться въ точности его словъ. Варіантъ „сѣчи" и „вѣчи" не важенъ, и обозначаетъ одно и тоже; нѣтъ основанія предполагать, чтобы издатели измѣнили букву к на с. Скорѣе можно предполагать, что Карамзинъ предпочиталъ слово „сѣчи", а Калайдовичъ этимъ воспользовался, чтобы набросить тѣнь на добросовѣстность издателя.—Болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы вставка „Ольга" сдѣлана

издателями произвольно: въ печатномъ и архивномъ текстахъ прямо сказано, что это древняя приписка на полѣ рукописи. —Враждебное отношеніе Калайдовича къ памятнику XII столѣтія весьма понятно, хотя и неизвинительно: онъ не имѣлъ чести быть издателемъ памятника XII столѣтія; изданные имъ памятники обращали на себя меньшее вниманіе; самый значительный памятникъ: „Бесѣды Кирилла Туровскаго", очевидно, не принадлежитъ, по языку, не только къ XII столѣтію, но и къ до-московской письменности.

Калайдовичъ, какъ замѣчаетъ Дубенскій, у коего я заимствую вышеизложенныя свѣдѣнія, началъ свои изслѣдованія о вѣкѣ рукописи въ 1813 г., уже тогда, когда она сгорѣла во время Московскаго пожара. Еслибы онъ видѣлъ рукопись въ подлинникѣ, какъ увѣряетъ г. Сахаровъ (Пѣсни Русск. народа V. стр. 172): то не зачѣмъ ему было обращаться къ гр. Мусину-Пушкину, а еще менѣе къ содержателю типографіи Селивановскому съ вопросами о времени, когда, на чемъ и какъ писано Слово о Полку Игоревѣ. Калайдовичъ, между тѣмъ, первый сталъ увѣрять, что оно принадлежало къ XVI в., писано почеркомъ Бѣлорусскимъ, а по словамъ Селивановскаго—схожимъ съ почеркомъ Димитрія Ростовскаго, значитъ, скорописью. Г. Сахаровъ дѣльно замѣтилъ, что „полууставъ и Бѣлорусскій почеркъ даютъ совершенно различныя понятія о рукописи".

Голословное заподозриваніе, выраженное Калайдовичемъ, есть положительное обвиненіе Мусина-Пушкина, Малиновскаго, Бантышъ-Каменскаго и Ермолаева въ завѣдомомъ обманѣ, а Карамзина — въ укрывательствѣ обмана. Неправильно было бы заподозривать и Селивановскаго въ намѣренной лжи: скорѣе предполагать можно, что ему удалось мимоходомъ, во время своихъ сношеній съ гр. Мусинымъ-Пушкинымъ, видѣть одну изъ статей Сборника, писанную, весьма можетъ быть, скорописью. Я слышалъ отъ дочерей и отъ внуковъ гр. Мусина-Пушкина, что на Сборникъ этотъ все семейство смотрѣло какъ на святыню.

Самое показаніе типографщика С. А. Селивановскаго, пере-

данное не съ дипломатической точностію Калайдовичемъ, подтверждаетъ Бѣлорусскій оттѣнокъ, замѣченный современниками въ рукописи: „она написана точно въ книгѣ, какъ сказано въ предисловіи, Бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго." Объяснить всѣ несообразности, сгруппированныя Калайдовичемъ въ приводимыхъ имъ самимъ показаніяхъ, можно только состояніемъ человѣка, желающаго унизить значеніе чужаго труда.

Бѣлорусское правописаніе или Бѣлорусскій оттѣнокъ рукописи не даетъ права предполагать, чтобы сочинитель Слова былъ Бѣлоруссъ. Однако, какъ уже мною замѣчено было въ Изслѣдованіи о Словѣ о Плъку Игоревѣ, нельзя не замѣтить, что судьба Полоцкаго Княжества есть задушевная мысль поэта, и потому довольно правдоподобно его близкое отношеніе къ Западному Русскому краю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнно и то, что въ немъ отражаются оттѣнки: Новгородскій, Южно-Русскій и Восточный, Тюрко-Русскій, Половецкій. Типъ подобнаго многообразнаго Русскаго человѣка существуетъ и нынѣ, и конечно не въ меньшей мѣрѣ существовалъ среди междоусобій и войнъ XII столѣтія. Что касается до языка, на коемъ написано Слово, то всего правильнѣе смотрѣть на него, какъ на языкъ древне-Церковный Словенскій, общій племенамъ южнымъ и сѣвернымъ, западнымъ и восточнымъ, отражающій въ себѣ разнообразные оттѣнки, порознь встрѣчающіеся въ современныхъ нарѣчіяхъ Славянскихъ племенъ, и воспринимавшій въ себя формы живой рѣчи, принадлежавшія въ то время разнымъ племенамъ, какъ это проявляется весьма замѣтнымъ образомъ въ нашихъ лѣтописяхъ, особенно въ Ипатьевской лѣтописи, какъ это замѣчено было первыми ея издателями.

Въ числѣ признанныхъ за подложныя рукописи упоминается рукопись г. Актова, о которой Императорскому Обществу исторіи и древностей далъ первое извѣстіе г. Діевъ. „Вѣроятно, она изъ числа тѣхъ, замѣчаетъ Дубенскій, о которыхъ упоминаетъ Москвитянинъ

(№ 3. 1841 г. стр. 245),—работы А. Бардина. Но извѣстно, что онъ списывалъ съ печатнаго текста, почему рукописи его не стоятъ вниманія любителей“. Подобная или одна изъ этихъ рукописей находится въ Москвѣ, въ Румянцовскомъ музеѣ, а другая у г. Зайцевскаго, въ Москвѣ же. Не смотря на то, что рукописи эти признаны подложными, до сихъ поръ остаются неизвѣстны основанія этого приговора. Не сомнѣваясь въ основательности этого приговора, все еще остается невольно сомнѣніе — дѣйствительно ли эти копіи всѣ сдѣланы съ печатнаго текста и какіе на то имѣются факты. Но и въ случаѣ, если копіи дѣйствительно сняты съ печатнаго текста, тѣмъ не менѣе могутъ быть весьма любопытны ухищренія, придуманныя искусными поддѣльщиками для введенія собирателей въ заблужденіе. Также остается совершенно необъясненнымъ—въ чемъ заключаются признаки, по коимъ эти копіи причисляются къ подлогамъ, а не къ новѣйшимъ копіямъ. Есть много уставныхъ и полууставныхъ рукописей, которыя новы и даже современны намъ, но отнюдь не подложны. Въ обозрѣніи литературы Слова о Плъку Игоревѣ Смирновъ (Филологич. Записки. Воронежъ. 1875. VI.) упоминаетъ о заявленіи П. М. Строева касательно видѣннаго имъ у А. Ѳ. Малиновскаго пергаменнаго свитка XIV столѣтія, содержащаго текстъ Слова о Плъку Игоревѣ. Заявленіе П. М. было сдѣлано имъ въ 1815 году, въ его обозрѣніи Славяно-Россійской Миѳологіи. Нельзя не пожалѣть, что наши палеографы не сообщили публикѣ своихъ наблюденій надъ этимъ свиткомъ. Показанія современниковъ о Бѣлорусскомъ почеркѣ слишкомъ опредѣлительны и согласны, чтобы возможно было ихъ отвергать; а потому слѣдуетъ искать разъясненія правописанія „Слова о Плъку Игоревѣ“ и въ древнѣйшихъ памятникахъ Бѣлорусскаго письма, упоминаемыхъ Востоковымъ, и даже въ книгахъ напечатанныхъ въ Западной Россіи.

Бѣлорусскій или Волынскій (также Польско-Русскій) полууставъ въ Прологѣ XVI вѣка, № 324; въ рукописи Іоанна Лѣствичника XVI — XVII в., № 203; Октоиха XVI — XVII в.,

№ 290; Житій свв. XVII в., № 159;—полууставъ XVII вѣка на древнѣйшихъ рукописяхъ Тріоди постной, № 439; Іоанна Златоуста, № 197; —полууставъ и скоропись Бѣлорусскаго письма того же времени въ Поученіяхъ № 315.

Бѣлорусскою скорописью писаны рукописи Словъ Максима Грека XVII вѣка, № 265; Пролога XVII вѣка, № 325; Сборника XVII вѣка, № 376; Кормчей 1700, № 239 и болѣе древней рукописи XVII вѣка, № 372.

Востоковъ въ „Разсужденіи о Славянскомъ языкѣ“ причисляетъ Слово о Плъку Игоревѣ, вмѣстѣ съ Русской Правдой, къ древнему Русскому языку. Онъ говоритъ, на стр. 7: „замѣчавшіе большую разность между древнимъ Русскимъ языкомъ, коего остатки находятъ въ Русской Правдѣ и въ Словѣ о Полку Игоревѣ и пр., и между Церковно-Славянскимъ, разумѣли, конечно, подъ симъ послѣднимъ языкъ печатныхъ *церковныхъ* книгъ. Они бы не сказали того о древнемъ церковномъ Славянскомъ“.

Мнѣніе Востокова весьма важно въ вопросѣ о древности языка, какимъ написано Слово о Плъку Игоревѣ, хотя не было бы надобности въ свидѣтельствѣ авторитета для рѣшенія столь простаго и очевиднаго вопроса, если бы у насъ не укоренилось столь глубоко, мѣтко отмѣченное Востоковымъ, недоразумѣніе относительно языка печатныхъ церковныхъ книгъ, признаваемаго за древній.—Мнѣ сдается, что Востоковъ и его послѣдователи, подъ вліяніемъ этого общаго недоразумѣнія, неправильно отдѣляютъ древній письменный языкъ Русскихъ памятниковъ отъ древне-Церковно-Словенскаго, признаваемаго Востоковымъ совершенно гадательно за древне-Болгарскій. Присутствіе оттѣнковъ Русскихъ, Болгарскихъ и Сербскихъ въ рукописяхъ древне-церковныхъ не даетъ права, на основаніи отличій въ правописаніи, признавать отдѣльные литературные языки. Вліяніе мѣстнаго выговора и живой рѣчи на языкъ литературный несомнѣнно; но это вліяніе, какъ бы оно сильно ни было, не измѣняетъ еще сущности самаго языка. Церковно-Словенскій языкъ существовалъ въ Русской

письменности до Петра Великаго въ испорченномъ видѣ, и былъ замѣненъ живой Русской народной рѣчью, всегда существовавшею отдѣльно отъ книжнаго языка, пока она сама не сдѣлалась языкомъ литературнымъ.

Г. Тихонравовъ, въ изданіи Слова для учащихся (изд. 2-е. Москва. 1863), возобновилъ сомнѣнія Калайдовича относительно времени рукописи, предполагая, что она писана скорописью. Главная точка опоры—это близкое сходство буквъ ъ и ѣ. ъ и ь, ы и ѣ. въ скорописи XV—XVII столѣтія.

Изъ приводимыхъ имъ примѣровъ сходства этого не замѣтно, хотя въ скорописи почти все возможно находить, чего желаешь; но именно буква ѣ имѣетъ свой характеръ, и по мѣрѣ того, какъ ъ становится похожъ на нынѣшнюю ѣ, эта послѣдняя буква все болѣе и болѣе подымается вверхъ и становится одной изъ наиболѣе замѣтныхъ буквъ, такъ что часто по буквѣ ѣ отгадываешь черезъ-чуръ неразборчиво написанное слово. Однимъ словомъ, въ одной и той же рукописи однообразнаго ъ и ѣ мы, не смотря на поиски наши, не встрѣчали. Относя рукопись къ скорописи второй половины XV столѣтія и позже, г. Тихонравовъ приводитъ весьма неразборчивые примѣры изъ скорописи конца XVII и второй половины XVI столѣтія, изъ коихъ впрочемъ отнюдь не видно, чтобы ѣ легко смѣшиваема была съ ъ и ы. — Въ сопоставленіи же ъ и ѣ, по палеографическимъ снимкамъ преосвященнаго Саввы, г. Тихонравовъ избираетъ для того черезъ-чуръ широкое поприще отъ 1493 по 1653 г. и смѣшиваетъ рукописи разныхъ временъ, мѣстъ и лицъ. Здѣсь дѣйствительно первый ъ похожъ на первую изъ пяти ѣ; но принадлежатъ ли эти два начертанія одной и той же рукописи, объ этомъ не упоминается, хотя это условіе весьма существенное; во всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами рукописяхъ однообразнаго начертанія буквъ ъ и ѣ въ одномъ и томъ же памятникѣ мы не встрѣчали.

И. И. Срезневскій, въ одномъ заявленіи въ Имп. Академіи Наукъ, отвергаетъ предположеніе г. Тихонравова, какъ неосновательное; од-

нако замѣчаетъ, что попытка эта дѣло хорошее и полезное. Я вполнѣ раздѣляю это мнѣніе нашего знаменитаго палеографа. Точка отправленія Н. С. Тихонравова была крайне неправильна: онъ начинаетъ съ того, что, не имѣя никакихъ данныхъ, отвергаетъ всѣ свидѣтельскія показанія; но на этомъ вымышленномъ основаніи онъ дѣлаетъ выводы весьма вѣрные и вовсе не нуждающіеся въ основномъ его предположеніи. Большая часть его замѣтокъ и чтеній основана на предполагаемыхъ имъ весьма разумно надстрочныхъ знакахъ.

Въ Словѣ о Плъку Игоревѣ, по сличеніи первопечатнаго текста съ архивнымъ спискомъ, который изданъ покойнымъ Пекарскимъ, оказывается, что въ обоихъ согласно 24 окончанія на ь третьяго лица единственнаго и множественнаго числа настоящаго, прошедшаго несовершеннаго и будущаго времени. — Окончаній на ъ этихъ формъ глагола въ обоихъ текстахъ согласно 22. — Окончаніе на т безъ глухой гласной въ возвратномъ видѣ 5, въ обоихъ текстахъ согласно. — Затѣмъ остается 38 формъ глаголовъ, оканчивающихся на ъ въ первомъ изданіи и замѣненныхъ въ изданіи Пекарскаго ь. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, при разногласіи этихъ двухъ текстовъ, всякій разъ, что въ первомъ изданіи встрѣчается ь (всего пять разъ), въ текстѣ по изданію Пекарскаго находится, всякій разъ безъ исключенія, ъ: въ первомъ изданіи скачють, бѣжить, текуть, кають, зоветь; въ архивномъ текстѣ совершенно противуположно, несмотря на явное предпочтеніе къ ь, всѣ пять разъ стоитъ ъ. Объяснить эту діаметральную противуположность случайностію едвали позволительно.

Въ 46 случаяхъ обѣ полугласныя въ древней рукописи были помѣчены явно и вполнѣ; въ остальныхъ же 38 случаяхъ нетрудно угадать, что въ рукописи находились два знака, замѣняющіе глухія гласныя: одинъ знакъ, представляющій прямую черту ¯ и другой болѣе или менѣе дугообразный ˆ, часто встрѣчающіеся въ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ рукописяхъ. При сличеніи обоихъ текстовъ весьма ясно обнаруживается, что при обѣихъ транскрипціяхъ господствовали

два мнѣнія относительно этихъ двухъ формъ надстрочнаго знака. Гр. Мусинъ-Пушкинъ, во время своего пребыванія въ Петербургѣ, до 1797 года, при представленіи копіи императрицѣ Екатеринѣ II, признавалъ въ 36 знакахъ одной и той же формы ь. Впослѣдствіи Гр. Мусинъ-Пушкинъ и его Московскіе сотрудники, съ 1797 по 1800 годъ, признавали одинъ изъ надстрочныхъ знаковъ, чаще (36) повторяемый, за ъ, и наоборотъ, рѣже встрѣчающійся знакъ за ь. Такимъ образомъ въ Москвѣ установилось чтеніе діаметрально противуположное Петербургскому, въ отношеніи прямолинейнаго и дугообразнаго надстрочнаго знака. Два слова „повѣдаютъ“ и „летитъ“ первопечатнаго изданія въ архивномъ спискѣ сохранили повѣдаюⷮ и летиⷮ.

На основаніи этихъ двухъ примѣровъ возможно опредѣлить, что Московскіе издатели признавали правильнымъ окончаніемъ тъ; но весьма неосновательно ихъ заподозривать въ произвольномъ измѣненіи текста: ибо они въ 24 случаяхъ сохранили окончаніе ть. Изъ всего этого мы можемъ весьма основательно заключить, что въ Пушкинской рукописи встрѣчались слѣдующія формы:

1) ждетъ, крычатъ, брешутъ, мрькнетъ; всего 22.

2) звенить, ржуть, править, трубять; всего 24.

Такимъ образомъ, въ случаяхъ, гдѣ между обоими чтеніями не существуетъ различія, почти столько же окончаній на ь, какъ и на ъ.

3) възбиваєⷮ, рыкаюⷮ, кличєⷮ; всего 36 разъ, съ дугообразной чертой надъ т.

4) зовєⷮ, скачюⷮ, бѣжиⷮ, текуⷮ, каюⷮ; всего 5 разъ, съ прямой чертой надъ т.

5) повѣдаюⷮ, летиⷮ; такъ въ Арх. сп., въ печ. текстѣ оба раза ъ.

И. И. Срезневскій (Древ. Слав. пам. юсоваго письма. Спб. 1868 г. Сборникъ ст. Имп. Ак. н. III, на стр. 153. 174) говоритъ:

„Чаще всего видимо смѣшеніе глухихъ гласныхъ, выражаю-

щееся или неправильнымъ и непослѣдовательнымъ ихъ употребленіемъ одной вмѣсто другой, или исключительнымъ употребленіемъ одной изъ нихъ вмѣсто другой. Изъ рукописей этого послѣдняго отдѣла исключительнымъ употребленіемъ одного ъ отличаются Евангельскіе листы Ундольскаго XI вѣка, Паремейникъ Григоровича, 1-й почеркъ Слѣпченскаго Апостола; а исключительнымъ употребленіемъ ь Македонскій листокъ XI вѣка, Евангельскіе листы Ундольскаго XII—XIII вѣка, Дечанскій псалтирь и поученія Ефрема Сирина XIV вѣка. Изъ рукописей, въ которыхъ употреблены и ъ и ь, менѣе всего неправильностей въ ихъ употребленіи находится въ Новгородскихъ Евангельскихъ листахъ XI вѣка; но и въ нихъ встрѣчается ъ вмѣсто ь, и на оборотъ, какъ въ коренныхъ созвучіяхъ, такъ и въ окончаніяхъ; въ другихъ же рукописяхъ XI вѣка и болѣе позднихъ количество неправильностей неисчислимо. Нерѣдко въ одной и той же рукописи на одной и той же страницѣ одно и тоже слово написано и съ ъ и съ ь."

Dr. F. Miklosich (Lehre der Conjugation im Alt Slovenischen. Wien. 1849. ausd. I. B. der Denkschr. der Ph. und Hist. C. der K. Ac. der Wiss. стр. 5):

„Der Character der III Singular. ть, der sich in сѫти (inquit) vollständig erhalten, fällt selbst in sehr alten Handschriften häufg ab: ѩвлѣѥ҆, бѫде, бесѣдоуѥ, пътаѥ, хѫште, пътаа, подобаа, исхаждаѥ cod. Suprasl.—охоудѣѥ hom. 289. —повѣдоуѥ ibid. 226. — проповѣдаѥ ibid. 228.—послоухоуѥ ibid. 180. — праздьноуѥ ibid. 99.—Seltener ist dieses in der III Plural der Fall: начьнѫ (incipient) cod. Suprasl.—слѣпи прозираѭ, писана бываѭ cod. Assem. Dafür nehmen manche Verba in der III Singular, seltener Plural Aorist und Imperfect тъ an: житъ Triod. — обитъ, питъ, приѩтъ, сънѧтъ, начѧтъ, оумрѣтъ, степашетъ Georg. mon. — моуждашетъ Ostrom. 279. а. в.—оучашетъ, глаголашетъ, имашетъ, помиловашетъ, родѩшетъ и пр. aus Nestor und Annal. Ipat. angeführt von Šaf. čas. mus. česk. 1847. 158 et seqq. могошѧтъ Annal.

Ipat. — придѫтъ (συνῆλθον, πάρεισιν) apost. mac. sind sehr selten; имѣхѫтъ cod. Kop. Evang. šišat; — хранѣхутъ Georg. mon.; въпрашахѫтъ dam. Apost.; съвръшахѫтъ Mich. 2, 1.; искахѫтъ 2 Reg. 17, 20. Dobrowsky 555: прѣштахѫтъ, молıахѫтъ Evang. šišat; въпрашахѫтъ Apost. šišat. — звахѫтъ, изимахѫтъ, въѕбивахѫтъ, несıахѫтъ, бижхѫтъ, метахѫтъ, слоушахоутъ u. s. w. aus Nestor. und Annal. Ipat. angeführt von šaf. čas. mus. česk. 1847. 159 und seqq. — Im Aorist nimmt auch die II Singular das тъ, an: бъıстъ (ἐγενήθης et ἐγενήθη) brev. glag. — обитъ (obvolvisti, obvolvit), приıатъ (accepisti, accepit). — Ich schreibe in diesen Fällen aus Gründen, die ich erst später entwickeln kann, тъ, obgleich der Ostrom. stets ть bietet.

Мнѣ неизвѣстны дальнѣйшія замѣчанія Миклошича объ окончаніи глаголовъ на тъ и ть, а равно и замѣчанія Шафарика въ Часописи Чешскаго Музея за 1847 годъ, стр. 158 и слѣдующія. Весьма важно то, — если можно считать вопросъ о народности сочинителя Игоревой пѣсни серьезнымъ, — что окончанія: бяшетъ, помняшетъ, сѣяшется едва были извѣстны Миклошичу и Шафарику до изданія Ипатьевской лѣтописи. При сличеніи толковой Псалтири Болонской конца XII столѣтія и Погодинской XII оказывается:

Въ Болонской: знаменавастъ, внидетъ, въсприѫтъ, глетъ; въ варіантахъ по Погодинской Псалтири: блвитъ, блвествитъ, величитъ (ь), приноситъсѧ, приноситсѧ, этотъ варіантъ повторяется постоянно, кстъ, кт, подобактъ, пдобает, просвѣтитъ, станѫтъ, станѫтъ и т. д.

Въ обоихъ же спискахъ встрѣчаются: побѣгнѫтъ, нисходѧтъ.

Въ Погодинской Псалтири: псаломъ а҃, съвершаетъ, блажитъ, бѫдетъ, сѫтъ, цвѣтетъ, глетъ, дастъ, ѿпадетъ, сѫтъ, възметаетъ, въскрьснѫтъ, погыбнетъ, спасаетъ, ѡмръжаетъ, ѿметаетъ, естъ и т. д. Въ этой же выпискѣ встрѣчается: „бысть имъ въ тъще“ и „обрящетъ“.

Въ псалмѣ: Гъ вцрисѧ да радуетсѧ землѣ; по Погодинской

рукописи, принадлежащей И. П. Б., по выпискѣ Срезневскаго (стр. 241), за неимѣніемъ полнаго списка, въ началѣ псалма изъ Болонской Псалтири сѫть, глѣть.

Затѣмъ, по Болонской Псалтири: естъ, сутъ, въздастъ, иматъ. Изъ Погодинской Псалтири (Срезневскій, стр. 244): п҃ѣ Марија сестры Мосеѡвы; поіастъ, о҃долѣе҃ть, приѩть, п҃ройдѫтъ; и на слѣдующей же строкѣ: проидѫть, дасть, ꙗвлѣеть, покрыеть, придѫть, бѫдеть, налѫгѫть, сѫдить и т. д.

Въ началѣ и концѣ Погодинской Псалтири, по двумъ почеркамъ, возвратные глаголы пишутся: поучитсѧ, исправится, поспѣется, поспѣѫтся, посмѣется и т. д. (стр. 207 и слѣд.). И въ самомъ концѣ, какъ бы протестуя противъ собственнаго правописанія, нарисовано Х҃с. Зач҃. и ко҃ естъ.

Въ Болонской: приноситъсѧ, ѡблачитъсѧ, приклонитъсѧ, оутвръждаетъсѧ, оустрашѫтъся, оубоѭтъсѧ, възвышаѫтъся (въздвишаѫтся Пог. Псал.), ѡбратѫтсѧ (ѡбрат҃ѧ Пог. Псал.), оукоритъ, възноситъ, обништаѭтъ, г҃лѫтъ, възъпьѫтъ, разлѫчитъ, веселѫтъ, оупъваѭтъ. Zum Glag. Cloz. F. Miklošich. Wien. 1860 (X. B. der Denkschr. der P. H. C. der Acad. der Wis. 201 (9).

Срезневскій изъ Саввиной кн. Еванг. чт. XI вѣка: створитъ, прославитъ, соблюдетъ, естъ, разоумѣѭтъ, боудетъ, дастъ, сѫтъ, смѫщаетъся, съберѫтъ.

Слово о Адаме и Евзе (Измарагдъ Троицкой Сергіевой лавры, XVI вѣка; Тихонравовъ, Памятн. отреч. Рус. лит. Спб. Т. I. стр. 6): оукажетъ, повели҃, хоще҃, хощетъ, изречетъ, припоуститъ, оутолит, болитъ, дасть, гласитъ, наоучитъ, последоую҃, оуслышитъ, припоуститъ, ѡслаби҃, хѡт҃ѧ, смѣıашеть, есть, бысть, г҃лтъ, есть, есть, есть, дасть, изыдетъ, зритъ, трепещетъ, г҃лтъ, дасть, створитъ, дасть, есть, соуть, хощетъ, хощетъ, хощетъ, избавит, оуслышит, предасть, изыдетъ, есть, есть, есть, вдасть, пребываетъ, пребываетъ, пребысть, предасть, погребетъ, лежи҃.

Окончанія на ть безъ разногласія:

8 есть, 3 дасть, 2 предасть, вдасть, 1 соуть, 1 бысть, 1 пребысть. Сюда принадлежитъ также смѣꙗшеть.

Въ Откровенiи Авраама, по пергаменному списку XIV вѣка, постоянно ть, какъ и вообще въ большей части позднѣйшихъ Русскихъ рукописей.

Изъ всего этого можно заключить, что тѣ писцы, которые исключительно употребляли одну изъ глухихъ буквъ, не придавали ей опредѣленнаго значенія и предоставляли читателю избирать то произношеніе, которое соотвѣтствовало мѣстному обычаю.

Тѣ писцы, которые употребляли безразлично и ту и другую глухія буквы, хотя и принимали за правильное одно изъ двухъ правописаній, однако могли сбиваться по привычкѣ или по мѣстному произношенію. Изъ рукописей, гдѣ разногласіе въ значительномъ количествѣ, нельзя дѣлать выводы, что именно писцы считали правильнымъ и что они писали по привычкѣ. Сила привычки равняется силѣ закона. Общины, существовавшія до введенія Церковно-Словенской письменности, состояли изъ людей, принадлежавшихъ разнымъ народностямъ, а потому и разногласіе относительно правописанія должно было быть съ самаго начала спорнымъ. Я полагаю даже, что глухія гласныя и ѫ, употребляемый разнообразно въ древнѣйшихъ рукописяхъ, получили свое существованіе преимущественно для облегченія распространенія церковной письменности между различными Славянскими народами. Нѣчто подобное мы видимъ въ Арабскихъ рукописяхъ, опускающихъ гласныя также, вѣроятно, на томъ основаніи, что гласныя произносятся различно Арабскими племенами. Этимъ самымъ облегчилось распространеніе письменности между различными племенами.

Дальнѣйшее сличеніе остальныхъ разногласій въ обоихъ текстахъ Слова, Пушкинскомъ и Пекарскомъ, укажетъ, вѣроятно, которому изъ двухъ текстовъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе. Ясно лишь то, что въ рукописи, принадлежавшей графу Пушкину, находился 41 глаголъ съ окончаніемъ, обозначеннымъ двумя различными знаками, прямою чертою въ пяти случаяхъ и, вѣроятно, дугообразною—36 разъ,

или наоборотъ. Не слѣдуетъ также опускать изъ виду, что прямолинейная черта въ рукописяхъ переходитъ безъ намѣренія писца въ дугообразную.

Что касается до глухихъ гласныхъ въ серединѣ словъ, то разногласіе еще болѣе замѣтно: ъ замѣняется гласною о или є въ изд. Пек. 12 разъ, Пълку 7, вълкомъ и 34 раза пръвое-ую-ыхъ, напълнився, дльго, 4 чръный-я-а-ою; млъніі, Чръниговъ, Святоплъкь (Святополкъ), пълночи, слънце, бръзъ, вльнахъ, помлъкоша. ъ и ь вовсе опускается въ изданіи Пекарскаго: вѣступи, чрълены, Тьмутороканя, иноходьцы, крильца, Угорьскыи, тъмою, Готьскія, ольбсры, Ингъварь, седьмомъ, отъ, сильными, мьглами—мъглами, помлъкоша, только. Но за то въ изданіи Пекарскаго встрѣчаются ъ и ь въ тѣхъ слогахъ, гдѣ въ изданіи графа Пушкина глухихъ гласныхъ не находится: Свят[ъ]славъ, бес[ъ], Свят[ъ]славлича, Сал[ъ]тани, Свят[ъ]славлича, мр[ь]кнетъ, Латин[ь]скими, утр[ъ]пѣ, шестокрил[ь]цы, Литов[ь]скія, Кіев[ь]скаго, Кіев[ь]скимъ, шестокрил[ь]ци, Полот[ь]скѣ.

Случаи, гдѣ одна изъ глухихъ гласныхъ замѣняется другой (слова выписаны по первому печатному изданію, а разногласіе отмѣчено въ скобкахъ по изданію Пекарскаго):

Тъмутороканю [ь], мъгла [ь], чрьлеными [ъ], орьтмами [ъ], чрьлена [ъ], чрьлена, тльковинъ—тлъковинъ. Всѣ эти слова принадлежатъ къ § 1, т. е. слѣдуетъ предполагать прямолинейную надстрочную черту.

Согласное употребленіе глухихъ гласныхъ въ обоихъ изданіяхъ: възрѣ, въспѣти, бръзыя, въспѣти, бръзыи, възлѣлѣяни, въскрмлени, въступи, въсрожатъ, въстала, въсплескала, съглядати, чрънахуть, нъ, нъ, повръгоща (опечатка—вмѣсто повръгоша), чрълеными [первое изд.]—чръвлеными [изд. Пек.], вржже, тъ [тъй], утръ, Хрьсови, Святославли, съпряже, въвержеся, чрьнядми, пожрьши, втроскоташа, Святъславля, Ольгова.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ при снятіи копіи для императрицы, т. е. до отъѣзда въ Москву, замѣнялъ глухія гласныя ъ и ь гласными о и є, для облегченія чтенія.

Онъ признавалъ также знакъ тяжелаго ударенія за признакъ глухой гласной; по переѣздѣ въ Москву, при печатаніи, этотъ знакъ оставленъ безъ вниманія.

Затѣмъ слѣдуетъ предположить, что составившаяся въ Москвѣ редакція для изданія „Слова" была діаметрально противуположнаго мнѣнія съ редакціею Петербургской.

По первому изданію въ печатномъ текстѣ и архивномъ спискѣ встрѣчаются: мъглами, мьглами и мъгла; въ первыхъ двухъ случаяхъ нѣтъ глухихъ гласныхъ въ архивномъ спискѣ, а вмѣсто мъгла встрѣчаемъ мьгла. Вмѣсто орьтмами въ изданіи Пекарскаго ъ, и наконецъ ь три раза замѣняется буквою ъ въ словѣ чрьлен въ изданіи Пекарскаго. Это же слово въ обоихъ изданіяхъ 2 раза пишется на ъ; одинъ разъ ъ опущенъ въ изданіи Пекарскаго, и наконецъ въ этомъ послѣднемъ изданіи то же слово написано съ ерикомъ.

Эти примѣры весьма наглядно указываютъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія обвинять первыхъ издателей въ систематическомъ исправленіи текста.

Взглядъ графа Мусина-Пушкина, выразившійся въ копіи, сдѣланной для императрицы въ 1797 году, былъ измѣненъ при печатаніи и согласованъ съ болѣе правильнымъ чтеніемъ его Московскихъ сотрудниковъ, Малиновскаго и Бантышъ-Каменскаго. Кромѣ того, не слѣдуетъ забывать, что и здѣсь не бездѣйствовала искони обычная намъ неурядица въ правописаніи.

Изданіе текста сдѣлано съ весьма замѣтной осмотрительностію и съ большимъ знаніемъ дѣла. Переписчики и издатели, имѣвшіе дѣло съ Словомъ о Полку Игоревомъ, обращались съ текстомъ даже съ суевѣрнымъ благоговѣніемъ. Едвали можно найти рукопись Греческую или Латинскую, представляющую менѣе описокъ. Самые варіанты въ обоихъ текстахъ Слова представляютъ только различные способы чтенія рукописи.

Сюда слѣдуетъ отнести всѣ именительные, родительные, датель-

ные и творительные падежи на ъ, обозначенный надстрочными знаками въ двухъ начертаніяхъ.

Сюда слѣдуетъ отнести и разногласіе въ обоихъ изданіяхъ, происходящее отъ отсутствія глухой гласной.

Велесовь —ъ, один[ъ], съ—ć, шеломом[ъ], забывъ—ь, Всеволожъ—ь, дивь—ъ, бес—[бесъ], похитимъ—ь, дастъ—ь, подѣлимъ—ь, дастъ—ь, Урим[ъ], Черниговъ—ь, Донецъ—ь, отецъ—ь, сон[ъ], в=въ, съ—сь, въ—в́.

Различіе въ правописаніи дательнаго, винительнаго и творительнаго падежей весьма очевидно объясняется нахожденіемъ въ рукописи тѣхъ же двухъ знаковъ, читаемыхъ различно въ Петербургѣ и Москвѣ: былинамь—ъ, умомъ—м, имъ—ь, мечемъ—ь, человѣкомь—ъ, князем—ь, нимъ—ь, намъ—ь, трудомь—трудо̑, звѣремь—звѣремъ, молоды̑, соколовь—ъ, умъ—ъ, имь—ъ, умъ—ь, бологомъ—ь, болотомъ—ь, животъ—ь, сыновъ—ь, князем—ь, босымъ—босым, соколомъ—соколом, своихъ—своих.

Сюда можно отнести и варіантъ рече и речь, предполагая въ рукописи форму рє̑. Такъ объясняется этотъ варіантъ у Тихонравова. — Можетъ быть, и варіантъ рече и рекъ произошелъ отъ чтенія рє̑. Этотъ примѣръ можно даже считать сильнымъ подтвержденіемъ догадки о значеніи, приданномъ этимъ двумъ знакамъ.

Касательно надстрочныхъ знаковъ прямолинейнаго и дугообразнаго слѣдуетъ замѣтить, что знаки эти замѣняли разныя гласныя буквы, и даже нѣсколько разомъ, что видно по выпискамъ въ Христоматіи Буслаева. Заимствованные въ этой Христоматіи примѣры достаточно указываютъ, что предполагаемое мною объясненіе нѣкоторыхъ варіантовъ непроизвольно: въ ч̑тотѣ и ч̑тѣ житіи живоущихъ (Служебникъ Антоніа Римлянина, рукоп. Синод. Библ. № 605).

ч̑лколюбьц (Трефолой, рукоп. Синод. Библ. № 895, подъ 20 іюля).

мл̑ть (Паремейникъ, рукоп. 1271. Имп. Публ. Библ. Притчи Соломона 3, 1—18).

Также: мать, м҃тына и м҃ти въ Пр. Соломона 14, 15 26 (по той же рукописи).

Въ послѣсловіи къ Псалтыри Синод. Б. р. 1296. 235: і писав̾ша трⷪу҇ ра҃ помнітє. и на сѣдалницє гоубитєль нѣдс (въ той же рукописи).

Нєчтва҃ = нечестиваго (Прологъ, рукоп. Синод. Б. XIII—XIV вѣка. Память преп. о. Кирилла, подъ 14 февр.).

Въ Тріоди Григоровича (Др. Слав. пам. И. И. Срезневскаго. 1868. стр. 337): врта, гл҃мъ, шви [остави], помоуї, ѱлн.

Ѿ нєрєвьско҃ конца ст҃го Володимира (стр. 314).

Рѧзанско҃ (стр. 322. харат. Синод. Лѣтописи).

Мло҃ (стр. 323). Можно было бы предполагать, что подобное сокращеніе обозначаетъ правописаніе ого, но въ той же рукописи встрѣчаются род. пад. на аго.

Подобныя сокращенія встрѣчаются, напримѣръ, въ Новгородскихъ листкахъ: слнє мрькнєтъ—безъ обозначенія буквы ц.

Въспоитє гви пѣ҃ нову (изъ Саввиной книги въ Древн. Слав. пам. юсоваго письма. 1868 г. стр. 73).

Здѣсь „пѣснь" написано совершенно согласно съ обоими чтеніями, печатнымъ и архивскимъ. Тоже самое и относительно пятницы въ на (изъ Саввиной книги въ Древн. Слав. пам. Х вѣка, Срезневскаго. 1868. стр. 129).

Тѣлмь [тѣломъ] въ Слѣпчен. сп. Д. Ак. и въ Синодальномъ.

Надстрочные знаки прямолинейный и дугообразный въ несравненно большемъ числѣ случаевъ тождественны, т. е. прямолинейный знакъ переходитъ, по небрежности писца, въ дугообразный. Напр. въ Лавр. рукоп. Лѣтописи дугообразный знакъ ставится намѣренно, преимущественно, если не исключительно, надъ словомъ высть. Можно предположить, что при снятіи копіи, сдѣланной для императрицы, по примѣру ея установился взглядъ, что дугообразный знакъ соотвѣт-

ствуетъ мягкой полугласной въ отличіе отъ твердой, а гласная „а“ въ отличіе отъ „о“, „и“ въ отличіе отъ „ы“, обозначаемыхъ прямолинейнымъ знакомъ. Мы находимъ слѣдующіе варіанты, вызванные тѣми же знаками, которые были прочитаны ы вмѣсто и въ архивскомъ текстѣ, и на оборотъ—въ Пушкинскомъ.

ОТКРЫТІЕ

ТИТЛОВЪ ПО ОБОИМЪ СПИСКАМЪ

Пушкинскому.		Архивскому.	
	плъки	полкы	
възлелѣяны			възлѣляни
плъкы (2).			полки (2).
	плъци	полцы	
крылы			крилы
	рускія	рускыя	
	рѣки	рѣкы	
	потоки	потокы	
	великихъ, ій	великыхъ, ый	
	Половецкихъ	Половецкыхъ	
	Половецкія	Половецкыя	
кроваты			кровати
	аки	акы	
акы			аки
	готскія	готскыя	
	похитимъ	похытимъ	
	облаки	облакы	
	Литовскія	Литовскыя	
унылы			уныли
желѣзныи			желѣзніи
	многи	многы	
	ляцкіи	ляцкыи	
	нихъ	ныхъ	
Давидовы			Давидови

Безъ различія въ обоихъ текстахъ: полкы, прикрыты, угорскый, тмутороканскый, оварскыя, Половецкыя, Половецкыми, Кіевскый, касожьскыми, Рускымъ, ыя, облакы, великый, всякыми, драгыя, паволокы, акы, дѣвкы, телѣгы, полунощы, кожухы; давный и поганыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ встрѣчается точно также безъ варіантовъ полки, угорьскими, Половецкіи, Половецкія. Въ противуположность современному Русскому произношенію находимъ опять безъ варіантовъ: нѣмци, половци, галици, крильцю, крильца, храбріи, изострени, отворени, напряжени, въскръмлени, осѣдлани, поганіи, врани, жадни, знаями, вѣдоми, свѣдоми, повити, къмети, ради, гради, готови, весели. Правило обнаруживается весьма явно и вмѣстѣ съ тѣмъ не намѣренное отступленіе отъ правила.

Варіанты на букву Я объясняются двоякимъ чтеніемъ этой гласной, изображенной начертаніемъ ѧ. Что касается до варіанта „веселія“ и „веселіа“, то это послѣднее разногласіе объясняется правописаніемъ Чудовской толковой Псалтири XI вѣка. Выписки изъ этой Псалтири приведены въ вышеупомянутомъ изданіи академика Срезневскаго, на стр. 172 и слѣд. Псал. XLIII: прѣиашѧ вмѣсто прѣяшѧ, навидаштѧꙗ вмѣсто ненавидаштѧꙗ, своꙗ вмѣсто своꙗ, ꙗзыцѣхъ вмѣсто ꙗзыцѣхъ.

Можно предпол. въ Пушк. рукописи веселіа или веселіа ср. табл. VII. 47.

Это затрудненіе отличить букву Я отъ А, болѣе прочихъ разногласій, доказываетъ древнее правописаніе, древность почерка Пушкинской рукописи, приводившей издателей въ недоумѣніе.

Въ Супрасльской рукописи: начаша (235), повелѣша, причаститиса, подаша, быша, спѣшатъ, придоша, просиша, быша, разбѣгошаса, распаша, градете, оучасть, видѣша, обрѣтошаса, твораште, хоташте, уослышатъ, отъстѫпатъ, бѣсаштоуса, съвазана, ужасошаса, кназемъ, са, поманѫхомъ, има, болашта, гла, насыштаиса (въ варіантѣ Срезневскаго по Рус. лист. Имп. Публ. Библ. XI вѣка: насладисѧ стр. 188).

*

Привожу здѣсь нѣсколько примѣровъ изъ Супральской рукописи соотвѣтствующихъ варіантамъ въ табл. VII и VIII. стр. 47 и 48. При этомъ можно замѣтить, что варіантъ Христья(а)ны объясняется присутствіемъ какого либо смягчительнаго знака надъ а.

Въ Супрасльской рукописи: быша, подаша, придоша, ср. песоша ю таб. XV. 62. пощадите, надежда, сѣдащемъ. начаша, цѣсара и цѣсара,отълучивше ıа [Іону и Варихисія] разно, поматаша ѧ (пръсты) предъ стымъ Ішнѧ.

Варьянты по Пушк. и Архивск. тексту:
начяти — а, рассушясь — а,
начашя — а, тучя — а,
потручяти — а, поскочяше — а,
Святславличя — а, Брячяслава—Брячаслава,
давечя — а, начяша — а,
начясте—а, рядяше—радяше,
христьяны — а, сыновчя—а.
веселія — а (въ древней рукописи веселіа или веселїа̑).

На оборотъ Полочанамъ было въ древней Пушкинской рукописи: Полочаномъ. (вар. 242).

Въ Саввиной книгѣ (Срезневскій, стр. 11):находимъ мрѣжа и мрѣша.

ıщаї обращетъ.
вьмѣтаѭща мрѣжа.
оставьша мрѣжа.
строаща мрѣжа.

Ср. замѣтку И. И. Срезневскаго (стр. 19) въ обозрѣніи объ опечаткахъ въ изданномъ имъ текстѣ.

Читавшій правильно а и ѧ (я) долженъ былъ признать встрѣтившееся а за а. Имѣя въ виду мрѣжа, възвѣıаша, супротивникъ слово Полочаномъ читалъ Полочаномъ, имѣя въ виду формы подобныя: взвѣıаша,—птица небесныѧ.

Первые издатели, не имѣвшіе обильнаго матеріала, тщательно собраннаго И. И. Срезневскимъ, не могли не стать въ тупикъ, встрѣ-

тивъ въ Слуцкой Псалтири, которая могла быть извѣстна одному изъ нихъ, между прочими примѣрами употребленія начертанія ѧ: кънѧзи погънаша мѧ,—любѧщимъ,—приближитсѧ,—овчѧ. (Древн. Старо-Слав. пам. юсоваго письма, Срезневскаго. Стр. 164 и 165). Я не ссылаюсь на Супр. р. такъ какъ она могла не быть извѣстной въ то время. [см. стр. 47. табл. VII].

Въ Саввиной книгѣ встрѣчается это начертаніе: радоуѩсѧ, обинысѧ вм. обиноуѩсѧ въ Ватик. глаг. Евангеліи (тамъ же стр. 169), распѧдесѧ (Финлянд. отр. изъ четвероев. XII в. № 1. Срезневскаго. 1871. стр. 16).

Таже двойственность въ правописаніи повторяется и въ словахъ съ буквою ѣ.

И възиди на херовимъ и летѣ
Летѣ на крилоу вѣтрьню.

Въ Толк. Псалт. рус. письма XI вѣка, принадл. Имп. Публ. Библ. пс. XVII. И. Срезневскаго, въ прил. къ XX т. Зап. А. Н. № 3. стр. 42.

Обѣ формы „летѣть и „лѣтать“ занесены въ Словарь Миклошича.

Летѣти — πέτεσθαι — volare. Jo. Clim. Vost. I. 393.

Летѣ конь. Карамзинъ, II. пр. 353.

Лѣтаѥмыѥ па святаго стрѣлы. Прологъ Пиргскаго монаст. Сербск. рук. 1572 г.

Лѣтаѥмь, Johan. Chrys. etc. hom. 1574. serb.

Голоубіѥ лѣтающе; высоко летающимъ (Хрестом. Буслаева. 689. 918. 977).

Полётъ указываетъ, какъ-будто форма летѣть правильнѣе чѣмъ лѣтѣть. Тоже самое можно замѣтить и о сѣдлѣ—сёдла, вѣроятно писавшемся правильно сѥдло. Въ словарѣ Миклошича даже нѣтъ формы: сѣдло.

Въ обоихъ текстахъ варіанты Ѣ и Е находятся въ совершенно такомъ же положеніи, какъ и всѣ прочіе, т. е. одинъ текстъ идетъ на перекоръ другому. Буква Ѣ въ печатномъ изданіи 30 разъ замѣнена буквою Е, и наоборотъ—буква Е четыре раза замѣнена буквою Ѣ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ случаяхъ можно предположить, что „ветрѣхъ“ въ древней рукописи имѣло слѣдующій видъ втѣхъ; слово море—мо, Ольберы—Ольбы, възлѣяны. Начертаніе этихъ четырехъ словъ читалось при первомъ изданіи текста за Е; въ архивскомъ же спискѣ знакъ этотъ замѣненъ буквою Ѣ.

Въ окончаніяхъ глаголовъ и существительныхъ именъ можно объяснить разногласіе присутствіемъ буквы ѥ—что правильно по мягкости предшествующихъ согласныхъ—въ словахъ синѥмъ, златовръсѥмъ, жестоцѥмъ, златокованнѥмъ.—„Высѣдѣ“ и „видѣ“ также могло быть написано: высѣдѥ, видѥ.

Лебедѣй, землѣ, Всеволодѣ, себѣ, Осмомыслѣ, небесѣ, Всеволодѣ, лебедѥи, себѥ, Осмомыслѥ и прочія могли быть написаны Всеволо, сѥ и пр.

Половѣцкого—Половѥцкого, тѣлѣгы—тлѣгы, залѣтѣло—залтѣло; 7 разъ стрѣл съ разными окончаніями, стрлами, потети, кѥпити, стѣста, помкоста, кѥити, плонило. Употребленіе іотированнаго ѥ, послѣ согласныхъ р, н и л, есть принадлежность древняго Церковно-Славянскаго письма и въ древнѣйшихъ рукописяхъ обозначается приставкою і: ѥ, ѥ, или точкой надъ є, или соединительной дугообразной чертой надъ согласными р, л, н и гласной є. Присутствіе разнообразнаго іотированія гласной є въ древней рукописи Слова несомнѣнно на томъ основаніи, что варіанты текста первыхъ издателей и архивскаго списка всѣ относятся къ этой гласной вслѣдъ за согласными р, н, л, г, т, д, согласно съ древними рукописями.

Д"вицею=дѣвицею, впрочемъ какъ это разнорѣчіе встрѣчается лишь одинъ разъ " — вмѣсто ѣ, то здѣсь невозможно ничего

предполагать; можно сказать определительно, что „дивицею" ошибка въ печатномъ текстѣ, однако правдоподобнѣе принять дивицею за д҃вицею, какъ это слово написано въ прологѣ XVI вѣка и въ печатномъ прологѣ, приводимыхъ М. П. Погодинымъ въ переводѣ сочиненія Добровскаго о Кириллѣ и Меѳодіи, стр. 103:

Д҃вица мудрость есть б҃жія
Собра д҃вицы своя.

Впрочемъ при этомъ обычномъ знакѣ первые издатели едвали могли усомниться поставить дѣвицею, тѣмъ болѣе, что это правописаніе соблюдено постоянно въ самой пѣснѣ.

Форма дивицею имѣетъ, впрочемъ, свое основаніе.

Іотированіе гласной ѥ послѣ согласныхъ встрѣчается и въ Русскихъ памятникахъ: Се все помышльше бра҃ѥ не мозѣмъ жестокосерды быти ни лихоимателѥ (Срезневскій, Финлянд. отр. изъ Сборн. Поученій № 40).

Въ большей части рукописей надстрочные знаки не имѣютъ точнаго, опредѣленнаго значенія; такъ, напримѣръ:

н҃бо — нбе҃мъ. б҃ъ и б҃ъ.

Здѣсь не можетъ быть сомнѣнія, что эти разнообразные знаки немало затрудняли издателей.

По архивскому списку видно что ре҃ было прочтено неправильно „речь", а ре҃ было почтено „рекъ". Впослѣдствіи, послѣ многихъ трудовъ, эта обыкновенная форма была прочтена правильно, какъ видно по первому изданію.

Варіанты указываютъ, что первые издатели принимали за ѣ букву ѥ и ѥ=є̈ — это іотированное є употребляемое въ древнѣйшихъ памятникахъ въ началѣ словъ, послѣ гласныхъ и послѣ нѣкоторыхъ согласныхъ г, л, н, р, т: ѥсть, ѥмоу, въстаниѥ, требоуѥтъ, начинаѥтъ, скорѣѥ, своѥ, ѥстъ (Супр. рук. ѥсть, въ Рус. лист. Имп. Публ. Библ).

а проче кланѩюсѧ игоуменоу и всеи братьѥ. Духовн. грамота Новгор. Климента, XIII вѣка. (Срезневскій, Свѣд. и зам. XXXV. 1. стр. 3 и 27.)

съ ѡбильѥмь, 1. стр. 7.

оружьѥ, стр. 2. стр. 4.

. . . . братнѥже и сестрьнѥ рыданиѥ . . . .

се все помышльше бра҄ѥ не мозѣмъ жестосьрди быти ни лихоимателѥ ни хыщьници нъ правѣ живѣмъ. да хвалоу ѿ б҃а пріимѣмъ. Финл. отр. 13. Изъ Сборника поуч. Рус. письма (Срезневскій, Св. и Зам. 1871. стр. 35 и 36.)

По древлѥ, (тамъ же № 1.)

В. И. Ламанскій (о нѣкотор. Слав. Пам. стр. 20) приводитъ изъ Синаксаря 1330 г. № 53. Библ. Серб. Мин. Народ. Пр.

кнѥзоу, л. 3. на об.; кнѥземь, л. 5. на об.;

оусѣкателѥ, л. 6; идолослужитѥль, л. 180. на об.

Въ Лѣтописцѣ Господь Срьбскихъ (Pamatky dréwniho pisemnictvi Jugoslovanův dil pred chozi sebrala vydal Pavel Joseph Safarik. V Praze. 1873:

Гѥнварь—74. Гюргіємь—75. Плѣнише тоурци съ вьлкомь срьблѥ—по двумъ рукописямъ 2-й пол. XVII стол. 75. Благочестивый господинъ Сьрблѥмь—76. И плѣни Срблѥ—по 3 рук. 76—и многъ плачъ Срблѥмъ остави—по 3 рук. 76. погыбѣ и погыбе—76.

Кромѣ іотированныхъ є въ началѣ словъ и вслѣдъ за гласными и полугласными встрѣчается іотированное є выраженное формою ѥ и гѥ вслѣдъ за г, к, л, н, т.

Въ сказаніи о Сербскихъ господахъ: кѥсарства, сьпемлѥть, нѥю, пріемлѥть, тогда землѥ тоѥ жителѥ (стр. 57). понѥже, вънки, тое землѥ, милостинѥ сотвори, кралѥвство (51), огнѥмь (52), въ

нѥйже и светыѥ его мощи (53), ѩзыкы, приѥмлѥ, вѣнчаваѥть ѥго послѣди же и сьриноу его македоніи (54), пѥѥже ангѥлина (63).

Это же начертаніе іотированнаго є встрѣчается послѣ согласныхъ въ Новгородскихъ листкахъ, изданныхъ Срезневскимъ: глаголѥтъ; въ Остром. Евангеліи встрѣчаемъ о нѥмъ.

Такое же правописаніе встрѣчается и въ рукописномъ Іоаннѣ Екзархѣ Болгарскомъ, на листѣ 1: понѥже; и на листѣ 2: и въ нѥго же мѣста (Бодянскій, прил. къ соч. о происхожд. Слав. письменъ).

Начертанія носовыхъ гласныхъ должны были находиться въ рукописи, судя по неправильному чтенію глагола поютъ вмѣсто поятъ, а также и на основаніи варіанта жемчюжина и жемчужина. Привожу нѣсколько примѣровъ подобныхъ начертаній по разнымъ рукописямъ:

Оупоѭ стрѣлы моѩ от крьве (срезневскій, изъ Погод. Псалтири, 250).

Да посадить ѩ сь могѫтьми людьскыими.

Изъ Погод. Псалт. м҃тва Аннина (Срезневскій, 251).

Хранѧщеи соуетнаа и лжу (Срезн. изъ Погод. Псалт. 255).

Жьгуще пещь нафтоѫ и неклом и изгрѣбми и лозінемь. (Срезн. Погод. Псалт. 257).

Въ Болгарской (Болонской) Псалтири, современной походу Игоря 1186—1196, широкое ѫ употреблено вмѣсто ѧ, между прочимъ, въ 3-мъ лицѣ множественнаго числа настоящаго: оустрашѫтъся, оубоѭтъся. Въ Погодинской Псалт. (стр. 209): смѣѫтсѧ, попираѫтъ; вмѣсто ѭ — гороѫ — святоѫ (Срезневскій, Сборникъ 1868. стр. 81 и 209).

Нълѣпо ѥсть наче оному хвалѫ и поклонъ и ч҃ѣстѣ отъ цѣсарь же и кънѧзь и воѥводъ (Срезневскій, Сборн. Супрас. рукописи. стр. 234.

Въ Погод. Псалтыри встрѣчаются формы, приведенныя В. И. Ламанскимъ (О нѣкот. Слав. рук. прил. къ VI. т. Зап. Имп. Акад. Наукъ) стр. 93: братриѧ, 93: пощиѧ, мноѧ, на стр. 98: и поѫтъ и ѿ стадъ овчихъ, ѿ доилицъ поѫтъ и.

Въ древней рукописи Слова о Плъку Игоревѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, находилось вмѣсто поѫтъ—поѫтъ или поѭтъ; въ первомъ изданіи и въ архивскомъ спискѣ находится поютъ. Правописаніе древняго текста сохранено, но смыслъ нарушенъ. Варіантъ 237 жемчюжина и жемчужина указываетъ на существованіе юсовъ въ рукописи. Оба правильно признаютъ юсъ—одинъ за у, а другой за ю, такъ какъ согласная ч заключаетъ въ себѣ іотированіе слѣдующей за нею гласной, а потому и произошло разногласіе въ правописаніи скачуть—скачутъ—скачѫт.

Невоструевъ такимъ же образомъ объясняетъ „жедеруя“ вмѣсто жедераꙗ, предполагая весьма основательно въ древнѣйшей Болгарской рукописи ѫ вмѣсто а (примѣч. 253 къ Слову св. Ипполита объ Антихристѣ).

Необходимо обратить вниманіе на правильность употребленія носовыхъ гласныхъ при обсужденіи: вопроса могло ли въ Русской рукописи XIII, XIV или XV столѣтія встрѣчаться правильное употребленіе носовыхъ гласныхъ. Едва ли правильно предполагать невозможность соблюденія правописанія въ Русской средѣ.

Ѫ употребляется правильно въ концѣ словъ:
винит. пад. женскаго рода единств. числа,
творит. пад. женск. рода единств. числа,
3 л. единств. и множ. числа настоящ. и будущ. времени,
причастія: пишѫще, двигнѫ,
наю (отъ ны) и ваю (отъ вы) мѣст. и род. пад. двойств. ч.
ваѫ имен. и вин. мужеск. рода. Двойс. ч, отъ мѣстим. вашь.

Впрочемъ на употребленіе ѫ въ Пушкинской рукописи указываютъ два мѣста: копія, или правильнѣе коньꙗ поѭтъ на Дунаи, въ

обоихъ правильно переданныя „поютъ“, какъ скоро не принято во вниманіе частое смѣшеніе обоихъ юсовъ ѫ и ѧ. Другой случай менѣе гадателенъ—это варіантъ „женчюгъ“ и „женчугъ“. (вар. 237.)

Окончанія на ѧ правильны:

мѣстоименія: мѧ, тѧ, сѧ,

существ. именит. и винит. единств. числа: имѧ, жребѧ, отрочѧ; женскія же оконч. на ꙗ: волꙗ, землꙗ, въ род. волѧ, землѧ, землѩ; а также род. пад. женск. существ. мрѣжа, дѣвица.

имен. и винит. пад. множ. числа: дѣлатель, царь, огнь, море, въ род. пад. на ꙗ, а винит. множ. на ѧ и ѩ;

3 л. множ. числа настоящаго и буд. времени: творѧтъ, хвалѧтъ, стоѩтъ,

3 лице множ. ч. прошед. времени: сътворишѧ, приѩшѧ;

причастія: люба, стоѩ;

въ прилаг. въ род. муж. и ср. иꙗ, въ жен. ѩ;

именит. множ. сред. иꙗ, жен. иѩ;

множ. вин. ср. иꙗ, муж. и жен. ѩ;

мѣстный ꙗ винит. двойств. и сред. множ. ч.

ѩ вин. множ. муж. и женск. р. ꙗ, нꙗ, ѩже, нѩже;

имен. и винит. множ. ч. ж. р. сіѧ, всѩ, вашѩ, своѩ, кыѩ, им. жен. р. ед. числа, двойств. имен. и винит. пад. имен. и вин. сред. множ. ч. своѩ, киѩ.

Разногласія между обоими текстами невозможно объяснить случайностью: это совершенно несогласно съ теоріей вѣроятностей, которую обойти нельзя ради взгляда, пріурочивающаго правописаніе къ излюбленной теоріи; ни въ печатномъ текстѣ, ни въ архивскомъ спискѣ никакой системы незамѣтно.

И нынѣ полезно, можетъ быть, обновить въ памяти читателей уже давно собранныя свидѣтельства, доказывающія извѣстность Слова о Плъку Игоревѣ въ древней Россіи.

Дубенскій сопоставляетъ параллельныя мѣста изъ Слова о Плъку Игоревѣ съ повѣстью о Мамаевомъ побоищѣ. Полевой справедливо замѣчаетъ, что сказаніе о Задонской битвѣ есть образецъ совершеннаго упадка поэтическихъ разсказовъ, перешедшихъ въ прозу. Точно также Снегиревъ замѣчаетъ, что „пѣснь Игорева служила образцомъ и основною тканью для Сказанья о Донской битвѣ; послѣднее есть раболѣпное и часто буквальное подражаніе первому; но въ своемъ составѣ, ходѣ и тонѣ не имѣетъ его единства, оригинальности и миѳическаго цвѣта, слѣдовательно и нельзя предполагать, чтобы послѣднее служило образцомъ для перваго. Это поведетъ къ заключенію, что пѣснь Игорева уже существовала въ то время, когда сочинено или передѣлано было сказаніе, въ коемъ попадаются отрывками тексты изъ пѣсни Игоревой".

Мнѣнія этихъ двухъ русскихъ людей, подтвержденныя обстоятельно Дубенскимъ, освобождаютъ меня отъ необходимости выразить и мое мнѣніе относительно Московскаго подражанія Пѣсни о Плъку Игоревѣ. Если я здѣсь упоминаю о Мамаевомъ побоищѣ, то этимъ я приношу дань строгой критикѣ, требующей указанія слѣдовъ, оставляемыхъ памятникомъ въ исторіи.

Другое несомнѣнное свидѣтельство извѣстности Слова о Плъку Игоревѣ въ древней Россіи есть приписка къ пергаментной рукописи Апостола 1307 года, хранящейся въ Синодальной Библіотекѣ подъ № 19; приписка той же руки, что и рукопись: „Сего же лѣта бысть бой на Роуськой земли, Михаилъ съ Юрьемъ о княженье Новгородьское. При сихъ князехъ сѣяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣци скоротишася человѣкомъ."

Буслаевъ приводитъ (Историч. Христоматія. Москва. 1864. стр. 597) изъ Слова Данила Заточника, по одному позднѣйшему списку,

изреченіе Бояна весьма близкое къ словамъ нашей пѣсни: „Суда де Божія ни хитру уму, ни горазну не минути“. Эти слова отчасти служатъ подтвержденіемъ извѣстности Слова о Плъку Игоревѣ въ древней Россіи: потому что ни въ Греческихъ, ни въ Славянскихъ сборникахъ изреченій древнихъ мудрецовъ сихъ словъ не встрѣчается. Изреченіе это встрѣчается въ Иліадѣ и нѣкоторыхъ классическихъ Греческихъ поэмахъ и въ Русской пѣснѣ съ указаніемъ на принадлежность этого изреченія древнѣйшему эпосу.

Весьма явный намекъ на нашу пѣснь встрѣчается въ Пск. Лѣтописи, по поводу сраженія близь Орши: „Въ лѣто 7022 (1514) бысть побоище великое подъ Оршею Москвичамъ. И воскликаша и возопиша жены Орешанки на трубы Московскія, и слышаша быти стуку и грому велику между Псковичамъ и Литвою. И вдаришась бояре и князи Рускія зъ дивными удальцы сыновами Рускими на сильную рать Литовскую, и треснули копія Московскія, и гремятъ мечи булатныя о шеломы Литовскія!“ (Псковская Лѣтопись, издан. Погодинымъ. М. 1837; стр. 183).

Что касается до заимствованій изъ Русской пѣсни XII столѣтія, встрѣчаемыхъ въ украинскихъ пѣсняхъ, то они очевидная поддѣлка позднѣйшаго времени. О самой поддѣлкѣ заявлено Н. И. Костомаровымъ въ Вѣстникѣ Европы 1874 года.

— -

Необходимо также обратить вниманіе на значительные слѣды аллитераціи въ Русской поэмѣ XII столѣтія.

Съ зараніа въ Пяк̄ъ ПотоПташа Поганыя Плъки Половецкыя; и рассоушясь стрѣлами По Полю Помчаша красныя дѣвкы Половецкыя.

Аллитерація слышится и въ слѣдующихъ строкахъ: Дремлетъ въ пОлѣ ОльгОвО гнѣздО, хОрОбрОе гнѣздО, далече залетѣлО не былОнъ Обидѣ пОрОжденО ни сОкОлОу, ни кречету, ни тебѣ пОганый ПОлОвчине.

Аллитерація проявляется несомнѣнная и даже весьма роскошная:

Камо Туръ Поскочяше своимъ златымъ шеломомъ Посвѣчивая, тамо лежатъ Поганыя головы Половецкыя Поскепаны саблями калеными. . . .

. . . . Стрѣлы по землѣ Сѣяше; Стоупаетъ въ златъ Стремень въ градѣ... Тмоутороканѣ. Съ тоя же Каялы Святополкъ повелѣ яти отца Своего между оугорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіевоу...

. . . По Роусской земли Рѣтко Ратаевѣ кикахоуть, нъ часто вРани гРаяхоуть, тРоупіа себѣ дѣляче, а галици свою Рѣчь говоРяхуть. . .

. . . . а Князи сами на себе Крамолу Коваху. . . .

. . . . а СвятъСлавъ мутенъ Сонъ виде: въ Кіевѣ на горахъ Си ночь Съ вечера одѣвахъте мя, рече, черною паполомою на кровати тиСовѣ. . . . . .

Тогда великый Святославъ изрони злато Слово Слезами Смѣшано. . . . . Се ли СтвориСте моей Сребренѣй Сѣдинѣ.

Въ Русской пѣснѣ аллитерація такъ естественна, что можно даже сомнѣваться—дѣйствительно ли она намѣренная; во всякомъ случаѣ весьма ясно, что она не заимствованная. Древнѣйшая аллитерація Англо-Саксонская вполнѣ искуственная.—Подобная аллитерація Русской, слышится въ стихахъ Виргилія но весьма рѣдко: fit Sonitus Spumante Salo; кромѣ этого примѣра находится у Виргилія еще одинъ стихъ съ явной аллитераціей которую, не слѣдуетъ смѣшивать съ его звукоподражательными стихами.

Въ прилагаемой таблицѣ сгруппированы всѣ варіанты по знакамъ или начертаніямъ буквъ, предполагаемыхъ въ древней рукописи, немного, какъ кажется, отличавшейся отъ древнѣйшихъ. Ручаться за непогрѣшимость предполагаемаго рѣшенія вопроса относительно происхожденія варіантовъ невозможно. Мной избраны были тѣ знаки и тѣ начертанія, которые существовали въ древней нашей письменности; могли существовать и другія мнѣ неизвѣстныя: а также весьма можетъ быть, что и предполагаемая мною двойственность начертаній неправильно распредѣлена. — На эту сторону вопроса я не обращалъ вниманія и избралъ вмѣсто произвольныхъ или численныхъ знаковъ для обозначенія каждаго вида варіанта, тѣ начертанія которыя дѣйствительно находятся въ древнихъ церковно-слувянскихъ рукописяхъ не исключая и Русскихъ и какъ разъ соотвѣтствуютъ обоимъ текстамъ, Пушкинскому и архивскому. — Всѣ варіанты распредѣлены мною на XV статей. Арабскія цыфры соотвѣтствуютъ цыфрамъ надъ соотвѣтствующими словами въ текстѣ: этимъ способомъ совершенно устраняется возможность произвольнаго объясненія каждаго варіанта взятаго отдѣльно, а также и произвольныхъ выводовъ на основаніи преобладанія какой либо системы въ правописаніи древняго, не существующаго текста и текстовъ Пушкинскомъ и архивскомъ.

Существованіе подобныхъ начертаній въ утраченной рукописи признавалъ и Дубенскій, какъ видно изъ предисловія къ его изданію. — Въ подстрочномъ примѣчаніи на страницѣ VII Дубенскій выражаетъ свое весьма основательное предположеніе, что первые издатели выкинули въ издаваемомъ имъ текстѣ буквы ѥ, ꙗ, и другіе строчные и надстрочные знаки. — Н. С. Тихонравовъ въ изданномъ

для учащихся Словѣ о Полку Игоревѣ замѣчаетъ на страницѣ VIII. почти тоже самое о методѣ первыхъ издателей: „Такимъ же произволомъ отличалось и выведеніе ими слова изъ подъ титлъ. Такъ рѐ передается въ одномъ спискѣ посредствомъ речь, въ другомъ посредствомъ рече; или же въ одномъ черезъ рекъ, въ другомъ черезъ рече. Въ 1-мъ изданіи читаемъ пѣстворца, въ Екат. спискѣ: пѣснотворца (рук. пѣстворца?), въ 1-мъ изданіи пѣсьми, въ Екат. пѣсньми. Другими словами, надстрочныя буквы большею частію выпускались издателями, и они печатали: въ шумѣ (вм. въ шумѣ), втроскоташа (втроскоташа), поклониша (поклониша).“

Не меньшую опору предлагаемому мною объясненія варьянтовъ вижу я въ словахъ многоуважаемаго Профессора, стр. V: „А между тѣмъ первые издатели почти постоянно принимаютъ ъ рукописи за ь и наоборотъ, хотя въ Екатерининскомъ спискѣ обѣ буквы списаны съ того же манускрипта иначе и большею частію правильнѣе. Особенно ярко выступаетъ колебаніе Мусина-Пушкина при транскрипціи этихъ буквъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ памятника. Такъ въ первомъ изданіи напечатано: Чрьленъ стягъ (стр. 3), въ Екат. спискѣ то же слово прочтено: Чрълень стягъ!“

„Выводя нѣкоторыя слова изъ-подъ титлъ, первые издатели произвольно ставятъ ь или ъ и тамъ, гдѣ ихъ, конечно, не было въ подлинникѣ. Такъ они печатаютъ трудомь (стр. 7), гдѣ въ Екат. спискѣ трудо̃; умомь (стр. 2), гдѣ въ Екат. сп. умо̃.“

I.

Знаки и буквы въ древней рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх спискѣ.	Примѣчанія.
⌒	z.	38.—43.—46.—48. 53.—66.—70.—75.—76.— 87.—89.—94.—95.—102.— 113.—115.—116.—120.— 124.—126.—133.—136.— 138.—142.—166.—180.— 186.—195.—196.—198.— 199.—200.—201.—210.— 213.—224.—230.—231.— 240.—241.—251.—255.— (ср. 256) 271.—273.—274.— 275.—277.—280.—289.— 292.—294.—298.—302.— 303.—304.—305.—316.— 326.—329.—332.—336.— 344.	ь.	Имъ,—ь. кличетъ, —ь. пасетъ,—ь. мъгла, мьгла.—въсрожатъ,—ь. лежатъ, —ь. летятъ,—ь. синемъ, —ь. княземъ, —ь. нимъ,—ь. Черниговъ,—ь. отецъ, —ь.съ,—ь.подѣлимъ. —ь.птицъ,—ь.дастъ. —ь. болотомъ, —ь. умъ,—ь. животъ,—ь. сыновъ,—ь. княземъ, ь. и т. д.—

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
⌒	ъ.	2.—8.—10.—15.—21.—22.—28.—47.—51.—52.—57.—69.—71.—73.—78.—84.—88.—96.—97.—112.—117.—119.—128.—131.—147.—154.—162.—209.—222.—253.—267.—270.—277.—279.—280.—283.—284.—285.—295.—300.—308.—309.—311.—314.—315.—317.—327.—331.—350.	о.є.	[волкъ, полкъ, борзый, первый, черный, Черниговъ, молнія и т. д. въ Арх. спискѣ; а въ Пушк. влъкъ, бръзый, пръвый, чръниговъ, млъніп и т д.]
	ж.	36. възлелѣяны [и]. 85. въ рукописи п̅к. 122. крылы, [и]. 135. рускыя [ія]. 163. кроваты [и] 214. акы [и]. 239. унылы [и] 243. желѣзныи [іи]. 287. Давидовы [и].	и,і.	
	я.	121. бишася [сь].	ѣ.	Варіанты 16. 130. и 175, а равно и замѣтка относительно «самаго» должны быть отнесены на конецъ стр. 36., такъ какъ здѣсь предполагается прямолинейный надстрочный знакъ.
	о.	[16. 130. 175. самого—самою. са͡мго.—подобное начертаніе гласной ю встрѣчается въ русскихъ рукописяхъ и первые издатели правильно прочли самаю вмѣсто перво-	λ.	

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
⌒	о.	начальнаго чтенія самого] 307. поскочи, поскачи. ср. 306.	а.	Начертаніе ІО встрѣчается весьма часто. вмѣсто ю.
	є.	33. (ср. 14. 30.) рече, речь.	ь.	
		[335. рече, рекъ].		
	а,ѵ.	346. 348. Святславич̑, Игоревич̑.	ь.	Такъ читаетъ г. Тихонравовъ. Святславича должно быть опечатка въ первомъ изд., такъ какъ всѣ прочія имена въ дательномъ падежѣ.— Въ Архив. спискѣ прочт. можетъ быть правильнѣе, такъ какъ отчество часто не склонялось.

II.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
—	ь.	5. — 9.—12.—18.—20.— 24.—32.—37.—39.—44.— 54.—59.—63.—64.—65.— 67.—86.—99.—104.— 105.—106.—109.—156.— 159.—165.—167.—183.— 204.—208.—256.	ъ.	
	ь.	98. олга (могло быть лг) 104. Тьмуторокань. 108. иноходьцы. 173. Тьмуторокaня.	Не обр. вним.	
	ь.	6.—14.—30.—140. пѣснь, пѣснѣ.	ѣ.	
	а,є.	16.—26.—27.—50.—79.— 81. — 151. — 306. великаго [ого] (варьянтъ 307. на оборотъ въ первомъ изд. поскочи а въ Арх. поскачи. Также слѣд. предполагать прямолинейный надстрочный знакъ надъ вар. 130 и 175).	о.	Вар. 16. 130 и 175. по ошибкѣ помѣщены въ концѣ стр. 34. и въ началѣ 35-ой. вар. 50. шеломянемъ, шоломянемъ; всѣ прочіе состоятъ въ замѣнѣ буквы а буквой о.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
—	і.	252. Рсіи —Роси. Этотъ варіантъ подтверждаетъ наглядно двойственность чтенія надстрочнаго знака.	о.	Въ одномъ текстѣ надстр. знакъ принять за И, а въ другомъ за О.
	и.	149. рѣки [ы] 150. потоки [ы] 153. великихъ [ы]. 155.—157.—182. аки [ы] [сравнить на об. 214. акы-и] 185. ія[ыя]. 188. ий, [ый]. 223. облаки, [ы].—245. многи [ы] 247.—265.	ы.	
	т.	56. Пякъ, Пяткъ.	Не обращено вниманіе.	
	с.	235. бысть.		въ Пушк. бысь, въ Арх. бы; слѣд. предпологать: бы=бысть.
	л.	3.229. Святъславлича. Святславича. Подобно сему встрѣчаются въ древнихъ рукописяхъ соединительныя черты въ словахъ: земи, оставь, кораби, вмѣсто: земли, оставль, корабли.—Точно также и 324. Ростислваля, Ростиславя.		
	чє.	рє҃. 335 — ср. 33.	къ.	рече, рекъ.

III.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
"	й.	4.—101. (Тъй-тъ) 262.	Не-обр. вним.	При снятіи копіи для Императрицы Екатерины II, сохранившей надстрочные знаки не было обращено вниманія на этотъ двойной знакъ потому, что онъ часто встрѣчается въ рукописяхъ при сочетаніи двухъ согласныхъ, и обозначаетъ сліяніе первой согласной со второй, какъ будто замѣняя ъ или опущенную гласную.
	и.	107. (я") при чемъ пропущена надстрочная буква т.—яти. Подобные пропуски при помѣткѣ надстрочныхъ знаковъ и буквъ встрѣчаются весьма часто въ лучшихъ рукописяхъ.		
’ ‘		Кавычки ’ и ‘ замѣняютъ ерикъ и еръ, точно также какъ и точка напр. что се створи, вмѣсто чьто се сътвори, въ пергам. листкѣ И. П. Библ. изъ житія св. Кондрата.		
′ ‵	Не-обр. вним.	Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на акценты, встрѣчаемые въ Архивскомъ спискѣ: дѣйствительный акцентъ, находится всего два раза надъ словомъ ко́піе 25 ихуда̀ 257.	′ ‵	
	съ	55.	с‘	

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
ʼ	въ	вʼзмути въ перв. изд. възмути (148).	вʼ	
′	въ	в′ въ перв. изд. въ (282). Эти надстрочные знаки читались издателями текста за ъ, а въ случаѣ если они имѣли значеніе ударенія, то не помѣщались, какъ это сдѣлано было и при снятіи архивской копіи, за исключеніемъ ко́піє и ху́да̀.	в′	
∘	ь.	Одинъ знакъ, вѣроятно точка, принятъ въ печатномъ текстѣ за ь, а въ Арх. спискѣ на него не обращено вниманія мглами [311.] и седмомъ [260.] 52. мрькнетъ, мркнетъ 173. Тьмуторокания, Тмутор. 184. Готьскія, Готскія. 221. Угорьскіи, Угорскіи 233. Литовьскіи, Литовск. 244. Латиньскими, Латинск. 312. мьглами, мглами. Другой знакъ вѣроятно ˘ читается мъглами, сравни варіантъ 320. Сюда принадлежитъ также варіантъ 40. въступи. 41. тьмою, тмою. 257. Иньгварь и Ингварь.;—		Сюда принадлежатъ и слова на 44, страницѣ: Ольгова, сильными, крильцы, Ольберы, льзѣ, не имѣющія ерика въ Арх. спискѣ. — Эти слова съ іотированнымъ ѧ помѣщены на 44, стр. рядомъ съ другимъ начертаніемъ іотированнаго ѩ для болѣе нагляднаго объясненія происхожденія варіантовъ въ обоихъ текстахъ.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		181. тъмою, тмою.—320. мъглами и мглами.		
		и наконецъ варіантъ, 60 орьтмами (Арх. сп.) и орьтъмами въ печат. текстѣ, что заставляетъ предполагать въ древней рукописи:		
		Оꙍ̆тмами.		
		Наоборотъ судя по варіантамъ, необходимо предполагать какой либо другой значекъ, напримѣръ ˵, на который въ печатномъ текстѣ не обращено вниманія на томъ основаніи, что онъ часто встрѣчался безъ особаго значенія; этому же знаку въ Архив., въ противоположность, придано значеніе ъ.		
		168. в̆моемъ 189. свѧ̆тсл. 218. 228. свя̆тславичь. 207 вес̆ 226. салтани, 250. утр̆нѣ.		
		Варіанты 145.—263. Кіевскый, Кіевьскій.		Также заставляютъ предполагать какой либо знакъ.
		281. Полотскѣ.		
		Слѣдуетъ обратить вниманіе на разнообразное значеніе надстроч-		

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		ныхъ знаковъ, въ древнѣйшихъ рукописяхъ:		
''		замѣняютъ въ древнихъ рукописяхъ ъ; напримѣръ въ Тріоди Григоровича XII — XIII вѣка: грѣх'', кр҇том'', въ Хиландарскомъ Четверо евангеліи: по сем`` же, он'' же, Симон`` же. Въ Болонской Псалтыри: си рѣчь к`` времѧ печалное,—над`` ними.		
'		Въ Болонской Псалтири встрѣчается также и съ однимъ знакомъ: ибо ѿтъ них' вѣровавшихъ [359]. Въ Болонской же Псалтири ъ и ь замѣняются дугообразнымъ знакомъ: гл҇а, [358] „на всяко время и на всякъ д҇е;“ кромѣ того, не говоря уже о частомъ опущеніи всякаго знака при отсутствіи ъ, встрѣчаются нерѣдко: ием́, непщует́, всѣм́, дıавол́ изобрѣтаж́т; встрѣчается также и оборотный знакъ им̊, діавол̊ [362].		
		Это нестрого опредѣленное, или правильнѣе, нестрого выдержанное распредѣленіе знаковъ относится прежде всего къ знакамъ, отнесен-		

Знаки и буквы въ древн. рукописи	Въ Пушкин. изд	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		нымъ къ статьѣ 1 и 2-ой, но также и къ самимъ буквамъ ъ, ь, ѫ, ѧ и ко всѣмъ іотированнымъ знакамъ, которые часто не обозначились, какъ излишніе.		
		Большее число знаковъ съ неопредѣленнымъ значеніемъ необходимо должно было сбивать и древнихъ весьма тщательныхъ переписчиковъ, но въ несравненно большемъ размѣрѣ сбивало позднѣйшихъ, полуграмотныхъ переписчиковъ, торопившихся удовлетворять увеличавшемуся и менѣе взыскательному числу требователей.		
		На присутствіе смягчающаго надстрочнаго знака ̑ въ древней рукописи указываетъ варіантъ Святславичу и Святъславличу.—Подобнымъ образомъ, въ древнихъ рукописяхъ встрѣчаются варіанты: кораби и корабли, земи и земли, оставь и оставль. Древнѣйшій обычай іотированія согласныхъ ж, ч, ц, ш, щ, обнаруживается варіантами на стр. 47 и 48. До какой степени объяснима сбивчивость, замѣчаемая въ древнихъ ру-		ср. вар. 237.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		коописяхъ, мы вполнѣ можемъ судить по новѣйшему правописанію отчества ичъ вмѣсто ичь, на основаніи указаннаго Гречемъ правила, что всѣ слова оканчивающіяся въ родительномъ падежѣ на а должны писаться въ именительномъ падежѣ на ъ.—Гречь не понималъ, что отчество пишется въ родительномъ падежѣ на а именно потому, что предъидущая буква ч имѣетъ при себѣ ь; іотированіе въ родительномъ падежѣ можетъ быть излишне, замѣненіе же въ именительномъ падежѣ ерика еромъ безсмысленно, потому что буква ч иначе произносится не можетъ какъ смягченно.—Гречу удалось отмѣнить древнее правописаніе, освященное исторической давностью и подкрѣпляемое, вдобавокъ, современнымъ произношеніемъ, и необдуманное правило получило законную силу.		

IV.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
л̇	ль.	67. Ольгова, Олгова; 146. сильными, силными; 174. крильца, крилца; 205. ольберы; (олб.) 286. льзѣ, лзѣ.	л.	Ср. на стр. 39.
л҃	л.	328. только, толко 31. Олга, Ольга 258. шестокрилци (крильци)	ль.	

V.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
ѥ	ѣ.	7. растѣ(е)кашется; 13.—19. лебедѣ(е)й; 23. половѣ(е)цкую; 45. тѣлѣгы; 62. половѣ(е)цкыми; 82. землѣ(е); 83. стрѣ(е)лами; 90. всеволодѣ(е); 91. стрѣ(е)лами; 103.—114. стрѣ(е)лы; 123. синѣ(е)мъ; 129. себѣ(е); 132. крѣ(е)сити; 158. высѣдѣ(е); 161. видѣ(е); 169. златоверьсѣ(е)мъ; 172. слѣ(е)тѣсга; 179. помѣ(е)ркоста; 212. стрѣ(е)ляти; 219. осмомыслѣ(е); 220. златокованнѣ(е)мъ; 225.—227. стрѣ(е)ляй; 248. стрѣ(е)лами; 254. крѣ(е)сити; 265. звѣ(е)ремъ; 318. зелѣ(е)ну; 325. прѣ(е)клономъ; 334. стрѣ(е)лами; 342. небесѣ(е); 347. Всеволодѣ(е).	є.	

VI.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
ѥ	є.	35. възлелѣяны, възлѣлѣяны [възлѥлѣяны] 110 поле(ѣ)тети; 68. залѥтѣ; 125. море(ѣ); 192. жестоце(ѣ)мъ 197. мыте(ѣ)хъ 206. Ольбе(ѣ)ры 242. вѣтрѣ(е)хъ. 269. расшибе(ѣ) 296. море(ѣ) 321. ветрѣхъ, вѣтрѣхъ.	ѣ.	

VII.

Знаки и буквы въ древн рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
ѧ	я.	1. начѧти 58. рассушѧсь 61. начаша 74. тучѧ 80. потручѧти 92. поскочѧше 100. святславличѧ 118. давечѧ 127. начѧша 187. веселія, веселіа 190. сыновчѧ, 236. Брячислава, брячаслава 259. начѧсте 276. рядяше, радяше 349. Христьяны, христьаны [ср. 141 Святславича.]	а.	Варіанты 187. 236. и 276. выписаны сполна безъ намѣренія указать какое либо отличіе отъ прочихъ варьянтовъ.
		25-го мая 1825 года, Востоковъ (въ Библіогр. листкахъ Кеппена № 14) по поводу сообщенныхъ ему выписокъ изъ Супрасльской рукописи говоритъ, что это нигдѣ еще невиданное начертаніе вмѣсто буквы ѧ. «Оное имѣетъ видъ Греческой дельты, раздѣленной по срединѣ горизонтальною чертою и служитъ вездѣ для носоваго звука ѧ и ѩ». см. выше стр. 21.		

VIII.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
ѧ	а.	141. Святславлича 232. полочаномъ.	я.	

Хотя и не можетъ быть достовѣрности относительно правописанія и начертанія буквъ въ утраченной рукописи, однако слова первыхъ издателей о встрѣченныхъ ими затрудненіяхъ при чтеніи рукописи прямо намекаютъ на незнакомыя начертанія, а варіанты прямо подтверждаютъ догадку. Не слѣдуетъ упускать изъ виду самаго важнаго въ этомъ вопросѣ обстоятельства, что всѣ варіанты сосредоточиваются на надстрочныхъ знакахъ и начертаніяхъ іотированныхъ гласныхъ и согласныхъ и малаго юса въ видѣ дельты, находившихся въ разнообразныхъ формахъ.

IX.

Знаки и буквы въ древней рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
ѫ	ю	237. жемчюжну—жемчужну.	у.	
		Этотъ случай прямо указываетъ на присутствіе юса въ древней рукописи.		
		Въ ней весьма объяснимо опущеніе смягчающей ь свойствомъ буквы ч, имѣющей смягченное произношеніе;—употребленіе ѫ безъ іотированія вмѣсто ю, вѣроятно, не было въ обычаѣ писца сгорѣвшей рукописи, потому что въ противномъ случаѣ повторялись бы подобные варіанты; могъ быть надъ Ѫ или Ꙋ какой либо надсрочный смягчающій знакъ, на который не обращено было вниманія при снятіи Арх. копіи.		Не возможно признать случайнаго происхожденія варіанта; нѣтъ слѣдовъ намѣреннаго исправленія правописанія въ обоихъ текстахъ; не замѣтно также систематическаго правописанія въ словахъ, не имѣющихъ варіантовъ, а слѣдственно и въ утраченной рукописи.

X.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
ѭ	я.	290. „поють“ вмѣсто „поятъ“; что также указываетъ на присутствіе юса. „Поютъ“ не имѣетъ смысла. Въ древней рукописи могло быть поѭтъ вмѣсто поѩтъ. По поводу этого исправленія см. подробнѣе на стр. 65, таблицу XV.	я.	

XI.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
зı	ѣ.	193. „Мужаимѣся“ неправильно прочтено первыми издателями. Въ древней рукописи несомнѣнно было правильно обозначено 1 лицо множественнаго числа повелительнаго наклоненія „мужаимыся“, „мужаимзıся“ и принято необычное зı за ѣ. Въ оглашеніяхъ Кирилла Іерусалимскаго, по рукописи гр. Толстаго I. 8: „ніамы воды“. Вся фраза въ Словѣ о Плъку Игоревѣ заимствована изъ Симеоновскаго Златоструя, изъ Слова о ведрѣ и о казняхъ Божіихъ: „тако не обратитеся но рѣсте мужаимъся“. Это же самое поученіе озаглавлено въ сборникѣ № 435 Рум. Музеума (Во-	ѣ.	Начертаніе зı могло походить на ѣ вслѣдствіе опущенія обѣихъ перпендикулярныхъ линій отъ верхней горизонльной, соединяющей съ буквой ı; приставное ı къ ъ, вслѣдствіе наклоненія подъ острымъ угломъ, дѣйствительно придаетъ начертанію видъ, легко сбивающійся на ѣ; могло быть рѣдкое и сбивчивое начертаніе ѣ попадающеесяизрѣдка въ Новг. Л. по Синод. Хар. списку стр. 65 и 132. изд. 1875 г. facsimile.

Знаки и буквы въ древн. рукописн.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		стоковъ), поученіе блаж. Θеодосія, игумена Печерскаго, и внесено въ Повѣсть временныхъ лѣтъ, подъ годомъ 6576-мъ. Въ Лѣтописи по Лаврентіевскому списку „мужаемъся“, а по Радзивиловскому и списку Московской Духовной Академіи: „мужаимыся“. Въ рукописи XII столѣтія Златоструя начертаніе буквы ы подтверждаетъ предполагаемое объясненіе (ꙑ) (см. Свѣд. и Замѣтки о малоизв. и неизв. пам. И. Срезневскаго, прил. къ IX Тому З. И. А. Н. 1866 г. № 6. стр. 38.)—Это необычное начертаніе прочтено было „мѣ“. ср. также въ Лаврент. Лѣт. изд. Арх. Ком. 1872 г. стр. 164. пр. 15. На этой буквѣ преимущественно г–нъ Тихонравовъ основывалъ свое предположеніе, что рукопись, сгорѣвшая въ 12 году, была написана скорописью, что, по его мнѣнію, объясняетъ принятіе буквы ъ за ѣ.—Если въ скорописи буква ѣ дѣйствительно схожа съ буквою ъ, то это не въ одномъ и томъ же		

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		документѣ. Чѣмъ болѣе буква ъ, приближается въ скорописи къ нынѣшней формѣ буквы ђ, тѣмъ болѣе буква ѣ подымается въ верхнія строки.*)—Предположеніе г-на Тихонравова о скорописи слишкомъ мало имѣетъ основанія, чтобы возможно было заподозрить и отвергнуть весьма положительныя свидѣтельства о древности рукописи первыхъ издателей: гр. Мусина-Пушкина, Малиновскаго и Бантышъ-Каменскаго. Въ предисловіи они говорятъ: „Подлинная рукопись, по своему почерку, весьма древняя“. Слова эти, произнесенныя гр. М.-Пушкинымъ, Малиновскимъ и Бантышъ-Каменскимъ, не могли относиться къ скорописи XVI столѣтія.—Позднѣйшія объясненія Малиновскаго выражаютъ положительно, что Слово о Плъку Игоревѣ писано полууставомъ XIV вѣка**). Что Калайдовичъ рукописи не видалъ, уже ясно выражено его собственнымъ свидѣтельствомъ, что онъ обращался къ содержателю типографіи Селивановскому, коему весьма		*) Въ случаѣ если Ѣ пишется схоже съ Ъеромъ то сей послѣдній не отличается отъ Ьерика и побольшей части опускается, такъ напр. въ рукописи XVI столѣтія о постановленіяхъ Стоглаваго Собора. **) Этотъ взглядъ Малиновскаго конечно могъ быть ошибоченъ,—но повѣрка невозможна а остается достовѣрнымъ, что пѣснь писана полууставамъ, четкимъ, не представлявшемъ однако затрудненія

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		легко могла быть вовсе незнакома рукопись. Онъ далъ отвѣтъ на запросъ, и потому я не вижу причины ему не вѣрить на слово; разнорѣчіе его съ показаніями первыхъ издателей и Н. М. Карамзина можетъ быть объяснено лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ замѣтилъ сходство съ рукописью Димитрія Ростовскаго одной изъ статей Сборника, въ коемъ находилась Пѣснь. Насколько Селивановскій былъ знакомъ съ палеографіей и почему ему можно вѣрить болѣе, чѣмъ людямъ, занимавшимся собираніемъ и чтеніемъ рукописей, требуетъ точнаго изслѣдованія, которое считаю безполезнымъ брать на себя *).		
иходзіна		Весьма можетъ быть, что „рекъ Боянъ и ходына Святславля пѣснь“ было въ древней рукописи йходзіна, что слѣдовало бы читать рекъ Боянъ исходъ и на пѣснь; въ родительскомъ помянникѣ города Тотьмы („при начальномъ строителе игумене нωнє писано“) на 42 листкѣ находится:		*) Привлеченіе Калайдовичемъ Селивановскаго принадлежитъ къ разряду сплетенъ, которыя не могутъ быть сопоставлены съ достовѣрными и согласными показаніями лицъ ни чѣмъ не запятненныхъ.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		оубиенны і вполцѣ ꙗзвенныхъ, еслибы въ словѣ „оубиенныхъ“ былъ обозначенъ ъ какъ въ „язвенныхъ“, то вышло бы начертаніе ъı. Начертанія И и I употребляются одно вмѣсто другаго въ древнихъ рукописяхъ безразлично, десятеричное I по большей части по недостатку мѣста, но весьма часто и безъ всякой видимой причины. Это безразличное употребленіе И и I встрѣчается и въ позднѣйшихъ рукописяхъ, въ томъ же Синодикѣ, на оборотѣ 27 листка: „окоянный ктебѣ хранітелю жизні моея зову воды хаачасто. виждь ми“. На стр. 313 Харат. Синод. Новгородской Лѣтописи: „и погоре торгъ. і домове“; а на страницѣ 317 той же Лѣтописи безъ раздѣлительной точки: „Новгородцижесъ княземь афанасемы сновотворжци ізидоша“ *).		*) Этотъ примѣръ явно указываетъ, какъ легко прочесть «ходы на» вмѣсто «ходъ і на»; также точно „иходы“; вм. иходъі на пе; въ Евангельскихъ отр. Вилен. П. Библ. находится „ицѣлити“ вмѣсто „исцѣлити“; „ишедшимъ“ вмѣсто „исшедшимъ“, въ-слѣдствіе отсутствія надстрочной буквы С или принятія оной за кавычку. Едва ли это опущеніе буквы С въ словѣ „ицѣлити“ можетъ быть принято за мѣстное правописаніе и еще менѣе за мѣстное произношеніе.

XII.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		Двойственность начертанія буквъ вызываетъ двоякій и совершенно противуположный варіантъ относительно буквы зѣло.		
ꙅ	з.	278. изъ, исъ; 343 чрезъ, чресъ; сравни слѣд. за симъ варіантъ	с.	
ꙃ	с.	чресъ, чрезъ 238. С въ перв. изд. и З въ Арх. спискѣ указываетъ на присутствіе начертанія Ѕ.	з.	

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
⊙⊙	о.	Весьма любопытный варіантъ „о очима“ въ Архивскомъ спискѣ и „очима“ въ первомъ изданіи указываетъ на начертаніе: ⊙ ⊙ 137. Если бы въ древней рукописи находилась буква ѡ, то варіанта, болѣе чѣмъ вѣроятно, не существовало бы такъ какъ буква эта не могла не быть понята издателями съ перваго взгляда.—Востоковъ считаетъ это начертаніе особенностію Болгарскою, но оно прежде всего финикійское, ибо такимъ именно образомъ изображалась буква ain, o, по-финикійски (ср. Gesenius, око финикійскихъ надписяхъ. Script. linguae que Phoeniciae Monum. 1837. стр. 38 et. 40 *). Ducange, въ	о о.	*) Etiam haec littera, cujus primaria figura oculum depingit—◯ ⊙; подобное начертаніе гласной О встрѣчается и въ древнѣйшихъ греческихъ надписяхъ.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		прибавл. къ Греческ. словарю (Notae sententiarum, math., astron., chym., iatricae, quae apud script. mediae et inf. graecitatis occurrunt, earumque explicatio), приводитъ это изображеніе въ значеніи солнца, золота, киновари, круга, а удвоенный—въ значеніи глазъ; въ послѣднемъ значеніи въ томъ же прибавленіи: см. столбцы 13 и 21. Срезневскій (Др. Сл. Пам. юсоваго письма, стр. 150) замѣчаетъ, что этотъ знакъ встрѣчается часто въ таковыхъ памятникахъ XII—XIV вв. Начертаніе это встрѣчается и въ позднѣйшихъ рукописяхъ даже въ XVI столѣтіи *). Въ пергаменномъ евангеліи И. П. Б. мелкимъ уст. XV. столѣтія: „тогда коснѫся ⊙чію ѥю гл҃ѧ по вѣрѣ ваю бѫди вама и ѿврьзостѣсѧ ⊙⊙чи има. (Описаніе Евгеніевскихъ рукоп. Востоковымъ. Уч. Записки II Отд. И. А. Н. Кн. II. вып. 2. С.-Петербургъ. 1856. стр. 74, 68).		*) См. на стр. 109—111 замѣтку о начертаніи ⊙.

XIV.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ	Примѣчанія.
		Буквы, обозначающія числа, и надстрочныя буквы безъ знаковъ.		
Г̃	г̃.	178. Явное измѣненіе въ Арх. спискѣ, равно какъ и слѣдующіе варіанты.	3.	
Д̃	д.	77.	4	
ї̃	і.	17.	10	
	мъ.	29. умо; 93. шеломо; 202. ури; 266. звѣре; 310; босы; 313; 345.	м.	
	мь.	164. трудомь, трудо.	м.	
	нъ.	34. одинъ, оди, 160. сонъ, со.	н.	
	с.	170. Плѣ(с)ньска.		Ср. на стр. 61 въ концѣ.
	съ.	207. бесъ, бес.	є.	
	тъ.	72. повѣдаю; 333. лети.	т.	
	хъ.	151. желѣзны; 319. свои.	х.	

XV.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		Варіанты въ-слѣдствіе не разобранія начертаній, по недоумѣнію, по небрежности, вставки, пропуски и т. п., не подходящіе подъ предыд. ст.		
і	і.	11.	и.	
ОлЃга	л.	31. вставка, сдѣланная графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ скобкахъ, такъ какъ въ древней рукописи „Ольга" было приписано на полѣ, для поясненія мѣстоименія „того", относящагося по тексту къ Трояну. —Что приписка эта дѣйствительно находилась на самой рукописи, указываетъ существованіе варіанта. Въ припискѣ должно было находится ОлЃга.	ль.	
		42. явный и не намѣренный пропускъ въ Архив. спискѣ, такъ какъ слова эти *) находятся въ приложенномъ къ оному переводѣ.		*) Свистъ звѣринъ въ стазби.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
	к.	111. неправильно принято Пекарскимъ за букву *C;* буква *B* въ печати несполна вышла *); но оба загиба, верхній и нижній, не позволяютъ ее принять за С.		*) Первое изданіе напечатано курсивнымъ шрифтомъ.
		134. Вставка въ Архивскомъ спискѣ; слово это*) находится въ переводѣ при первомъ изданіи, тѣмъ не менѣе оно кажется излишнимъ прибавленіемъ, однако же нѣтъ большаго основанія и отвергать присутствіе онаго въ самомъ оригиналѣ.		*) Людемъ.
		139. тече, утече.		Вѣроятно описк или неудачное исправленіе.
	з.	143. Описка въ Арх. сп. или въ древней рукописи, чего предполагать не слѣдуетъ, ибо наклонности къ исправленію у первыхъ издателей незамѣтно.	зд.	Грозный,гроздный— можетъ быть обласная форма, какъ раздрѣшеніе вм. разрѣшеніе въ Уніат. Служеб. Вилен. П. Б.; раздрѣшити въ Святославовомъ Изборникѣ 1073 года.
	є.	144. такая же описка.	ы.	великій, выликый.
		170. „Плѣн̊ка“, надстр. С можетъ спускатся направо и налѣво отъ Н и разомъ по обѣ стороны. Въ переводѣ также „Плѣньска“ съ ссыл-		

Знаки и буквы въ древн. рукописи	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		кой на Татищева Ч. III. 287. — 288. по сему вѣроятно въ рукописи слово это было иначе обозначено, что и побудило напечатать Плѣсньскъ, вопреки толкованію самихъ издателей.		
несо-шаю		171. въ обоихъ текстахъ неправильно прочтено вмѣсто „несошаю".		въ-слѣдствіе утраты обоихъ горизонтальныхъ линій: образовалось: несошлю.
саӑго	аю.	176. варіантъ долженъ произойти отъ сбивчиваго начертанія гласной Ю поднятіемъ средней черты къ верху, что образовало „го" го. Различіе между А и О объясняется различіемъ толкованія надстрочнаго знака.	ого.	самаю, самого. подобное начертаніе встрѣчается не рѣдко.
опу҃-тоша	ст.	177. начертаніе надстрочнаго знака ˚ или ҃ могло дать поводъ къ неправильному чтенію первыхъ издателей ср. прим. на стр. 55.	т.	опустоша, опутоша. так въ Реймскомъ Еван. дхъ подъ ҃
	и.	203. Володиміръ.	і.	
		211. *) пропущено въ Архив. спискѣ, а равно и въ приложенномъ къ нему переводѣ. По самому перево-		*) живыми.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		ду видно, что „живыми“ намѣренно пропущено, и возможность живыхъ шерешир еще болѣе отвергается вставкой, что можно „шерешири стрѣляти пособіемъ удалыхъ сыновъ Глѣбовыхъ“.		
гн҃е Гн҃а		215. 293. 301.	гн҃е гн҃а	
	за	216. занс. въ Арх. списк.		
		217.—249. Русскую, Рускую.		
		229. Святславлича,—вича.		
		246. повргоща, повргоша. вѣроятно въ-слѣдствіе случайнаго продолженія средней черты щ.		
Роіани		261. Трояни, Зояни *).		*) Варіантъ Зояни могъ произойти отъ написанія буквъ Т и Р за одинъ почеркъ. Въ устави. Угровлахійскомъ Евангеліи, мнѣ принадлежащемъ, находится начертаніе Ђ въ словѣ «твоемъ», Ђ въ словѣ «грѣхи», и Ђ въ словахъ огнь сниде съ нбсе. и пребі й.
		такъ въ Новг. Лѣт. принад. Археогр. Ком: захотѣ срова (острова). 268. воззни, возни.		
		272. харалужными, халужными. опять явная описка.		
имъ		288. предполагаю, что первоначально было ИХЪ, изъ коихъ позднѣйшій переписчикъ сдѣлалъ нося-имъ **).	имъ	**) Въ обоихъ текстахъ, въ-слѣдствіе необозначенія или утраты нижней оконечности начертанія Ѩ прочтено имъ. Нижняя оконечность буквы могла быть совершенно не замѣтна, такъ какъ надстрочныя буквы писались скорописью.

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
свѧтслави^{ча} игореви^{чь}		346.—348. Святъславича,—чь. Игоревичу,—чь; первые издатели неправильно прочли надстрочный знакъ; при снятіи же архивской копіи соблюденъ былъ древній обычай, сохранившійся и во многихъ рукописяхъ не обозначать падежа. Обычай писать во всѣхъ падежахъ Игореви^{ч} далеко не доказываетъ, чтобы отчество не склонялось, потому что при надстрочномъ надписаніи буквы Ч подразумѣвается любая гласная или полугласная. Встрѣчаются, впрочемъ, иногда рукописи (таковъ напр. Татищевскій списокъ древней Новгородской лѣтописи; также въ Новгор. лѣтоп. изд. Малиновскимъ и Оболенскимъ по Супрасльской рукописи подъ г. 1169, въ видѣ исключенія, находимъ: сташа твердо ѡ князи Романѣ Мстиславичь), гдѣ отчество пишется съ ерикомъ въ разныхъ косвенныхъ падежахъ; но въ тѣхъ же самыхъ рукописяхъ едвали не чаще встрѣчаются примѣры склоненія отчества.		Никакъ нельзя признать обычай выносить надъ строкой, согласныя заканчивающія слово безъ обозначенія падежа за дѣйствительный обычай не склонять отьчества, такъ какъ многіе писцы еще чаще не обозначали падежа въ существительныхъ и прилагательныхъ. Судя по варіантамъ ошибка происходитъ отъ самого писца; слѣдуетъ предполагать надъ строкой букву Ч и неясное обозначеніе маленькой буквы схожей съ а, ꙋ и даже ь; начертаніе А похожее на ꙋкъ лежащій горизонтально встрѣчается въ концѣ словъ въ уставныхъ рукописи и принадлежитъ Греческой скорописи. Весьма можетъ быть, что первый ꙋкъ былъ надписанъ надъ строкой въ лежачемъ положеніи и оба съ малымъ обозначеніемъ лѣваго развѣтвленія такъ, что ꙋкъ легко принять за ьерикъ.

Знаки и буквы въ древн. рукописн.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		290. „Копья поютъ„ —не имѣетъ смысла *). Это недоумѣніе первыхъ издателей произошло отъ неправильнаго чтенія вм.: Конꙗ поѫтъ, ѫ вмѣсто ꙗ, что весьма обычно. При этомъ чтеніи весьма правильно и согласно съ духомъ народной поэзіи обозначены мѣстность и время, въ кои Ярославна начинаетъ свое сѣтованіе, узнавъ объ участи мужа. Подробность эта можетъ имѣть историческое основаніе; Ярославна въ это время могла дѣйствительно находиться на Дунаѣ у отца; можетъ быть также и поэтическая вольность для приданія большей силы заклинанію. Заклинаніе путника считалось дѣйствительнѣе и опаснѣе, чѣмъ мѣстнаго обывателя.		*) Такъ какъ князья Смоленскіе упрекаются въ этомъ мѣстѣ именно за бездѣйствіе то упоминаніе Дуная ни въ какомъ случаѣ не можетъ относиться къ предъидущимъ словамъ о Смоленскихъ князьяхъ а относится къ Ярославнѣ. Слова ея «полечю по Дунаю» не допускаютъ сомнѣнія. Поэтъ рисуетъ картину подобно тому какъ онъ говоритъ: «тогда Игорь поѣха по чистому полю. тогда Игорь возрѣ насвѣтлое солнце».
		291. „Ярославнынъ, Ярославнымъ"; въ Архив. сп. явная описка.		
Гн҃є		293—301. ср. 215. Господине	Гн҃є	

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
	рано	297. описка въ Архив. копіи, произшедшая отъ повторенія съ памяти предшествовавшаго слова.	море	
	кѫ.	299. неправильно прочтена отчасти стертая буква В, или описка въ древней рукописи.	кѫ.	Слѣдуетъ читать «въ».
днѣпрітемнѣ березѣ	ли.	322. предполагаю *) ошибочное чтеніе въ печат. текстѣ и въ Арх. спискѣ вмѣсто „ми“.	ли.	*) Ни сомнѣнія, ни вопроса въ словахъ Игоря не можетъ быть. **) Говоря о рѣкѣ Стугнѣ «Днѣпрь» не имѣетъ смысла, на что указываетъ отсутствіе грамматической связи съ словами «тѣмнѣ брезѣ» — слѣдуетъ читать: «затвори днѣ прі тем. нѣ брезѣ: «днѣ» мѣст. падежъ. ***) вм. Днепре словутицю.
		323. вѣроятно, неправильно прочтено „Днѣпрь“ **), какъ неправильно прочтено: „о дне преcловутицю“ ***).		
		324. „Ростиславя, Ростиславля“; могъ быть дугообразный знакъ, принятый при снятіи Арх. копіи за смягчительный л; ср. 229. Святъславлича.		
		337. „дивицею, дѣвицею“; можетъ быть въ древней рукописи находилось ѥ мало отличавшееся отъ и.		
йходы		339.—340. это начертаніе йходы могло дать поводъ чтенію „и		

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		ходы на" вмѣсто „исходъ і на". Впрочемъ и при чтеніи „ходы" смыслъ тотъ же и правиленъ.		Ср. стр. 55.
пѣстворца		341. „пѣстворца, пѣснотворца" неправильно раскрыто титло при снятіи Арх. копіи; „пѣснь" въ древней рукописи написано было, вѣроятно, какъ въ рукописяхъ часто встрѣчаемые: е̃, нѣ̃, по̃, сыропу̃, пѣ̃ вмѣсто: есть, нѣсть, постъ, сыропустъ, пѣснь.		Слѣдуетъ читать: «пѣснь творца».
		345. „Пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти" не должно быть отдѣлено знакомъ препинанія отъ предыдущихъ словъ, а потому „страны" должно быть написано съ заглавной буквой, а „пѣти" съ обыкновеннымъ п.		
		351. „а дружинѣ" поставлено въ скобкахъ, какъ указаніе для хора пѣвцовъ, что имъ слѣдуетъ сказать Аминь; обращенное къ хору „аминь" не имѣетъ смысла; въ Церк. Сл.		

*

Знаки и буквы въ древн. рукописи.	Въ Пушкин. изд.	Цифры, обозначающія варіанты въ текстѣ.	Въ Арх. спискѣ.	Примѣчанія.
		языкѣ „а“ не имѣетъ значенія союза „и“ въ случаѣ же, если бы частица „а“ находилась здѣсь для большаго обозначенія противуположности, то этимъ самымъ значило бы усилить нелѣпость, чего не имѣемъ права ожидать отъ пѣвца Игорева. —На это могутъ замѣтить, что подобные отмѣтки въ печатныхъ церковныхъ книгахъ ставятся въ именительномъ падежѣ, но едва ли правильно требовать отъ пѣсни, чтобы она строго придерживалась обычая, можетъ быть, и не вошедшаго въ обыкновеніе. (а дружинѣ, а хору, а присутствующимъ): Аминь: кажется указаніемъ правильнымъ и понятнымъ. Не настаивая на предполагаемое раздѣленіи послѣднихъ словъ пѣсни, тѣмъ не менѣе считаю полезнымъ привести здѣсь изъ Супральской Мартовской Четіи - Минеи: „ѥмоу-же слава въ вѣки аминь. Множествоу же братьѧ отвѣщтавшемъ аминь“ *).		*)Впрочемъ, кажется примѣръ этотъ рѣшаетъ вопросъ: частица «а» должна быть сохранена, вполнѣ соотвѣтствуя частицѣ «же» въ Супрасльской Четіи-Минеи. Примѣръ этотъ не допускаетъ исправленія текста замѣненіемъ частицы «а» союзомъ «и», принятымъ всѣми переводчиками.

ВАРІАНТЫ,

РАСПОЛОЖЕННЫЕ ПО ПОРЯДКУ ЧИСЕЛЪ.

1. начяти, начати. VII. 47.
2. пълку, полку. I. 34.
3. Святъславлича, Святъславича. II. 37.
4. тъй, тъ. III. 38.
5. былинамь, былинамъ. II. 36.
6. пѣснь, пѣснѣ. II. 36.
7. растѣкашется, растекашется. V. 45.
8. вълкомъ, волкомъ. I. 34.
9. помняшеть, помняшетъ. II. 36.
10. пъръвыхъ, первыхъ. I. 34.
11. усобіцѣ, усобицѣ. XV. 60.
12. соколовь, соколовъ II. 36.
13. лебедѣй, лебедей. V. 45.
14. пѣсь, пѣснѣ. II. 36.
15. пълкы, полкы. I. 34.
16. Касожьскыми, Косожьскыми; занесенъ неправильно на стр. 34. слѣдуетъ въ статью II, стр. 36.
17. I—10. — [непомѣченъ тотъ же вар. 12.].
18. соколовь, соколовъ. II. 36.
19. лебедѣй, лебедей. V. 45.
20. умь, умъ. II. 36.
21. наплънився, наполнився. I. 34.
22. плъки, полкы. I. 34. этотъ варьянтъ долженъ быть также занесенъ въ статью II. 37: и—ы.
23. Половѣцкую, Половецкую. V. 45.
24. умь, умъ. II. 36.
25. копіе, ко́піе. III. 38.
26. Половецкаго, Половецкого II. 36.
27. стараго, старого II. 36.
28. плъкы, полкы I. 34.
29. умомъ, умо̃ XIV. 59.
30. пѣсь, пѣснѣ II. 36.
31. Олга, Ольга. IV. 44.
32. Велесовь, Велесовъ. II. 36.
33. рече, речь. I. 35.
34. одинъ, одй. XIV. 59.
35. 36. възлелѣяны, възлѣлѣяли. I. 34. VI. 46.
37. имь, имъ. II. 36.
38. имъ, имь.—I.—33.
39. скачють, скачютъ II. 36.
40. въступи, вступи. III. 39.
41. тъмою, тмою. III. 39.

42. свистъ звѣриянъ въ стазби; въ Архив. спискѣ слова пропущены, но находятся въ переводѣ. XV. 60.
43. кличетъ, кличеть. I.—33.
44. Тьмуторокансклй, Тъмутороканскый. II. 36.
45. тѣлѣгы, телѣгы. V. 45.
46. пасетъ, пасеть. I, 33.
47. влъци, волци. I. 34.
48. въстрожатъ, въстрожать. I. 33.
49. чрълеңыя, чрленныя. III. 40. (по ошибкѣ незанесенъ).
50. шеломянемъ, шоломянемъ. II. 36.
51. длъго, долго. I. 34.
52. мркнетъ, мрькнетъ; неправильно занесенъ въ статью I. 34; слѣдуетъ: III. 39.
53. мъгла, мьгла. I. 33.
54. чрьлеными, чрълеными. II. 36.
55. съ, с'. III. 38.
56. пяткъ, пякъ. II. 37.
57. плъкы, полкы. I. 34.
58. рассушясь, рассушась. VII. 47.
59. 60. орьтъмами, орътмами. II. 36. III. 40.
61. начашя, начаша. VII. 47.
62. Половѣ(е)цкыми. V. 45.
63. чрьлепъ, чръленъ. II. 36.
64. чрьлена, чръвлена. II. 36.
65. Святьславличю, Святъславличю. II. 36.
66. дремлетъ, дремлеть. I. 33.
67. Ольгово, Олгово IV. 44.
67. залетѣло, залѣтѣло. VI. 46. (пропущено).
69. чрънын, черный. I. 34.
70. бѣжитъ, бѣжить. I. 33.
71. влъкомъ, волкомъ. I. 34.
72. повѣдаютъ, — ю̑. XIV. 59.
73. чрънын, черныя. I. 34.
74. тучѧ, туча. VII. 47.
75. идутъ, идуть. I. 33.
76. хотятъ, хотять. I. 33.
77. д̃, 4.
78. млъни, молніи. I. 34.
79. великаго, великого. II. 36.
80. потручяти, потручати. VII. 47.
81. великаго, великого. II. 36.
82. землѣ, земле. V. 45.
83. стрѣлами, стрелами. V. 45.
84. 85. плъкы, полки. I. 34.
86. текуть, текутъ. II. 36.
87. прикрываютъ. I. 33.
88. плъкы, полки. I, 34. (не помѣченъ).
89. чрълеными, чръвлеными (неправильно помѣчено въ I. статьѣ. стр. 33).
90. Всеволодѣ, Всеволоде. V. 45.
91. стрѣлами, стрелами. V. 45.
92. поскочяше, поскочаше. VII. 47.
93. шеломомъ шеломо̑. XIV. 59.
94. лежатъ, лежать. I. 33.
95. забывъ, забывь. I. 33.
96. Чрънигова, Чернигова. I. 34.
97. плъци, полцы. I. 34. пропущено въ статьѣ II. 37: и—ы.
98. Ольга, Олга; пропущено въ ст. III. 39 и IV. 44.
99. 100. Святьславлича, Святъславлича. II. 36. и VII. 47.

101. тъй, той. 34. вмѣсто III. 38. (101. слѣдовало въ скобку послѣ „той-тъ“ относящ. къ вар. 4).
102. мечемъ, мечемь. I. 33.
103. стрѣлы, стрелы. V. 45.
104. Тьмуторокапѣ, Тмуторокапѣ; пропущено въ ст. III. стр. 39. срав. 173. вар. отмѣч. на тойже страницѣ.
105. Всеволожь, Всеволожъ. II. 36; предъидущій вар. также занесенъ подъ этой статьей.
106. Святопл҃кь, Святополкъ. II. 36. долженъ быть также занесенъ въ ст. I. 34.
107. повелѣяотца. повелѣ я отца (яти).
108. иноходьцы, иноходцы; пропущено въ ст. III. ст. 39.
109. человѣкомь. комъ. II. 36.
110. полетети, полѣтѣти. VI. 45.
111. съ, въ. XV. 61.
112. плъкы, полкы. I. 34.
113. летятъ, летять. I. 34.
114. стрѣлы, стрелы. V. 45.
115. гримлютъ, гримлють. I. 33.
116. трещатъ, трещать. I. 33.
117. чръна, черна. I. 34.
118. давечя, давеча. VII. 47.
119. плъкы, полкы. I. 34.
120. заворочаетъ,-чаеть. I. 33.
121. бишася, бишась. XV. неотм.
122. крылы, крилы. I. 34.
123.-124. синѣмъ, немь. V. 45. I. 33.
125. море, морѣ. V. 45.
126. князем, княземь. I. 33.
127. начяша, начаша. VII. 47.
128. млъвити, молвити. I. 34.
129. себѣ, себе. V. 45.
130. храбраго, храброго. II. 36.
131. плъку, полку. I. 34.
132. крѣсити, кресити. V. 45.
133. нимъ, нимь. I. 33.
134. смагу мычючи, смагу людемъ мычючи. XV. 61.
135. Рускія, Рускыя. пропущ. въ II. ст. стр. 37.
136. намъ, намь. I. 33.
137. очима, оочима. XIII. 57.
138. Черниговъ, Черниговѣ. I. 33.
139. тече, утече. XV. 61.
140. средь, средѣ. II. 36; ср. пѣснь, пѣснѣ.
141. Святславлича,-чя. VIII. 48.
142. отецъ, отець. I. 33.
143. гроздный, грозный. XV. 61.
144. великый, выликый. XV. 61.
145. Кіевскый, Кіевьскый. III. 40.
146. сильными, силными. IV. 44.
147. плъкы, полкы. I. 34.
148. взмути, в'змути. III. 39.
149. рѣки, рѣкы. II. 37.
150. потоки, потокы. II. 37.
151. поганаго, поганого. II. 36.
152. желѣзныхъ,-зны̆. XIV. 59.
153. великихъ, великыхъ. II. 37.
154. плъковъ, полковъ. I. 34.
155. Половецкихъ, Половецкыхъ. II. 37.
156. каютъ, каютъ. II. 36.
157. Половецкія, Половецкыя. II. 37.
158. высѣдѣ, высѣде. V 45.
159. Святъславь, Святславъ II. 36.
160. сонъ, со̆. XIV. 59.
161. видѣ, виде. V. 45.
162. чръною, черною. I. 34.

163. кроваты, кровати. I. 34.
164. трудомъ, трудо̑. XIV. 59.
165. тльковинъ, тлъковинъ. II. 36.
166. нѣгуютъ, нѣгують. I. 33.
167. дьскы, дъскы. II 36.
168. в, въ. III, 40.
169. златовръсѣмъ, златовръсемъ. ь. опечатка вмѣсто ъ. въ таблицѣ. V. 45.
170. Плѣсньска, Плѣньска. XV, 61.
171. несошлю, [несоша ю]. XV. 62.
172. слѣтѣста, слетѣста. V. 45.
173. Тьмутороканя, Тмутороканя. III. 44.
174. крильца, крилца. IV. 44.
175. 176. самаю, самого. I. 34. по ошибкѣ слѣдуетъ въ ст. II. стр. 36: а—о. относительно ю и го, на стр. 35.
177. опустоша, опутоша, опу̑тоша. XV. 62.
178. г̃, з. XIV. 59.
179. помѣркоста, померкоста. V. 45.
180. съ, сь. I. 33.
181. тъмою, тмою. III. 40.
182. аки, акы. III. 37.
183. дивь, дивъ. II. 36.
184. 185. Готскія, Готьскыя. III. 39. II. 37: и—ы; въ таблицѣ Готьскія поставлено по ошибкѣ впереди, слѣдуетъ на оборотъ.
186. поютъ, поють. I. 33.
187. веселія, веселіа. VII. 47. 19.
188. великій, великый. II. 37. въ таб. опеч. ий вм. ій.
189. Святславъ, Святъславъ. III. 40. не обозн. въ таблицѣ.
190. сыновчя, сыновча. VII. 47.
191. проліясте, прольясте=лясте.
192. жестоцѣмъ, жестоцемъ, ошибочно отнесено въ ст. VI 46. слѣдуетъ въ ст. V. 45.
193. мужаимѣся, мужаимъся. XI. 51.
194. 195. похитимъ, похытимъ. пропущено въ ст. II. стр. 36: и—ы. 195. занесено правильно въ ст. I. 33.
196. подѣлимъ, подѣлимь. I. 33.
197. мытехъ, мытѣхъ. VI 46.
198. бываетъ, бываеть. I. 33.
199. птицъ, птиць. I. 33.
200. възбиваетъ, възбиваеть. I. 33.
201. дастъ, дасть. I. 33.
202. уримъ, ури̑. XIV. 59.
203. Володимиръ, Володиміръ. XV. 62.
204. шельбиры, шелъбиры. II. 36.
205. 206. Ольберы Олбѣры. IV. 44. VI. 46.
207. бес, бесъ. III. 40.
208. щитовь, щитовъ. II. 36.
209. плъкы, полкы. I. 34.
210. побѣждаютъ, побѣждають. I. 33.
211. живыми, въ Архив. слово пропущено. XV. 62.
212. стрѣляти, стреляти. V. 45.
213. рыкаютъ, рыкають. I. 33.
214. акы, аки I. 34.
215. господина, г̃на. XV. 63 65.
216. за, зане; вѣроятно описка въ Арх. спискѣ. XV. 63.
217. Русскую, Рускую. XV. 63.
218. Святславлича, Святъславлича. III. 40.

219. Осмомыслѣ, Осмомысле. V. 45.
220. златокованѣмъ, златокованнемъ. V. 45.
221. Угорскыи, Угорьскыи. III. 39; въ таблицѣ „Угорьскыи“ поставлено напереди, слѣдуетъ на оборотъ.
222. плъки, полки. I. 37.
223. облаки, облакы. II. 34.
224. текутъ, текуть. I. 33.
225. стрѣляй, стреляй. V. 45.
226. салтани, салътани. III. 40.
227. стрѣляй, стреляй. V. 45.
228. 229. Святславлича, Святъславича, III. 40.
230. течетъ, течеть. I. 33.
231. болотомъ, болотомь. I. 33.
232. Полочаномъ, Полочяномъ. VII. 48.
233. 234. Литовскія, Литовьскыя. III. 39; пропущено въ ст. II. стр. 37: и—ы.
235. бысь, бы. II. 37.
236. Брячя(а)слава. VII. 47.
237. жемчюжну, жемчужну. IX. 49.
238. чресъ, чрезъ. XII. 56.
239. унылы, уныли. I. 34.
240. носитъ, носить. I. 33.
241. умъ, умь. I. 33.
242. вѣтрехъ. вѣтрѣхъ. VI. 46.
243. желѣзныи, желѣзніи. I. 34.
244. Латинскими, Латиньскими. III. 39; въ таб. ошибочно „Латиньскими“ поставлено напереди, слѣдовало бы на оборотъ.
245. многи, многы. II. 37.
246. повръгоща, —гоша. XV. 36.
247. Ляцкіи, Ляцкыи. II. 37.
248. стрѣлами, стрелами. V. 45.
249. Русскую, Рускую. XV. 63. въ 1-мъ из. Рускую и Руськую III. 40.
250. утрпѣ, утръпѣ.
251. бологомъ, бологомь. I. 33.
252. рсіи, роси. II. 37.
253. плъку, полку. I. 34.
254. крѣсити, кресити. V. 45.
255. кличетъ, кличеть. I. 33.
256. зоветь, зоветъ. II. 36.
257. инъгварь, ингварь. III. 39.
258. шестокрилци, —льци. IV, 44.
259. начясте, начасте. VII. 47.
260. седьмомъ, седмомъ. III. 39.
261. Трояни, зояни. XV. 63.
262. тъй, тъ. III. 38.
263. Кіевскаго, Кіевьскаго. III. 40.
264. отънихъ, отныхъ. II. 37. ошибочно въ таблицѣ помѣчено 265 и пропущено въ табл. III, такъ какъ вѣроятно отнхъ было написано . . ѿнхъ.
265. 266. звѣремъ, звере. V. 45. XIV. 59.
267. плъночи, полночи. I. 34.
268. воззни, возни. XV. не помѣч.
269. разшибе, разшибѣ. VI. 46.
270. влъкомъ, волкомъ. I. 34.
271. стелютъ, стелють. I. 33.
272. халужными, явн. описка XV.
273. животъ, животь. I. 33.
274. кладутъ, кладуть. I. 33.
275. сыновъ, сыновь. I. 33.
276. рядяше, радяше. VII. 47.
277. влъкомъ, волкомъ. I. 34.
278. изъ, исъ. XII. 56.
279. 280. влъкомъ, волкомъ. I. 34.
281. Полотскѣ, Полотьскѣ. III. 40.
282. въ, в. III. 39.

283. прьвое, первое. I. 34.
284. прьвую, первую. I. 34.
285. прьвыхъ, первыхъ. I. 34.
286. льзѣ, лзѣ. IV. 44. I. 34.
287. Давидовы, Давидови. I. 34.
288. имъ. XV. 63.
289. пашутъ, пашуть. I. 33.
290. Копіа поютъ на Дунаи въ обоихъ текстахъ безъ варіанта и въ связи съ предъидущими словами. Слѣдуетъ, на оборотъ, читать эти слова съ послѣдующими, по мѣсту пребыванія Ярославны.
291. Ярославнынъ,—нымъ. XV.
292. слышитъ, слышить. I. 33.
293. господине, гп҃е. XV. 63.
294. бяшетъ, бяшеть. I. 33.
295. плъку, полку. I. 34.
296. море, морѣ. VI. 46.
297. рано, на море. XV. 65.
298. плачетъ, плачеть. I. 33.
299. къ; вѣроятно описка въ древнемъ спискѣ. XV. 65.
300. слъпце, солнце. I. 34.
301. господине, гп҃е. XV. 63.
302. идутъ, идуть. I. 33.
303. спитъ, спить. I. 33.
304. бдитъ, бдить. I. 33.
305. мѣритъ, мѣрить. I. 33.
306. великаго, виликого. II. 36.
307. поскочи, поскачи. I. 35. 36.
308. въвръжеся, въверже ся I. 34.
309. бръзъ, борзъ. I. 34.
310. босымъ, босы̑. XIV. 59.
311. влъкомъ, волкомъ. I. 34.
312. мьглами, мглами. III. 39.
313. соколомъ, соколо̑. XIV. 59.
314. влъкомъ, волкомъ. I. 34.
315. бръзая, борзая. I. 34.
316. Донецъ, Донець. I. 33.
317. влънахъ, волнахъ, I. 34,
318. зелѣну, зелену. V. 45.
319. своихъ, свои̑. XIV. 59.
320. мъглами, мглами. III. 39.
321. ветрѣхъ, вѣтрѣхъ. VI. 46.
322. ли; въ обоихъ спискахъ, вѣроятно, описка вмѣсто ми, такъ какъ условное значеніе частицы ли здѣсь не на мѣстѣ.
323. Днепрь темнѣ березѣ — въ обоихъ текстахъ плохо прочтено вмѣсто: днѣ прі темнѣ березѣ. Рѣка Стугна не могла бы быть обвинена за дѣйствія Днѣпра. XV. 65.
324. Ростиславя, Ростиславля. II. 37. неправильно занесено на эту страницу, скорѣе слѣдуетъ предполагать дугообразный падстрочный знакъ; во всякомъ случаѣ знакъ отличный отъ знака, предполагаемаго при варіантахъ 3. и 229. Кромѣ того, Ростиславля долженъ стоять напереди, какъ принадлежащее къ Пушк. тексту.
325. прѣклонило, преклонило. V. 45. въ таб. опеч. прѣклономъ.
326. ѣздитъ, ѣздить I. 33.
327. помлъкоша, помолкоша I. 34.
328. только, толко. IV. 44; на этой страницѣ, по ошибкѣ, предполагается л съ черточкой; этотъ варіантъ принадлежитъ рубрикѣ ʎ III. 39.
329. кажутъ, кажуть. I. 33.

330. пѣсьми, пѣсньми. Этотъ варіантъ произошелъ отъ необозначенія согласной подъ надстрочномъ знакомъ, также точно какъ бы, пякъ, рс, и потому варіантъ этотъ долженъ быть занесенъ въ ст. II. стр. 37. стр. 341.
331. 332. млъвитъ, молвить. I. 33. 34.
333. летитъ, лети. XI, 59.
334. стрѣлами, стрелами. V. 45.
335. рече, речь. I. 35.
336. летитъ, летить. I. 33.
337. дивицею, дѣвицею; можетъ быть отнесено въ ст. III. 38.
338. рече, рекъ. II. 37. ср. вар. 235. 330. 335.
339. 340. иходы въ обоихъ текстахъ, вѣроятно, вслѣдствіе недоразумѣнія вмѣсто: рекъ боянъ иході на т. е. исходъ и на пѣснь и т. д. XI. 54. XV. 66.
341. пѣстворца, пѣснотворца; варіантъ этотъ произошелъ подобно варіантамъ: 3, 14. 30. 56. 229. 235. и 330, и потому онъ также долженъ быть занесенъ въ ст. II. стр. 37; въ древнемъ текстѣ должно было находиться: пѣ творца, слѣдовало читать пѣснь отдѣльно отъ творца. —При снятіи Архивской копіи надстрочный знакъ принятъ за „но“, подобно тому какъ прочтенъ вар. 252. на тойже страницѣ ри: рсіи и роси. Необходимость отдѣлить „пѣснь“ отъ „творца“ указываетъ уже г. Буслаевъ; дѣйствительно ни хода, ни исхода нельзя сказать на пѣвца, но на его пѣснь.
342. небесѣ, небесе. V. 45.
343. чрезъ, чресъ. XII. 56.
344. князем, князем. I. 33.
345. молодымъ, молоды. XVI, 59.
346. Святславича, Святславличь. I. 35.
347. Всеволодѣ, Всеволоде. V. 45.
348. Игоревичу, Игоревичь. I. 35.
349. христьяны, христьаны. VII. 47. ст. стр. 20.
350. плъки, полки. I. 34.
351. а дружинѣ аминь; такъ въ обоихъ текстахъ, въ-слѣдствіе чего можно предполагать описку въ древнемъ текстѣ А вмѣсто союза И. Если же признать союзъ А правильнымъ, то обозначалось бы здѣсь намѣреніе автора противуположить славѣ, провозглашаемой Князьямъ, аминь, обращаемый къ дружинѣ; что не имѣетъ смысла. Если противуположность была въ намѣреніи автора, то слово А дружинѣ слѣдуетъ предполагать какъ-бы въ скобкахъ, т. е. авторъ кончаетъ свою пѣснь приглашеніемъ дружины произнести „аминь“. XV, 67.

Въ пятнадцати таблицахъ распредѣлены всѣ варіанты по предполагаемымъ надстрочнымъ знакамъ и начертаніямъ, затруднявшимъ первыхъ издателей. Въ слѣдъ за таблицами помѣщены по порядку чиселъ этиже варіанты, отмѣченные въ изданіи Пекарскаго, и предлагаемыя нами исправленія древняго текста.—Варіанты, состоящіе въ раздѣленіи словъ и въ заглавныхъ буквахъ, не отмѣчены; они вовсе не могутъ имѣть значенія, такъ какъ въ древней рукописи ни раздѣленія словъ, ни заглавныхъ буквъ не находилось.

Выше изложеныя объясненія варіантовъ идутъ въ разрѣзъ съ господствующей у насъ теоріей относительно времени и мѣстности, обусловливающихъ различія въ древнемъ Славянскомъ правописаніи. При сличеніи обоихъ текстовъ слова о полку Игоревѣ я старался отрѣшиться отъ всякой предвзятой системы. Это было для меня тѣмъ легче, что я всегда сомнѣвался въ возможности господствующей системы, при несуществованіи, у насъ палеографіи какъ науки.

Изъ сличенія обоихъ текстовъ оказывается, что всѣ варіанты, кромѣ крайне рѣдкихъ, случайныхъ исключеній, собранныхъ въ т. XII. XIII и XV, сосредоточиваются на полугласныхъ Ъ и Ь, и на іотированныхъ буквахъ. Богатый матеріалъ, собранный нашимъ знаменитымъ палеографомъ Срезневскимъ, и масса его внимательныхъ наблюденій надъ древними рукописями дали мнѣ единственный способъ, объяснить происхожденіе варіантовъ въ-слѣдствіе различныхъ изображеній твердыхъ, мягкихъ и іотированныхъ знаковъ, встрѣчающихся постоянно въ древнихъ рукописяхъ, писанныхъ въ различныхъ мѣстностяхъ и лицами, заявляющими себя членами того или другого племени. Всѣ обозначенія времени, мѣстности и народности весьма важны при опредѣленіи — какой народности принадлежитъ изготовленіе

правильной древне-церковно-славянской рукописи. Отступленія же вкрадывавшіяся въ правописаніе, несомнѣнно могли происходить въ-слѣдствіе племеннаго происхожденія писца; но они могли появляться и въ-слѣдствіе образованія писца въ отдѣленной средѣ. Эта причина варіантовъ далеко не общая и относится только къ тѣмъ варіантамъ, которые имѣютъ положительный областной характеръ. — Рукописи всегда были предметомъ торговли, и потому болѣе зависѣли отъ требованій покупателей, чѣмъ отъ наклонностей производителей. Не можетъ быть сомнѣнія, что писцы прежде всего сообразовались съ требованіями покупателей или лицъ заказывавшихъ имъ копіи. Подобныя требованія производили весьма значительное различіе въ правописаніи по необходимости сообразоваться съ мѣстнымъ выговоромъ и обычаемъ. Смѣшеніе ѫ съ ꙋ и исчезновеніе ѫ изъ Русскихъ рукописей объясняются крайней затруднительностью для Русскихъ писцовъ соблюдать древнее правописаніе. Смѣшеніе большаго ѫ съ малымъ также весьма понятно въ дѣйствительныхъ Болгарскихъ рукописяхъ въ-слѣдствіе произношенія того и другаго между А, АУ и Ъ имѣющимъ также близкое сродство съ гласной Ѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма замѣтно во всѣхъ древнѣйшихъ рукописяхъ присутствіе мѣстныхъ вліяній, что объясняется вполнѣ переходомъ древнѣйшихъ рукописей и самихъ писцовъ изъ одной мѣстности въ другую, такъ что сбивчивость начертаній становилась общею для всѣхъ мѣстностей Славянскаго міра и помимо вліянія мѣстнаго произношенія. Кромѣ того, весьма замѣтно различіе правописанія въ-слѣдствіе сбивчивости, происшедшей отъ слишкомъ большаго числа знаковъ и начертаній, имѣвшихъ цѣлію до тонкости обозначить измѣнчивые и едва уловимые оттѣнки въ произношеніи у разныхъ Славянскихъ племенъ. — Соображенія эти, при всемъ уваженіи къ несомнѣннымъ заслугамъ Востокова, убѣдили насъ, что самые загадочные факты ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть отвергаемы во имя непреложности системы, даже болѣе упрочившейся, чѣмъ сдѣланные Востоковымъ выводы. Въ теченіи настоящей статьи придется не

разъ представлять примѣры значительныхъ противорѣчій въ опредѣленіяхъ Востокова и даже вовсе не замаскированный произволъ.

При обсужденіи вопроса о разнообразіи Церковно-Славянскихъ рукописей слишкомъ мало обращено вниманія на вліяніе спроса, или можетъ быть слишкомъ много вниманія у насъ обращено на личное и загадочное произношеніе писцовъ и ихъ гадательныя мытарства. Вопросъ, какъ уже давно замѣтилъ Шлейхеръ, весьма сложенъ и затруднителенъ; грядущимъ поколѣніямъ предстоитъ разработать скопившіеся матеріалы, драгоцѣнные не по одному своему отношенію къ вопросу о произношеніи и мытарствахъ писцовъ.

Имѣя въ виду данныя весьма положительныя, не должно было принимать въ разсчетъ — какое отношеніе эти данныя имѣютъ къ отвлеченнымъ и гадательнымъ опредѣленіямъ, мимоходомъ заявленнымъ Востоковымъ и поддерживаемымъ лишь по принципу его послѣдователями. Я ни мало не сомнѣваюсь, что послѣдователи Востокова несравненно лучше и тверже меня знаютъ всю суть древняго правописанія. Но дѣло въ томъ, что изъ уваженія къ памяти учителя ошибочность его распредѣленія держится до сего дня непоколебленною въ средѣ учащихся. Единственнымъ пособіемъ и руководствомъ для разъясненія загадочнаго текста, признаваемаго Русскими изслѣдователями испорченнымъ, служили для меня прежде и болѣе всего изслѣдованія Копитара о глаголитской рукописи Клоца и Миклошича, при изданіи имъ отрывковъ Супрасльской Четіи-Минеи. Не вдаваясь въ оцѣнку теорій о мѣстѣ происхожденія языка, самымъ естественнымъ образомъ я подчинился взгляду Копитара и Миклошича на существованіе правильнаго древне-церковно-славянскаго языка, развѣтвляющагося въ позднѣйшихъ рукописяхъ съ признаками мѣстныхъ неизбѣжныхъ вліяній Русскаго, Болгарскаго и Сербскаго. Эта теорія такъ естественна, что едвали можно назвать ее теоріей. Фактъ этотъ тоже самое явленіе, которое представляетъ латинскій языкъ, подвергшійся въ средніе вѣка мѣстнымъ вліяніямъ. По окончаніи работы для повѣрки, нельзя было не признать полезнымъ ближе раз-

смотрѣть — на чемъ основаны положенія Востокова о невозможности древняго правильнаго правописанія въ древней Россіи. Правильныя древнія рукописи, по доводамъ Востокова, суть древне-болгарскія, хотя и писаныя въ Россіи. Выходитъ, какъ будто писали въ Россіи оболгарившіеся Сербы или осербившіеся Болгаре съ замѣтной наклонностію къ обрусѣнію; а вмѣстѣ съ тѣмъ, лучшія рукописи, писанныя по ту сторону Дуная, имѣютъ отмѣченные Востоковымъ признаки даже позднѣйшей Московской письменности, а Московскія рукописи несутъ слѣды Болгарскаго и Сербскаго вліянія. Самое сознаніе Востокова о его колебаніяхъ между неопредѣленнымъ западнымъ Славянскимъ и Болгарскимъ происхожденіемъ Супрасльской рукописи выражаетъ съ поражающей наглядностію — какъ мало онъ имѣлъ основаній для своихъ приговоровъ.

Колебаніе между опредѣленіями Востокова (см. ниже стр. 85) напоминаетъ того любителя картинъ, который объявляетъ объ открытіи имъ новой картины Рембрандта, а на другой день спѣшитъ заявить, что вслѣдствіе новыхъ открытій, сдѣланныхъ въ портфеляхъ публичной библіотеки, онъ убѣдился окончательно, что найденная имъ картина писана Рафаелемъ, такъ какъ, по его изслѣдованіямъ, у одного Рафаеля встрѣчаются на заднемъ планѣ тѣ же жидкія своеобразныя деревья, а на первомъ мелкія травки съ таковыми же цвѣточками, характеризующими пріобрѣтенное имъ „Святое Семейство“. Нельзя упустить изъ виду для исторіи нашей палеографіи, что присутствіе начертанія ⱥ въ Кирилловскихъ рукописяхъ, неизвѣстное Востокову, въ 1825 г. было весьма извѣстною принадлежностью глаголиты, въ коей начертаніе ⱥ соотвѣтствуетъ нашему ѣ; тоже самое слѣдуетъ сказать и относительно жиденькихъ деревьевъ и мелкихъ травочекъ Рафаеля, которыя встрѣчаются на картинахъ германскихъ и итальянскихъ живописцевъ XV и XVI столѣтія.

„Въ запискѣ академика И. И. Срезневскаго „Труды и Юбилей А. Х. Востокова“ (Учен. Записки II отд. И. А. Н. кн. II. в. 2. 1856) Копитаръ вмѣстѣ съ Миклошичемъ занесенъ въ число

людей, коихъ труды направились по пути, указанному Востоковымъ.“

Любопытенъ отзывъ Билярскаго о Копитарѣ и Миклошичѣ, признанныхъ послѣдователями Востокова въ отчетѣ И. И. Срезневскаго. Билярскій, въ своемъ предисловіи къ статьѣ о среднеболгарскомъ вокализмѣ (Спб. 1858. стр. 14—17), не считаетъ Копитара ученикомъ но признаетъ его даже счастливымъ, хотя и недостойнымъ, соперникомъ Востокова. за то Миклошича признаетъ недозрѣлымъ ученикомъ, сбитымъ съ пути Копитаромъ. „Недостатокъ пожительно-историческаго направленія—говоритъ Билярскій—довольно невыгодно отражается на почтенныхъ и полезныхъ трудахъ вѣнскаго филолога г. Миклошича, и всего осязательнѣе на послѣднемъ его сочиненіи—Сравнительной грамматикѣ славянскихъ языковъ. Матеріалъ этой грамматики, собранный изъ разнородныхъ источниковъ, слишкомъ мало очищенъ предварительной филологической критикой отъ примѣси и порчи подъ вліяніемъ разныхъ временъ и мѣстъ. Особенно повредило сочиненію предубѣжденіе автора въ пользу такъ называемыхъ имъ „собственно словенскихъ“ памятниковъ, каковы: Клоцевы глагольскіе отрывки, евангеліе Ассемани, Супрасльская рукопись, которые составляютъ у него особый разрядъ, отличный отъ Болгарскаго, Сербскаго и Русскаго. Если-бы г. Миклошичь *заранѣе пріучилъ себя къ аналитической методѣ* Востокова, *то убѣдился бы*, что и эти памятники, прежде филологическаго употребленія, не менѣе всѣхъ другихъ требуютъ очистительной критики; а убѣдившись въ этомъ, онъ не сталъ бы оказывать такое безусловное довѣріе къ каждой ихъ формѣ, не отдалъ бы имъ рѣшительнаго предпочтенія предъ древними памятниками другихъ разрядовъ, даже едвали сдѣлалъ бы изъ нихъ особый разрядъ. Это отдѣленіе ихъ въ особый разрядъ сдѣлано не на основаніи ихъ разбора, а по какому-то предубѣжденію, не объясняемому ни въ его сравнительной грамматикѣ, ни въ другихъ сочиненіяхъ.“

Обвиненіе Билярскаго поражаетъ полнымъ отсутствіемъ положи-

тельныхъ данныхъ. Требовать какого-то ученаго анализа, чтобы доказать, что языкъ древне-церковно-словенскій отличенъ отъ составившихся въ теченіи времени редакцій Болгарскихъ, Сербскихъ и Русскихъ, было бы тоже, что путемъ анализа доказывать, что языкъ Дареса сказанія о разореніи Трои не подчиненъ тѣмъ же грамматическимъ и синтаксическимъ правиламъ, которыя обнаруживаются въ языкѣ Цицерона. Разсматривая этотъ вопросъ по его отношенію къ Слову о Плъку Игоревѣ, нельзя не замѣтить, что грамматическій ключъ къ пониманію языка Слова о Плъку Игоревѣ находится въ грамматикѣ Копитара, изданной имъ при Glagolita Clozianus. Текстъ Слова о Плъку Игоревѣ, отмѣнно правильный по грамматикѣ Копитара, казался и кажется Русскимъ изслѣдователямъ, крайне испорченнымъ. Г. Тихонравовъ признаетъ, что грамматика Востокова, по Остромірову Евангелію необходима для пониманія текста Русской пѣсни; разница между обоими грамматиками незначительна. Въ лексическомъ отношеніи труды Миклошича также много способствовали къ разъясненію древнихъ формъ, встрѣчаемыхъ въ пѣсни, постоянно поражавшихъ нашихъ изслѣдователей. Что касается Словаря Востокова, то я еще менѣе сомнѣваюсь, что онъ долженъ дать вполнѣ тѣ же самые результаты, что и Словарь Миклошича.

На страницѣ 16, ссылаясь на предыдущее указаніе слабой стороны трудовъ Миклошича, Билярскій извиняетъ Миклошича вліяніемъ Копитара:

„Довольно жестоко отзывается о догматизмѣ вѣнскаго ученаго профессоръ Бодянскій въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи (О вр. происх. Слав. письменъ. Москва. 1855). Я также *указалъ* только слабую сторону его трудовъ, прежде нежели привелъ что нибудь въ ихъ пользу. Но для справедливой оцѣнки трудовъ г. Миклошича, *надо и то сказать*, много ли сдѣлано его предшественниками для разъясненія правильнаго пути филологическихъ изслѣдованій. Правда, послѣ Востокова можно, по моему мнѣнію, идти впередъ довольно твердо и съ прочнымъ успѣхомъ, но какъ трудно войти въ историко-филологи-

скую методу Востокова, это я вижу изъ опытовъ не одного г. Миклошича: для него это было тѣмъ труднѣе, что его филологическое направленіе состоялось подъ неотразимымъ вліяніемъ знаменитаго его предшественника—даровитаго Копитира."

„*Что же сдѣлано* въ противодѣйствіе этому вліянію? Чтобы не уходить далеко, спросимъ: „чѣмъ можетъ образумить послѣдователей Копитара сочиненіе г. Бодянскаго?"

Грустное сознаніе Билярскаго о томъ, какъ мало у насъ сдѣлано, не навело его однако на мысль, что намъ полезно было бы поучиться у учениковъ Востокова: Копитара и Миклошича.

Для оправданія себя за избраніе руководителей, считаю полезнымъ привести выписки, выбранныя Пыпинымъ изъ описанія Востоковымъ Румянцовскаго Музеума, представляющія суть его ученія и назначеннаго для прославленія ученаго академика. Изъ замѣтки г. Срезневскаго мы узнаемъ, что систематическимъ изложеніемъ Пыпина самъ Востоковъ остался доволенъ.

„Самый писецъ Остромірова Евангелія,—говоритъ Востоковъ въ своемъ *разсужденіи* о Словенскомъ языкѣ,—въ послѣдствіи хотя и соображается съ правописаніемъ своего текста и пишетъ правильно: сѫщоу, порѫчи; но спустя нѣсколько строкъ, ставитъ оу вмѣсто ѫ: пороученіе; также а вмѣсто ѧ въ словахъ: почахъ, пачахъ: *изъ чего видно*, что правописаніе текста не было его собственнымъ или его времени принадлежащимъ." Изъ различія въ правописаніи дѣлается выводъ, что правописаніе—не собственное, какъ будто правописаніе можетъ или должно быть собственное, не говоря уже о томъ, что правописаніе IX столѣтія Паннонскихъ первоучителей и не должно быть правописаніемъ новгородца XI столѣтія. Такимъ образомъ русскій XIX вѣка, пишущій па той же страницѣ началъ, начєлъ, начялъ, обнаруживаетъ тѣмъ, что правописаніе ему не сродное, а заимствованное.

Не только правописаніе, но и самый языкъ всегда заимствованъ: нѣтъ такого человѣка, который бы говорилъ или писалъ не заим-

ствовавъ того путемъ перениманія или ученія отъ своихъ ближнихъ. Всякій письменный языкъ для каждаго человѣка есть не собственный, а общій, не только всей образованной массѣ, но и подчиненный вліянію историческому. Мысль, лежащая въ основаніи у Востокова, совершенно неопредѣленная и недозрѣлая. Писецъ Остромірова Евангелія добросовѣстно держится правописанія оригинала и въ собственной редакціи позволяетъ себѣ писать, по обычаю или по оплошности, сообразно съ своимъ природнымъ выговоромъ: предполагать, что древній Церковно-Словенскій языкъ былъ живой, разговорный языкъ какого бы то ни было племени — голая, однако неправдоподобная гипотеза. Языкъ этотъ, чтобы быть одобреннымъ Греческою и Римскою церковію, долженъ былъ быть языкомъ достаточно выработавшимся и имѣвшимъ въ IX вѣкѣ неоспоримое право на существованіе. Готскій языкъ Ульфилова Евангелія, также языкъ вполнѣ образованный, былъ языкомъ Аріанской церкви; католическая церковь крайне ревниво относилась къ допущенію Литургіи и перевода Библіи на новѣйшіе, вульгарные языки. Отношеніе послѣсловія къ священному тексту совершенно тоже, что польское правописаніе человѣка, принадлежащаго племени, не имѣющему ринезмовъ, и пишущаго, по своему образованію, на классическомъ польскомъ языкѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на школьное образованіе, по слабости натуры, дозволяющаго кое-гдѣ пробиваться выраженію природнаго выговора.

Замѣчательно, какъ Германская школа наклонна къ полнѣйшему устраненію дѣйствительности при изученіи минувшаго времени; это называется дѣйствовать методически. Но на все есть мѣра, и въ большей части случаевъ убѣжденіе, что древнее не можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ современнымъ, ведетъ къ чудовищнымъ выводамъ. Нѣтъ сомнѣнія, что объясняя зря все древнее современнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ можно придти къ значительнымъ промахамъ. Но, наоборотъ, противоположная крайность ведетъ къ памятнымъ вопросамъ и сомнѣніямъ — жили ли Русскіе въ X вѣкѣ въ топ-

леныхъ компатахъ; могли ли они въ нетопленыхъ комнатахъ писать, такъ какъ здравая научная критика никакъ не можетъ допустить, чтобы люди писали въ рукавицахъ.

Писецъ Остромірова Евангелія соблюдалъ, по мѣрѣ силъ, древнее уставное правописаніе, копируя текстъ; но трудно сомнѣваться, чтобы и въ XI столѣтіи натура не стремилась выйти наружу; писецъ Новгородскій получилъ, по видимому, очень порядочное воспитаніе, потому что онъ не даетъ воли своей натурѣ и въ послѣсловіи, гдѣ онъ имѣлъ право на полную свободу, пишетъ такъ архаистически правильно, что во многихъ текстахъ таковой правильности далеко не соблюдается. Писецъ Остромірова Евангелія, не соблюдая строго правописанія, дѣйствуетъ совершенно такъ, какъ и мы это дѣлаемъ, особенно при разнозвучномъ произношеніи словъ. „Начати“, пишется правильно на А, но произносится не менѣе правильно на Я. Я настаиваю на этомъ словѣ, потому что Востоковъ на него ссылается. Древнее правописаніе чрезъ ѧ не есть безусловно правильное или по крайней мѣрѣ безусловно необходимое, потому что іотированіе гласной можетъ вслѣдъ за буквою Ч не обозначаться за излишествомъ. чему весьма много примѣровъ. Намѣреніе Востокова, по отличіямъ правописанія, соотвѣтствующимъ произношенію разныхъ Славянскихъ племенъ, опредѣлять происхожденіе рукописи могло быть правильнымъ; но выводы, имъ сдѣланные, совершенно неправильны, опираясь на весьма маломъ количествѣ свѣдѣній и препебрегая весьма положительными данными, обусловливающими опредѣленіе времени написанія и мѣста происхожденія рукописей.

Въ матеріалахъ для Славянской палеографіи, извлеченныхъ изъ описанія Востоковымъ рукописей Румянцовскаго Музея (опис. Норовскихъ рукоп. стр. 98), читаемъ: „въ дополненіе сей выписки (изъ Давида пророка и царя пѣснь: блаженъ мужъ и пр.) замѣтить еще должно, что буквы ѧ и а нерѣдко употреблены одна вмѣсто другой. Встрѣчается также буква ѧ, служащая вмѣсто ѧ,

напр. възвысѧса въ ѧзыцѣх. Сія буква найдена была мною сперва только въ Супрасльской рукописи XI вѣка, которую я приписывалъ Западнымъ Словянамъ (см. Библ. листки Кеппена, №. 14). *Но какъ особенности языка, по коимъ я полагалъ рукопись сію Западно-Словянскою, по позднѣйшимъ открытіямъ моимъ, принадлежитъ именно Болгарамъ*, то и не остается *сомнѣнія* въ томъ, что и Супрасльская рукопись писана *Болгарами, у коихъ исключительно* находимъ употребленіе буквы ѧ".

Позднѣйшія открытія, указывавшія именно на Болгаръ, само собой разумѣется, не обозначаются опредѣленно и никогда обозначены не будутъ. Востоковъ высказывается въ этихъ двухъ выпискахъ; напрасно было бы даже трудиться о выслѣживаніи имѣвшихся у него основаній. (ср. выше, стр. 79). Востоковъ не имѣлъ основаній въ виду, его система шла рука объ руку съ Скандинавской, а въ то время,—другаго условія не требовалось. При ознакомленіи съ его работами, произволъ такъ замѣтенъ, что онъ не могъ не вызвать, весьма давно, здравыхъ предостереженій со стороны Русскихъ дѣятелей. Бередниковъ (см. Журн. Министерства Нар. Пр. 1837 года, за іюнь), въ своемъ донесеніи въ Археографическую Коммиссію объ Описаніи рукописей Румянцевскаго Музеума, говоритъ въ подстрочномъ примѣчаніи: „Спрашивается, какими памятниками словесности X и XI вѣка опредѣляется Болгарскій языкъ, и гдѣ источники къ сличенію его съ языкомъ Русскимъ XV столѣтія (см. Опис. ркп. Рум. М. № XXVII; ср. объ употребленіи юсовъ Русскими писцами № CXXI). Евангеліе подъ № CXXVI писано Русскимъ, а правописаніе, по мнѣнію автора (Востокова), Болгарское".

Покойный Бередниковъ весьма поверхностно относится къ филологической сторонѣ Описанія Румянцовскаго Музея, такъ какъ онъ имѣлъ въ виду оцѣнить этотъ трудъ по отношенію его лишь къ Русской исторіи. Но тѣмъ не менѣе, онъ врѣзался въ суть дѣла, указавъ не только на недостаточность изученія вопроса, но, что всего

важнѣе, на полное отсутствіе древнихъ Болгарскихъ рукописей. „Доселѣ ученые не коснулись древняго Русскаго языка съ западной его отраслью, хотя элементы ихъ въ тѣсной связи съ новѣйшемъ Русскимъ, составившимся въ XVIII столѣтіи“, замѣчаетъ Берелниковъ.

Слова въ текстѣ, къ коимъ относится подстрочное примѣчаніе Бередникова, переносятъ вопросъ на почву положительную: „Важнѣйшая его отрасль есть нарѣчіе западно-русское (литовско-русское), происшедшее отъ вліянія Польши и Литвы на западную Русь“.

Къ почти безслѣдно пропавшимъ словамъ этаго самобытнаго русскаго труженика можемъ прибавить, что зоркій взглядъ русскаго археографа проникъ вглубь вопроса не только о древней Церковно-Славянской письменности, но, что несравненно важнѣе, въ самый вопросъ о древне-церковно-словенскомъ языкѣ. Присутствіе элементовъ польскихъ, западно-русскихъ и велико-русскихъ (Новгородскихъ) несомнѣнно въ древнѣйшихъ Церковно-Словенскихъ текстахъ, современныхъ нашимъ первоучителямъ Кириллу и Меѳодію. Едвали найдутся другіе дѣйствительные представители ринезмовъ, кромѣ нарѣчій Польскихъ и Хорутанскихъ. Участіе людей польскихъ и русскихъ въ переводѣ или, можетъ быть правильнѣе, присутствіе элементовъ польскихъ и русскихъ въ образованіи того древняго языка, на который были переводимы книги Священнаго Писанія, вещь вовсе не только не невозможная, но, наоборотъ, весьма естественная и, во всякомъ случаѣ, заслуживающая и требующая изслѣдованія. Какъ гипотеза, она во всякомъ случаѣ, на нашей почвѣ законнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ рядъ отрицательныхъ гипотезъ, уже по существу своему лишенныхъ производительной силы. Славянское древнее язычество могло въ IX столѣтіи держаться и господствовать только въ земляхъ прибалтійскихъ — Польшѣ и западной Россіи. Вся восточная и южная Россія была въ рукахъ иноязычниковъ. Всѣ южные славянскіе представители подавляемаго въ Римской и Греческой имперіяхъ язычества могли и дѣйствительно сосредоточивались среди языческихъ Славянъ между Эльбой, Нѣманомъ и Невой. Этотъ общій языкъ язы-

ческихъ храмовъ въ земляхъ прибалтійскихъ, въ землѣ Маджусовъ, могъ одинъ служить для проповѣди христіанской. Живой языкъ какого бы то ни было особаго племени не могъ служить для того орудіемъ. Связь языческаго приадріатическаго общества съ прибалтійскимъ всегда была замѣтна для русскаго общества. Легенды о происхожденіи русскихъ и литовскихъ родовъ отъ Юлія Кесаря, вышедшихъ около перваго столѣтія или въ VI, при Атиллѣ, не смотря на странное сопоставленіе Юлія Кесаря съ Атиллой, прямо указываютъ, что это преданіе имѣло весьма разумное и существенное основаніе и весьма рельефно выражало положительныя свѣдѣнія о выходѣ изъ Далмаціи цѣлыхъ родовъ и городскихъ обществъ въ слѣдствіе Иллирійской войны, и о повтореніи того же факта во время Атиллы.

Іеромонахъ Лосицкій въ введеніи къ Густынской лѣтописи приводитъ нѣсколько мнѣній или легендъ о Римскихъ выходцахъ въ Литву.

..." Зде есть мнѣніе о Публіѣ Либонѣ отъ него же нѣцыи, и Литва наречеся. Сей Публій Либонъ по побѣдѣ Помпея [у него же Гетманомъ бысть на морѣ], боялся Юлія Кесаря, прибѣже въ сія страны и Ромново градъ аки бы Римъ новый заложи. Сего мнѣнія и Длугошь и инные лѣтописцы Лядзскіе; есть же и до нынѣ тамо въ Литвѣ рѣка глаголемая Либо, такоже градъ отъ сего имене нареченъ бысть. Русскіе лѣтописцы не отъ Либона, но отъ Палемона Княженію Литовскому глаголютъ нарещіся или начатися иже во царство Нероново зъ Италіи здѣ пріиде нетерпя мучительства сего лютаго царя иже никого же щадяше; иніи же глаголютъ яко отъ страха Аттиллы много князей Римскихъ по различнымъ странамъ разбѣгошася, тогда и сей Палемонъ зде пріиде; но не вѣмъ како бы сей Палемонъ и его родъ погубилъ вѣру христіанскую понеже во времена Аттилла вся Италія христіанскую вѣру крѣпко держаше сего ради достовѣрность яко во время Нерона сей Палемонъ зде со своимъ родомъ и многими вельможими людьми прибѣже яко до спокойныя страны (ихъ же глаголютъ быти всѣхъ яко до пятисотъ и тогда и Ромново двое заложиша едино идѣже старѣйшіе Прусскіе жрецы

живяху другое недалече Мемеля рѣки иже со сея страны жителми смѣсившеся языкъ по времени съ ихними смѣсиша".

Упоминаемое Кадлубкой родство рода Попелова съ Юліемъ Кесаремъ; переселеніе въ Литву морскаго Помпеева Гетмана Публія Либона, Прусса брата Юлія Кесаря, Руса, Чеха и Леха, родственниковъ императара Юстиніана, вышедшихъ изъ Хорватіи по преданію, сохранившемуся въ Далматской хроникѣ. Всѣ эти поэтическія легенды, основанныя болѣе чѣмъ вѣроятно на чтеніи классических авторовъ, лѣтописцами XII столѣтія, для насъ должны быть драгоцѣннѣе измышленій иперкритиковъ XIX столѣтія, не основанныхъ на чтеніи древнихъ писателей.

Въ рукописномъ житіи княжны Ефросиніи Суждальской (мѣсяца сентемвріа въ ҂кє день, день ея смерти) сказано: „во время же то [В. К. Михаила Черниговскаго отца Ефросиніи] бѣ въ Суждали Великій Князь именемъ Мина вельми благочестивъ: родъ же его влезашеся отъ Клаvдіа Кесаря Римскаго". Прародитель Палемонъ можетъ быть не кто иной какъ предводитель Енетовъ, выселившійся на Адріатическое море послѣ раззоренія Трои.—Объ этомъ переселеніи весьма серьезно говорятъ Страбонъ кн. XII. гл. III. стр. 543, и Титъ Ливій. кн. I. гл. I.

Можетъ быть, Пафлагоняне Пvлемена именно и были предками тѣхъ какихъ нибудь, но не Русскихъ Западныхъ Славянъ Востокова, употреблявшихъ, подобно Новгородцамъ, ц вмѣсто ч и на оборотъ, признанныхъ впослѣдствіи Востоковымъ за Болгаръ, на основаніи начертанія ѧ, встрѣчающагося въ древнихъ рукописяхъ неизвѣстнаго происхожденія. Блужданія Пафлагонянъ и другихъ Венетовъ по Европѣ менѣе гадательны, чѣмъ Болгаре и какіе нибудь западные Славяне, но не Русскіе, придуманные Востоковымъ.

Крайне любопытна замѣтка Востокова по поводу одной, оказавшейся, по его мнѣнію, мнимой Новгородской особенности Супрасльской рукописи. Эта Новгородская особенность, пока Востоковъ не убѣдился въ ея несуществованіи, была положительнымъ фактомъ въ

его глазахъ; тѣмъ не менѣе фактъ въ его глазвхъ исчезаетъ до открытія данныхъ, потому что „по другимъ признакамъ надлежитъ полагать, что оное принадлежало (ч вм. ц. и наоборотъ) и *другимъ какимъ-нибудь Словенамъ*, кромѣ Русскихъ“. Не доказываютъ ли эти слова, что прежде всего имѣлось въ виду отвергнуть возможность Русскаго происхожденія рукописи и допустить даже *другихъ какихъ-нибудь Славянъ*? Эти будто-*фактическія* основанія, заставившія Востокова отвергнуть возможность написанія Супрасльской рукописи на мѣстѣ нахожденія, указаны въ его статьѣ:

„Ь вмѣсто Ъ-ра нѣсколько разъ въ предлогахъ: вь, сь, отъ, въ мѣстоименіи ть вмѣсто тъ, и въ словахъ мльчаливаго, мльчаніе, принадлежитъ къ особенностямъ *какого-нибудь западнаго словенскаго нарѣчія*». «Еще *яснѣе* видно нарѣчіе *западныхъ* Славянъ по неупотребленію нигдѣ вставныхъ, принадлежащихъ восточному племени (съ ссылкой на Добровскаго!), здѣсь оныя замѣнены Ь-мъ“.

Востоковъ приводитъ примѣры: кръмьѥници вмѣсто кръмлѥници, ослѣпьıаѥтъ вмѣсто ослѣплıаѥтъ, земи вмѣсто земли и другіе, какъ будто подобное произношеніе не принадлежитъ даже современному произношенію многихъ Русскихъ людей; это произношеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ изчезновенію во французской живой рѣчи смягченному л въ словахъ: ailleurs, bailler, произносимымъ айьеръ, байе, а также и нашему произношенію: корабь, объ земь, сонце.

Въ добавокъ, эти „какіе нибудь Западные Славяне“, въ-слѣдствіе новыхъ открытій академика Востокова, признаются Болгарскими. Полезно повторить слова нашего ученаго: „Но какъ *особенности* языка, по коимъ я *полагалъ* рукопись сію Западно-Словенскою, по *позднѣйшимъ открытіямъ моимъ принадлежатъ именно Болгарамъ, то и не остается сомнѣнія въ томъ*, что Супрасльская рукопись писана Болгарами, у коихъ исключительно находимъ употребленіе буквы ѫ“ (ср. выше, стр. 79).

Было время, что у насъ разсказывали, въ подтвержденіе теоріи Востокова, что есть *неизвѣстныя селенія* въ Болгаріи, гдѣ ринезмы слышатся въ устахъ поселянъ. Этотъ слухъ основанъ былъ, вѣроятно, на замѣткѣ В. И. Григоровича (Очер. пут. по Европ. Турціи. Казань. 1847), что на югъ отъ Битоля и Охридскаго озера, въ Корчѣ и Бобоштицѣ сохранился полный ринезмъ, напр. въ словѣ мѫндръ (mendr) и въ привѣтствіи: да бѫдешъ живъ (da bądež žiw).

Такъ какъ столь положительное показаніе многоуважаемаго путешественника и филолога не можетъ быть отвергнуто, то остается предположить, по невозможности самого факта, что путешественникъ нашъ встрѣчался съ проживающими въ тѣхъ мѣстностяхъ гугнивыми Еллинами или Сербами, учившимися въ греческихъ церковныхъ школахъ или, еще правдоподобнѣе, съ выселившимися Поляками.

Далѣе мы опять встрѣчаемъ неопредѣленныхъ южныхъ Славянъ,— ни Болгаръ, ни Сербовъ,—выведенныхъ для отрицанія Русскаго происхожденія рукописи.

Приводимыя положенія Востокова суть краеугольный камень Русской науки о жизни роднаго нашего языка. Съ ненаучной точки зрѣнія приходитъ невольно сомнѣніе, не кроется ли въ самомъ зародышѣ мысли мистификація, отъ времени до времени поддерживаемая загадочными заявленіями. Съ другой стороны, при всемъ ненаучномъ убѣжденіи въ ошибочности теоріи Востокова, невозможно предполагать, чтобы она поддерживаема была представителями нашихъ каѳедръ древняго Славянскаго языка безъ твердаго убѣжденія въ ея основательности. Дилемма затруднительная. Я не лингвистъ и не палеографъ, а потому и не опасаюсь заявлять о полномъ моемъ недоумѣніи и незнаніи, доходящихъ даже до того, что не знаешь—къ какимъ руководствамъ обратиться для разъясненія. Довольствоваться загадочными и постоянно противорѣчащими изреченіями положительно невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, дѣло разъ-

яснено уже давно, хотя ложная теорія продолжаетъ распространяться повсемѣстно въ Россіи. До какой степени ложная теорія, положенная въ основаніи отечествовѣдѣнія, вредна, можно легко убѣдиться изъ сознанія многихъ людей, занимавшихся историческимъ изученіемъ языка, что исторія нашей письменности безусловно безполезна, такъ какъ доказано Востоковымъ, что русскіе люди не принимали разумнаго участія въ древней нашей письменности. Взглядъ этотъ распространенъ въ разныхъ поколѣніяхъ Русскихъ людей, не исключая и молодыхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы имѣемъ заявленія гг. Срезневскаго и Пыпина, что теорія эта не имѣетъ основанія, и даже, что въ одномъ изъ академическихъ засѣданій заявленіе такого рода было сдѣлано самимъ Востоковымъ. Эти два важныя заявленія находятся на стр. 18 и 19, въ Ученыхъ Запискахъ Академіи Наукъ, кн. II вып. II. С.-Петербургъ. 1856 г. Оба эти подстрочныя примѣчанія приводятся ниже, на стр. (77) 97—100; расточаемыя вмѣстѣ съ тѣмъ похвалы объясняютъ, почему эти заявленія не содѣйствовали къ возстановленію и распространенію въ Россіи болѣе правильнаго взгляда. В. И. Григоровичъ давно указалъ на ошибочность исходнаго пункта. „Въ статьяхъ, касающихся древняго Славянскаго языка (Казань. 1852. ст. 27—31, 73, 76), проф. Григоровичъ еще въ первый разъ, кажется“, говоритъ Пыпинъ, „выразилъ мнѣніе о существованіи въ древнемъ періодѣ Славянской письменности особенныхъ школъ правописанія Сербскихъ и Болгарскихъ (и Русскихъ?), въ слѣдствіе вліянія которыхъ рукописи получали, при перепискѣ, тѣ или другіе признаки не исключительно отъ подлинника и писца, а путемъ преднамѣреннаго исправленія. По словамъ г. Григоровича, это исправленіе именно совершалось не безсознательно, а съ намѣреніемъ и обдуманно: это дѣйствительно доказывается такими фактами, какъ послѣсловіе Симеонова Сборника и приведенная г. Григоровичемъ приписка къ Тріоди XIV ст., принадлежавшей А. С. Норову, гдѣ сказано: сіи тріюдь извода светогорскаго правого и св. типикомъ и св. охтаикомъ извода новаго поистинь боугарскаго

језыка—терь Богъ вѣсть велма ни е било оуснльно прѣставлѣти за на срьбски језыкъ. Нѣтъ сомнѣнія,—говоритъ Пыпинъ,—что подобная преднамѣренность дѣйствительно существовала, и было бы очень любопытно прослѣдить, сколько возможно, по рукописямъ, отличія этихъ рецензій (начало этому положилъ г. Григоровичъ изданіемъ Константина Костенчскаго); но едвали можно приписать этому обстоятельству большое значеніе въ исторіи старо-славянскаго правописанія; перевѣсъ въ числѣ едвали не на сторонѣ тѣхъ рукописей, въ которыхъ нельзя замѣтить преднамѣренной переправки. Двѣ изъ рукописей въ самомъ дѣлѣ выдерживаютъ характеръ своего правописанія—что предполагаетъ заранѣе составленныя правила; но въ другихъ вліяніе писца выражается чисто случайно: таковы поправки или ошибки писца Остромірова Евангелія. Въ древнихъ рукописяхъ правильности правописанія обыкновенно бываетъ больше, и это объясняется отчасти тѣмъ, что для нихъ меньше было случаевъ переписыванія, и слѣдовательно порчи текста; каждая новая переписка вносила въ него что нибудь новое, и въ рукописяхъ сложнаго правописанія, между которыми иныя значительно древни, трудно предполагать задуманное исправленіе. Вообще, кажется намъ, объясняя значеніе этихъ различныхъ школъ, нельзя упускать изъ виду того, что очень часто (если не гораздо чаще) измѣненіе первоначальнаго правописанія происходило не по общимъ, установленнымъ правиламъ, а по частнымъ понятіямъ переписчиковъ. Эти послѣдніе, какъ увидимъ, нерѣдко отличались такими особенностями, которыя становятся исключительными явленіями въ исторіи рукописей". (Уч. Зап. 1856. вып. II. стр. 44).

Къ этому примѣчанію многоуважаемаго ученаго необходимо прибавить, что не одни школы правописанія, но и школы калиграфіи необходимо существовали—къ какой бы то ни было формѣ. Въ монастыряхъ копіи производились необходимо подъ наблюденіемъ искуснаго калиграфа и палеографа. Въ разныхъ монастыряхъ необходимо уставливалось болѣе или менѣе своеобразное уставное правописаніе. Отступленія отъ этихъ мѣстныхъ уставныхъ правописаній вызывались

весьма различными причинами, каковы: 1) небрежность, 2) сбивчивость на обычный выговоръ, 3) сбивчивость въ-слѣдствіе сохраненія правописанія оригинала, вопреки указаніямъ наставника или заказчика, 4) сбивчивость въ-слѣдствіе привычки списывать съ древнихъ рукописей, имѣвшихъ какія либо отличительныя особенности отъ имѣющагося въ виду оригинала и отъ принятаго въ артели правописанія. 5) Еще большая сбивчивость не могла не происходить въ-слѣдствіе особеннаго правописанія, имѣвшагося въ виду оригинала, розпящагося и отъ обычныхъ оригиналовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ принятаго въ монастырѣ правописанія; сверхъ того, всѣ эти разногласія, при постоянной борьбѣ съ мѣстнымъ обычнымъ выговоромъ, приходилось нерѣдко подчинять желанію заказывавшаго копію съ оригинала, съ условіемъ соблюдать правописаніе, указываемое заказчикомъ. 6) Переписывали съ большимъ тщаніемъ люди, не спеціально занимавшіеся копированіемъ, но по чувству набожности, для проведенія времени въ благочестивомъ занятіи; здѣсь также являлись описки, поправки—удачныя или неудачныя, поправки прямо противорѣчающія другъ другу въ-слѣдствіе колебанія мысли, вызываемаго многоразличными, болѣе или менѣе основательными, соображеніями. Этотъ разрядъ переписчиковъ весьма естественно принадлежитъ къ разряду монастырскихъ писцовъ, учившихся если не въ монастыряхъ, то по правиламъ монастырской калиграфіи. 7) Другой разрядъ писцовъ, и весьма многочисленный, образовался въ приказныхъ избахъ и судебныхъ мѣстахъ, которыя, въ отношеніи къ калиграфіи, суть въ прямомъ значеніи опять-таки своего рода школы. Въ самихъ учрежденіяхъ, какъ и въ отдѣльныхъ приказахъ, проявлялись своеобразные взгляды и преданія на правописаніе. Ученики и вообще писцы въ правительственныхъ учрежденіяхъ и площадные дьячьки несомнѣнно заработывали себѣ хлѣбъ, внѣ спеціальныхъ своихъ занятій, и изготовленіемъ копій духовнаго и свѣтскаго содержанія по заказу и для продажи. Здѣсь необходимо являлась борьба между правописаніемъ дѣловымъ и требованіями набожныхъ чтецовъ книгъ духовнаго содержанія, и только лишь степень до-

бросовѣстности писцовъ обусловливала численное преобладаніе и въ копіяхъ правильнаго или неправильнаго правописанія. Не можетъ существовать, однако, сомнѣнія, что, по свойству человѣческой натуры, все что правильно — намѣренно, а неправильности суть уклоненія. Преобладаніе неправильнаго правописанія далеко не доказываетъ, что писецъ считалъ оное правильнымъ. Присутствіе незначительнаго процента правильнаго правописанія указываетъ, на оборотъ, что правило было извѣстно писцу, но имъ не соблюдалось по привычкѣ писать согласно какимъ либо другимъ требованіямъ — обычнаго ли произношенія, или привычки копировать съ неправильныхъ или своеобразныхъ оригиналовъ. При десяти процентахъ правильности невозможно уже допустить совершенное невѣдѣніе писца: въ этихъ случаяхъ онъ или обдумывалъ вопросъ, или обращался къ справкѣ. Въ рукописяхъ древнихъ замѣтно, что копіи снимались людьми свѣдущими и не затруднявшими себя рабскимъ подражаніемъ оригиналу.

Даже неправильное и безграмотное позднѣйшее введеніе юсовъ въ Московскую письменность также положительно указываетъ на существованіе школы. Въ-слѣдствіе наплыва въ Москву восточныхъ ученыхъ, Грековъ, Славянъ и Русиновъ, весьма понятно, было усмотрѣно отступленіе отъ древняго правописанія. Учители каллиграфіи и подрядчики для списыванія рукописей взялись исправить дѣло, и юсы посыпались безъ особенной заботы — правильно или неправильно они распредѣляются; но дѣло въ томъ, что требованіе было удовлетворяемо, пока существовалъ спросъ. Старообрядцы и вообще враги книжнаго исправленія, можетъ быть, по враждѣ къ этому нововведенію и называли юсовыя рукописи „гугнивыми". Впрочемъ самая неправильность нашихъ позднѣйшихъ юсовыхъ рукописей весьма можетъ оказаться сомнительной, такъ какъ рукописи съ этой точки зрѣнія едвали были обстоятельно изслѣдованы. Процентъ неправильностей въ позднѣйшихъ многочисленнѣйшихъ рукописяхъ долженъ необходимо быть значительнѣе, чѣмъ въ древнихъ драгоцѣнныхъ памятникахъ; но крайне сомнительно, чтобы позднѣйшее юсовое Московское

письмо было совершенно безграмотное и обнаруживало крайнее невѣдѣніе писцовъ. *Небрежность и невѣдѣніе* суть двѣ вещи, весьма легко отличаемыя въ рукописяхъ. Все, что случалось намъ видѣть, также приводитъ къ подозрѣнію, что и этотъ приговоръ постановленъ не безъ предосудительной поспѣшности. Въ концѣ статьи приводится древняя замѣтка о правописаніи и о гугнивомъ жсѣ.

На страницѣ 17, въ томъ же предисловіи, находимъ краткое опредѣленіе Востоковымъ своей системы для классификаціи рукописей: „Правописаніе Русское, Болгарское и Сербское. Русское есть то, которое мы видимъ въ печатныхъ церковныхъ книгахъ. Въ немъ нѣтъ ѫ, а ѧ и ꙗ *равнозвучны*. Болгарское отличается употребленіемъ ѫ и ѧ въ значеніи носовыхъ буквъ ą и ę. Позднѣйшее Болгарское смѣшиваетъ ѫ и ѧ, употребляя одно вмѣсто другаго. Сербское, подобно Русскому, не употребляетъ юсовъ, но отъ Русскаго отличается употребленіемъ Ь вмѣстѣ Ъ и Е вмѣсто ѧ.

„Букву Ѣ какъ Болгары, такъ и Сербы употребляютъ правильно; но Русскіе писцы позднѣйшаго времени, утратившіе въ языкѣ своемъ различіе звуковъ Ѣ и Е, часто ставятъ Е вмѣсто Ѣ. „Приведенныя имъ,—продолжаетъ редакторъ, — отличія правописанія, правда, немногосложны, но зато несомнѣнны".

Здѣсь мы видимъ, какъ однимъ почеркомъ пера съ незамаскированнымъ произволомъ Востоковъ характеризуетъ Русское правописаніе рукописей правописаніемъ *печатныхъ* книгъ, хотя правописаніе несомнѣнныхъ Русскихъ рукописей церковнаго и гражданскаго письма значительно и разнообразно отличается отъ нашихъ печатныхъ книгъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не задумываясь называетъ правильное правописаніе Болгарскимъ, хотя у него древнихъ Болгарскихъ рукописей и въ очію не имѣлось, какъ уже весьма давно замѣтилъ Бередниковъ. Для Востокова существовали три основанія для приведенія своихъ положеній: A) отсутствіе древнихъ Болгарскихъ рукописей, B) малое знакомство съ дѣйствительными Болгарскими рукописями, и C) совершенное незнакомство съ современнымъ письмен-

нымъ языкомъ Болгаръ и съ Болгарскими народными нарѣчіями. При отрицательномъ направленіи, тогда господствовавшемъ, теорія его приходилась весьма кстати. При этомъ приходитъ на умъ вопросъ: что же приходилось отрицать, когда и безъ отрицанія въ научномъ отношеніи существовала въ полномъ смыслѣ tabula rasa? Неужели вся задача нашей Филологіи была—представить въ лицахъ горькую Русскую пословицу: дѣла не дѣлай, а отъ дѣла не бѣгай?

Востоковъ опасался, что любители Славяно-Церковныхъ рукописей слишкомъ расположены были видѣть во всѣхъ древнихъ рукописяхъ произведенія Русскихъ писцовъ. Но это опасеніе совершенно несправедливо; едвали онъ не переносилъ съ больной головы да на здоровую. Въ Россіи издревле и постоянно обращались на Аѳонскую гору и въ Константинополь для пріобрѣтенія древнихъ рукописей, которыя могли бы служить оригиналами для провѣрки обращавшихся Русскихъ копій, возбуждавшихъ сомнѣнія относительно ихъ точности въ передачѣ древнѣйшихъ текстовъ.

Историческіе факты, относящіеся до появленія на Руси рукописей съ Аѳонской горы и изъ Царьграда, слишкомъ были общеизвѣстны, чтобы они могли ускользнуть отъ вниманія Востокова. Но дѣло въ томъ, что Востокову требовалось или желалось доказать, что Русскіе писцы въ XI столѣтіи не могли участвовать въ разумномъ снятіи копій, а если и переписывали, то переписывали машинально съ древне-Болгарскихъ подлинниковъ; а какъ таковыхъ не дошло до насъ, то и улики противъ опредѣленія опасаться не должно.

Востоковъ, — какъ это ни кажется пародоксально,—при характерѣ его трудовъ, былъ прежде всего и исключительно импровизаторъ, воспользовавшійся довѣріемъ графа Румянцова и настроеніемъ Шишкова. Импровизація Востокова скоро предана была бы забвенію, если бы, при окончаніи его поприща, по случаю юбилея, его замѣтки не приведены были въ систематическій порядокъ; этимъ устранено у насъ было признаніе Славянской филологической школы, вызванной къ жизни усердными стараніями и преданностію Добров-

скаго, и ставшей твердой ногой въ средѣ всемірной науки въ лицѣ Копитара и Миклошича. Самообольщеніе не можетъ быть полезно. Тому 30 лѣтъ уже назадъ сомнѣвались въ успѣхѣ теоріи, проводимой подъ знаменемъ Востокова и особенно въ пользѣ, которую система эта могла принести Руской наукѣ. Вообще какъ-то трудно укладывается въ Русскій умъ, не подчиненный наносному вліянію, мысль, что Гречь и, кажется, Остенекъ могли быть руководителями Русскихъ людей въ изученіи роднаго языка. Въ „Ложѣ перваго яруса“ Каратыгина 2-го (1838 г.) гостинодворецъ, не доставшій билета въ кассѣ, съ горя уходитъ посмотрѣть какъ нѣмецъ русскимъ языкъ показываетъ. Каратыгинъ намекалъ на публичныя лекціи Греча.

На стр. 91 упомянуты были заявленія гг. Пыпина и Срезневскаго какъ слѣдуетъ понимать не подлежащую сомнѣнію систему Востокова. [На стр. 91 ссылка на стр. 77, ошибочно, вм. 97].

„*Признавая напротивъ Болгарію отечествомъ языка Старославянскаго*, Востоковъ остался вѣренъ и фактамъ литературной исторіи: самое сильное и богатое развитіе литературной дѣятельности Старославянской принадлежало Болгаріи; начиная почти съ IX вѣка, является въ ней преемственность памятниковъ Старославянскаго языка, которая нигдѣ не была такъ обширна. На сторонѣ Востокова и *эта связь позднѣйшихъ Болгарскихъ текстовъ съ древнѣйшими* по языку и правописанію, *до сихъ поръ впрочемъ мало объясненная*. Въ тѣхъ памятникахъ, которые Миклошичъ считаетъ истинно Старославянскими, Востоковъ тоже находитъ древнее Старославянское правописаніе, но слегка видоизмѣненное по требованію *другого* нарѣчія; къ этой разницѣ (не столько кажется значительной, чтобы на ней можно было основать мнѣніе объ иномъ отечествѣ Старославянскаго языка) прибавляется еще темный до сихъ поръ вопросъ о происхожденіи и значеніи глаголиты, которою писанъ древнѣйшій, истинно Старославянскій по Миклошичу, Glagolita Clozianus. Замѣтимъ (?!) впрочемъ, что Востоковъ *не выражалъ положительно* своего взгляда на эти

памятники, и во всякомъ случаѣ окончательное рѣшеніе вопроса о истинной родинѣ Старославянскаго нарѣчія достигнуто будетъ послѣ новыхъ изслѣдованій, задачею которыхъ, по нашему мнѣнію, должно быть главнымъ образомъ объясненіе исторіи Старославянскаго языка и правописанія, съ древняго періода до того времени. когда Болгарское нарѣчіе уже въ сильной степени обнаружило упадокъ формъ языка. — *Филологическія данныя* и теперь для безпристрастнаго ученаго *могутъ* представить достаточныя доказательства въ пользу системы Востокова: что же касается до фактовъ внѣшней исторіи, которыми хотѣли подкрѣпить мнѣніе о Хорутанскомъ происхожденіи Старославянскаго языка, то и здѣсь опроверженія Шафарика (Древ. и др.) *стоятъ выше* всякаго сомнѣнія". „Путемъ историческаго изслѣдованія онъ пришелъ къ положительному *убѣжденію*, что Старославянскій языкъ принадлежалъ Задунайскимъ, Греческимъ, Славянамъ, *единоплеменникамъ тѣхъ, которые покорены были Болгарами* и отъ нихъ получили себѣ имя. *Это не было* Сербо-Македонское нарѣчіе Добровскаго, потому что Сербское нарѣчіе уже раньше выдѣлилось изъ массы Славянскаго языка и получило особенныя отъ Старославянскаго свойства; *отличія же этаго мѣстнаго нарѣчія* отъ нарѣчія именно Славянъ Болгарскихъ, *если они и были*, то не были такъ сильны, чтобъ его можно было считать отдѣльнымъ отъ нарѣчія Болгарскаго. Въ сравненіи съ *этими выводами Шафарика далеко не выдерживаютъ критики* тѣ историческія основанія, на которыхъ держится Pannonietas Копитара и старо-Хорутанизмъ Миклошича" (стр. 18 и 19).

Это подстрочное примѣчаніе А. Н. Пыпина обнаруживаетъ, не смотря на все его искуство, отсутствіе твердаго основанія «*немногосложной*», *но несомнѣнной* классификаціи Востокова". Ср. выше, стр. 95. А. Н. Пыпинъ высказываетъ свой весьма правильный взглядъ на теорію Востокова. Но бѣда въ томъ, что правильный взглядъ сглаживается въ редакціи и, въ добавокъ, помѣщенъ въ

подстрочномъ примѣчаніи, а защита системы Востокова рельефно выставлена на видномъ мѣстѣ. Двойственность взгляда объясняется самими условіями, вызвавшими приведеніе г. Пыпинымъ замѣтокъ Востокова въ систематическій порядокъ. Задача, впрочемъ, выполнена блистательно: „волки сыты и овцы цѣлы"; а овцамъ быть сытыми, какъ видно, не полагается и по народной пословицѣ.

Названіе древне-Церковно-Словенскаго языка Паннонскимъ ничего не опредѣляетъ въ отношеніи племени, по безпредѣльности Панноніи на югъ и на сѣверъ отъ Дуная. Панноніей называется въ древнемъ житіи св. Кирилла страна, просвѣщенная его проповѣдію. Здѣсь могли покойно жить прадѣды Сербовъ, Хорватовъ, Болгаръ, Поляковъ и Русскихъ. Названіе „Паннонское" не налагаетъ тормаза на изслѣдованія и можетъ быть признано развѣ излишнимъ подчиненіемъ общему обычаю придумывать прозвища. Названіе древне-Церковно-Словенскаго языка Болгарскимъ, и признаніе всѣхъ рукописей въ коихъ соблюдено извѣстное правописаніе, Болгарскими совершенно затемняетъ вопросъ и сбиваетъ учащихся съ толку, такъ какъ необходимо до невозможности неусыпное вниманіе, чтобы отдѣлить вымышленный древне-Болгарскій языкъ отъ языка Болгарскаго стараго средняго и современнаго. Это весьма хорошо понялъ И. И. Срезневскій и выразилъ свою мысль въ подстрочной замѣткѣ весьма ясно и опредѣленно; тѣмъ не менѣе расточенныя имъ похвалы, по случаю юбилея, распространили въ Россіи, во всѣхъ школахъ вѣру въ непогрѣшимость ученія Востокова: подстрочная замѣтка осталась не замѣченной. И. И. Срезневскій вполнѣ сознаетъ существованіе древне-Церковно-Словенскаго языка внѣ всякаго мѣстнаго вліянія Сербскаго, Болгарскаго или Русскаго; но бѣда въ томъ, что несомнѣнный авторитетъ его служитъ поддержкой ложнымъ основнымъ опредѣленіямъ Востокова. Дѣлать выкладки на основаніи ошибочныхъ данныхъ едвали можетъ быть признано полезнымъ упражненіемъ. Вольтеръ гдѣ-то сказалъ, что въ случаѣ, если бы онъ открылъ самую несомнѣнную истину, для пользы дѣла онъ обнародо-

валъ бы ее не иначе, какъ въ видѣ сомнительнаго вопроса. Но едвали могутъ быть безвредны дипломатическія изощренія въ дѣлѣ науки; здѣсь, кажется, дипломація такъ же вредна, какъ и на театрѣ войны. Вслѣдъ за оговоркой А. Н. Пыпина, выраженной крайне дипломатически, академикъ Срезневскій счелъ нужнымъ къ подстрочному примѣчанію А. Н. Пыпина прибавить оговорку болѣе откровенную (тамъ же, стр. 19.):

„Кстати здѣсь сказать нѣсколько словъ о томъ, въ какомъ именно видѣ А. Х. Востоковъ уравниваетъ Старославянское нарѣчіе съ древнимъ Болгарскимъ. Принимая, что Старославянское нарѣчіе было употребляемо въ древней Болгарской письменности, Востоковъ не думаетъ впрочемъ изъ этого выводить заключенія о *тождествѣ* Старославянскаго нарѣчія съ древнимъ Болгарскимъ народнымъ. Древнимъ Болгарскимъ онъ называлъ его *иногда только потому*, что всѣхъ Славянъ Задунайскихъ, жившихъ на востокъ отъ Сербовъ, и онъ съ другими *привыкъ* называть Болгарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не сомнѣвается, что родина Старославянскаго нарѣчія есть Македонія, а потому его *можно* назвать и Македонскимъ (какъ *думалъ* и Добровскій); собственно Болгарское нарѣчіе *могло* издревле *отличаться* отъ него очень важными признаками. Такъ А. Х. Востоковъ высказалъ свое мнѣніе въ *одномъ* изъ засѣданій Отдѣленія, въ слѣдствіе вопроса, ему предложеннаго“. Образцы нарѣчія Македонскаго будутъ приведены ниже.

Невозможно опредѣленнѣе выразить несостоятельность теоріи академика Востокова; тѣмъ не менѣе теорія о невозможности Русскаго происхожденія правильныхъ Церковно-Словенскихъ рукописей, преобладаетъ въ Россіи во имя Востокова и его учениковъ, не смотря на заявленія сдѣланныя въ 1856 году. Дѣло въ томъ, что мнѣніямъ придается болѣе вѣса чѣмъ фактамъ, а въ наукѣ мнѣнія большого вѣса не имѣютъ и имѣть не могутъ: все, что основано на мнѣніи, для науки остается фактомъ недостовѣрнымъ и заслуживающимъ лишь мимоходомъ вниманіе. Преобладаніе у насъ отвлеченныхъ взглядовъ, какъ мы усма-

триваемъ изъ приведенныхъ замѣтокъ, высказывается даже въ работахъ палеографическихъ, хотя, казалось бы, именно въ палеографіи они совершенно безполезны. Пренебреженіе къ фактамъ въ первой половинѣ нашего столѣтія дошло до того, что Кеппенъ, по поводу статистическихъ оффиціальныхъ данныхъ, противорѣчившихъ его числамъ, провозгласилъ въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ“ 1850 г. № 79: „Скажемъ единожды навсегда: для статистика критика данныхъ должна быть важнѣе данныхъ“. Единственное разумное объясненіе теоріи Востокова—это желаніе убѣдить, что на Русской почвѣ правильнаго правописанія не могло существовать въ XI столѣтіи, такъ какъ оно плохо вяжется съ теоріей о Шведскомъ господствѣ въ Россіи. По крайней мѣрѣ, не смотря на все стараніе, другой цѣли не удалось усмотрѣть. Впрочемъ, эта задушевная мысль высказывалась даже въ теоріяхъ поборниковъ народной Русской науки.

Г. Паплонской (Филологическія замѣтки въ связи съ церковно-славянскимъ и другими Славянскими нарѣчіями. Ж. М. Н. П. 1854. № 6) выражаетъ свое удивленіе, хотя и признаетъ Древне-Церковно-Словенскій за Болгарскій: „Нынѣшнія славянскія нарѣчія болѣе или менѣе удалились отъ древнѣйшаго изъ письменныхъ славянскихъ діалектовъ—отъ древне-болгарскаго. *Удивительно* однакожь то, что нарѣчіе ново-болгарское именно менѣе всѣхъ другихъ похоже на своего прародителя“.

Ставить мнѣнія, основанныя на маломъ количествѣ не разработанныхъ данныхъ, краеугольнымъ камнемъ для возведенія научнаго зданія не можетъ не имѣть вреднаго дѣйствія на самый ходъ науки. Отношенія Кирилловской письменности къ глаголитской не изслѣдованы; а фактъ существованія древнихъ Кирилловскихъ копій съ рукописей глаголитскихъ существуетъ—этотъ фактъ не могъ не имѣть значительной доли вліянія на разнообразіе въ Кирилловскихъ рукописяхъ. Съ другой стороны, мало изслѣдовано отношеніе древняго правописанія къ мѣстнымъ живымъ, нынѣ существующимъ, Славянскимъ нарѣчіямъ. А вліяніе живыхъ говоровъ не могло не отразиться на древ-

нее правописаніе; и дѣйствительно, весьма много находится различныхъ правописаній одного и того же слова, вполнѣ объясняемыхъ не только мѣстнымъ произношеніемъ, но и различнымъ произношеніемъ и правописаніемъ одного и того же слова однимъ и тѣмъ же лицемъ, напр. всякый и всякій, русскый и русскій, грыбъ, грибъ; началъ, начялъ, начелъ; безымянный, безъименный; часъ, чясы, чесы.

Тождество ѧ = а = ѫ = ѣ = ѣ, по указанію Востокова, составляетъ именно признакъ Болгарскаго правописанія. Позволяю себѣ замѣтить касательно несомнѣннаго болгаризма, что и намъ Русскимъ совершенно также свойственно произносить „въ рядахъ“ какъ и „въ редахъ“, „куда“ и „куды“. Въ рукописной грамматикѣ приложенной къ діалектикѣ Іоанна Дамаскина, о ѫсѣ сказано: „гугнивъ и неопредѣленъ“. Въ нашихъ позднѣйшихъ рукописяхъ встрѣчаются окончанія 3-го лица на ть и тъ въ безчисленныхъ варіантахъ. Также точно встрѣчаются и русскіе люди, произносящіе: идеть, идуть; а, вмѣстѣ съ тѣмъ, никакъ нельзя сказать, что Русскіе не отличаютъ произношенія ѧ отъ А или Ъ отъ Ь. Выходитъ, что и несомнѣнный сербизмъ есть принадлежность Русскаго племени, произведшая замѣтное колебаніе въ Церковно-Словено-Русскомъ правописасаніи въ отношеніи полугласныхъ Ъ и Ь. Наглядный примѣръ представляетъ надпись на лубочной картинкѣ, изображающей медвѣдя и козу: „медветь скозою прохлажаюца и на мꙋзыке своеи забавлѧютсѧ толстаи медветь шлѧпꙋ надеваитъ и вдꙋткꙋ свою играитъ а каза всараѳанѣ переднимъ скачетъ и рогами своими колокольчиками машитъ у ѳабришныхъ в ложки игратъ на ꙋчились а медведю гораздо полюбились“.

Писецъ, и весьма искусный, пишетъ: „прохлажаюца и забавляютсѧ, медветь, игратъ, училисъ, полюбились“. Единственный выводъ, который можно сдѣлать, это тотъ, что писецъ пренебрегалъ ороографіей; но едвали можно заключить, что онъ не умѣлъ различить Ъ отъ Ь и звука ца отъ тся, и даже училисъ отъ училисъ.

Въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, наоборотъ, постоянно повторяется

двойная гипотеза: „Писецъ Четверо-Евангелія XVI в. № 127. Употребляетъ часто Ъ вм. Ь, Ы вмѣсто И и обратно: доказательство, что онъ, какъ *южный* словенинъ не различалъ въ произношеніи *сихъ звуковъ*“.

Степень основательности этого мнѣнія опредѣляется массой Русскихъ документовъ, представляющихъ въ значительномъ размѣрѣ колебаніе въ правописаніи на Ы и И, также какъ на Ъ и Ь. Живой языкъ равно протестуетъ противъ положенія Востокова. Мы говоримъ грыбъ и грибъ, всякый и всякій, и тѣмъ не менѣе положительно сохранили способность отличить Ы отъ И. Въ грамотѣ Царя Михаила Ѳедоровича князю С. И. Великаго-Гагину, 22 декабря 1628 г., встрѣчается: писатца и явитися; въ грамотѣ 29 іюня 1630 г., на имя кн. Львова находимъ: „Івана“ „Ываномъ“. Въ грамотѣ 10 Іюня того же года упоминаются „Іванъ Косовскій“ „Ываномъ Огаревомъ“. Въ грамотѣ 25 іюня 1642 г. „и інымъ никакимъ“ „из ыныхъ“; весьма часто встрѣчается въ тѣхъ же Воронежскихъ актахъ: „в іюле“ и „в ыюне“.

Въ строгомъ опредѣленномъ правописаніи французскомъ, для многихъ трудно совладать съ тремя надстрочными акцентами; на сколько затрудненія были многочисленнѣе для древнихъ нашихъ Славянскихъ переписчиковъ, имѣвшихъ не только два знака для обозначенія довольно сбивчивыхъ твердаго и мягкаго окончанія Ъ и Ь, но въ добавокъ: точку, обозначающую какъ одно, такъ и другое окончаніе, наклонныя черточки въ видѣ акцентовъ, черты прямыя и дугообразныя, надстрочные знаки безъ опредѣленнаго значенія или безъ строго выдержанныхъ правилъ, судя по лучшимъ рукописямъ. Сбивчивъ и выносъ буквъ, оканчивающихъ слова, надъ строку, безъ обозначенія твердаго или мягкаго окончанія, въ соотвѣтствіи словамъ, выписаннымъ сполна то съ твердымъ, то съ мягкимъ окончаніемъ, въ лучшихъ древнѣйшихъ рукописяхъ. Въ добавокъ, въ окружающей средѣ переписчики встрѣчали въ живой рѣчи произношеніе то съ твердымъ, то съ мягкимъ окончаніемъ, и во многихъ случаяхъ сбивчивость эта вполнѣ

соотвѣтствовала, какъ и нынѣ, внутреннему чувству писца. Такъ напримѣръ предлогъ „въ "въ Болонской Псалтири пишется стр. 357—378 у Срезневскаго. 1) въ благо время, 2) въ печалехъ, 3) (толк.) си рѣчь в'' врѣмя печальное, 4) в'вѣкъ (376), 5) в вѣкъ (376) въ толкованіи находимъ: отъ рода бо и в родъ; в няже; 6) въ вьртепѣ, а также в'' вѣрѣ и опять въ вѣкъ. 7) в' множьствѣ силы, 8) въ' свѣтѣхъ (365), въ тайныхъ. На стр. 366: 9) въ животъ, вь покои; вь съмятеніе; 10) въ соушѫ. 11) въ рѣцѣ; а также: въ себѣ, въ сѣтъ; в домъ. Всѣ эти варіанты 9, 10 и 11. на одномъ и томъ же 105 листкѣ Болонской псалтыри. На листкѣ 106 писанномъ другимъ почеркомъ: въ печали, въ срьци.

Совершенно подобные же факты встрѣчаются и въ древнѣйшей глаголитской письменности. Самое постоянство появленій варіантовъ во всѣхъ рукописяхъ достаточно указываетъ, что выводы Востокова не имѣютъ твердаго основанія и, во всякомъ случаѣ, преждевременны, такъ какъ масса матеріала требуетъ тщательнаго изслѣдованія при содѣйствіи многихъ силъ. Творительный единственнаго числа мужескаго и средняго рода именъ существительныхъ на „мь" встрѣчается въ Клоціевой глаголитской рукописи 48 разъ и только три раза на „мъ": богомъ, страхомъ, дерзновеньемъ; творительный и мѣстный падежи единств. числа мужскаго и средняго рода мѣстоименныхъ склоненій встрѣчается 12 разъ и всегда на: „мь"; въ сложныхъ прилагательныхъ изъ пятнадцати разъ только два примѣра на „мъ": дъневнъимъ, въ скрысшъимъ. Въ супральской рукописи Миклошичь видитъ слѣды Русскаго исправленія; въ замѣненіи подскобленнаго Ъера Ьерикомъ, въ окончаніи творительнаго падежа на М. Monum. linguae Palaeoslov. e cod. Suprasl. 1851. стр. XI: Jnitio codicis saepissime Ъ instr. Sing. subst. g. masc. et n. erasum et Ь scriptum est quod sine dubio in Russia factum est; Слѣдуетъ сравнить вар. по Таб. I и II, стр. 33 и 36, и преимущественно тѣ окончаніи на „имъ" и „имь", которые встрѣчаются въ пѣснѣ о Плъку Игоревѣ безъ варіантовъ.

Встрѣчаемое въ Остромировомъ Евангеліи окончаніе 3-го лица настоящаго времени на „ть“ Миклошичь признаетъ основаніемъ для предпочтенія этого окончанія въ встрѣчающихся по правой сторонѣ Дуная разнописаній на „ть“ и „тъ“. Чѣмъ больше разсматриваешь этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе убѣждаешься, что писцы намѣренно вводили разнописанія для удовлетворенія всѣхъ произношеній. Разнописаніемъ указалось чтецу, что произношеніе твердой и мягкой полугласной произвольно, и что слѣдуетъ придерживаться мѣстнаго произношенія, чтобы не производить соблазна въ слушателяхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что небрежность играетъ въ разнописаніи не послѣднюю роль; но, съ другой стороны постоянство разнописанія возводитъ оное въ систему: разнообразное правописаніе напоминаетъ чтецу, что онъ долженъ держаться обычнаго произношенія; приведеніе разнообразнаго правописанія къ одному знаменателю едвали было бы правильно; въ этомъ отношеніи метода принятая академикомъ Срезневскимъ есть несомнѣнно разумнѣйшая. Напрасно Миклошичь, имѣя въ виду лишь цѣль педагогическую, признаетъ методу Русскихъ палеографовъ педантизмомъ. Не пишутъ ли многіе и въ наше время въ случаяхъ сомнительныхъ одно и тоже слово двоякимъ образомъ? При двойственности правописанія, примѣры тому легко найдти въ ореографіи многихъ народовъ въ текущей перепискѣ и даже печати:— напр. у французовъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи писалось j'aimois и j'aimais, Estat и Etat; у насъ одинъ тотъ же человѣкъ напишетъ цаловать и цѣловать. Въ печати и письменности случаи разнописанія встрѣчаются весьма часто, и этими данными брезгать не разумно. Въ тѣхъ же простонародныхъ документахъ мы находимъ; сраженіе и страженіе, страмъ и срамъ, ужасъ и ужасть; а эту послѣднюю форму мы находимъ и въ лѣтописяхъ. Правописаніе ужасъ вмѣсто ужасть можетъ быть признано за Болгаризмъ и за Болгаризмъ дѣйствительный, такъ какъ Болгаре младость произносятъ—младосъ. Самымъ положительнымъ Болгаризмомъ долженъ быть признанъ каждый человѣкъ, просящій то стаканъ чая, то ста-

канъ чаю. Въ первомъ случаѣ мы еще не обрусѣвшіе Болгаре — здѣсь проявленіе проавизма; а во второмъ случаѣ, мы люди сбитые съ толку писаніями, сохранившими непонятное намъ Болгарское правописаніе. Русскій человѣкъ можетъ спросить чашку кофея или кофею и даже крѣпкаго кофію, сказать возъ хворосту, куль сушенаго гороху, но онъ не можетъ сказать ни куль овсу, ни стаканъ пиву, ни стаканъ воду. Мы говоримъ: горница полна дыма или даже густаго дыму; но не можемъ сказать; горница полна зловонію, — въ комнатѣ много сора или хлама или хламу и даже всякаго хламу но нельзя сказать: много пылѣ, дрянѣ, всякой всячинѣ, воровству. Родительный падежъ прилагательнаго не дозволяетъ предполагать отвлеченную идею о цѣломъ родѣ вещей, какъ это можно предполагать въ выраженіи „продажа ситцу, французскимъ винамъ, крытымъ пролеткамъ“, гдѣ подразумѣвается мысль, что той или другой статьѣ назначается продажа; родительный и дательный падежъ прилагаемыхъ въ томъ и другомъ случаѣ весьма опредѣлительно указываютъ, что въ первомъ случаѣ разногласіе звуковое, а во второмъ логическое. Сами Германскіе филологи уже замѣтили, что выводы, основанные на правописаніи въ древней письменности, не тверды: потому что разногласія происходили часто отъ причинъ случайныхъ, не оставившихъ за собой слѣдовъ, весьма часто искуственныхъ и при томъ основанныхъ на соображеніяхъ ошибочныхъ. Человѣку стороннему въ дѣлѣ науки и учащемуся кажется, что много ложнаго введено въ науки историческія въ-слѣдствіе неправильнаго распредѣленія труда. Люди, стоящіе въ главѣ науки, занимаются часто мелкими изслѣдованіями и подробностями, которыя полезны для науки, но должны быть предоставлены и вездѣ предоставляемы молодымъ силамъ. Дѣло людей, стоящихъ въ главѣ науки, составлять руководства, обзоры на основаніи изслѣдованій молодыхъ ученыхъ. Въ этомъ заключается именно главная помѣха. Люди, стоящіе въ главѣ науки, занимаясь мелкими изслѣдованіями, перебиваютъ дорогу молодымъ людямъ и, запугивая ихъ устраняютъ съ научнаго

поприща юныя силы. Свобода при изслѣдованіяхъ необходима и не нуждается въ непосредственномъ руководствѣ высшихъ ученыхъ. Дѣло ученыхъ — заносить въ руководства и словари все, что въ наукѣ накопляется достовѣрнаго. Всѣ пригодныя и полезныя изслѣдованія получаютъ этимъ вводомъ право гражданства въ наукѣ. Люди, стоящіе въ главѣ науки, заносятъ тщательно весь добытый и надежный матеріялъ въ науку. Въ случаѣ внесенія въ науку фактовъ недостовѣрныхъ или въ случаѣ пренебреженія новыми достовѣрными открытіями они подлежатъ равно отвѣтственности. Тогда раздѣленіе работы правильно когда при опредѣленномъ кругѣ занятій существуетъ опредѣленная отвѣтственность. Постоянное вмѣшательство главныхъ научныхъ авторитетовъ въ работы, пролагаемыя новыми поколѣніями, подвизающимися на научномъ поприщѣ, можетъ безъ всякой пользы только вредить дѣлу. При недостаткѣ руководствъ и отчетовъ о состояніи наукъ, новыя поколѣнія, лишены указаній чего слѣдуетъ добиваться въ наукѣ, что требуетъ потвержденія, дополненія или изслѣдованія въ области недостаточно извѣстной.

При подобномъ распредѣленіи труда, какъ оно существуетъ у насъ, т. е. при средоточіи въ тѣсной средѣ наука двигаться не можетъ, потому что при этомъ распредѣленіи не можетъ существовать подготовки людей; второстепеннымъ цѣлямъ придается несоотвѣтственная важность, а на главную цѣль науки: систематическое распредѣленіе собранныхъ фактовъ, не остается времени. Состояніе филологіи у насъ не можетъ быть признано нормальнымъ, даже при самомъ скромномъ предположеніи о томъ фазисѣ, въ коемъ наукѣ слѣдуетъ находиться послѣ столѣтняго существованія высшихъ филологическихъ школъ. Кажется, въ этомъ отношеніи вліяніе Востокова было всесильно—обращать все вниманіе на буквы и оставлять содержаніе древнихъ памятниковъ внѣ всякаго вниманія. Послѣдствія — на лицѣ: наука не принимается, а дѣлу, которое могло лишь быть упражненіемъ для молодыхъ силъ и, во всякомъ случаѣ, мимолетнымъ догадкамъ придана первенствующая важность. Свѣдѣнія, собранныя

Востоковымъ и приведенныя въ порядокъ А. Н. Пыпинымъ не даютъ никакихъ полезныхъ или даже любопытныхъ выводовъ, нѣсколько фальшивыхъ, а сами замѣтки не представляютъ даже матеріала для будущихъ работъ, такъ какъ свѣдѣнія весьма неполны, произвольны, просто подобраны для подведенія извѣстнаго итога. Любопытно было бы знать, что вызывало единогласный восторгъ къ трудамъ, съ коими, впрочемъ, почти вовсе не знакома читающая публика.

Здѣсь приводится нѣсколько примѣровъ начертанія ⊙ и вслѣдъ за оными объясненіе Востокова, доказывающее — съ какимъ пренебреженіемъ онъ относился вообще къ палеографіи, какъ наукѣ; тутъ узнаемъ мы, что палеографу, заслонившему всѣхъ доморощенныхъ любителей древнихъ рукописей, не встрѣчалось досуга, чтобы справиться съ палеографіей финикійской, греческой и даже византійской, при встрѣчѣ съ неизвѣстнымъ ему начертаніемъ. Онъ предпочелъ объяснить себѣ, что писецъ по тупоумію („вздумалось") два раза перенесъ словоотдѣлительную точку въ средину первой буквы, но въ третій разъ, по неопредѣленному чувству, перенесъ эту точку въ середину слова. Ходъ мысли ясенъ: Востоковъ, встрѣтивъ въ первый разъ ⊙, остроумно объяснилъ, что точки перенесены по ошибкѣ, для отдѣленія слова отъ предъидущаго. Встрѣтивъ въ другой разъ это начертаніе, Востоковъ увидѣлъ, что его остроумная догадка вполнѣ подтверждается. Встрѣтивъ это же начертаніе въ срединѣ слова, онъ, долго не задумываясь, сказалъ себѣ, что тупоумію древняго писца нѣтъ предѣловъ, и неправильно опрокидывать разъ критически постановленное опредѣленіе въ виду глупаго факта. Изъ объясненій по поводу составленнаго къ юбилею, систематическаго изложенія его замѣтокъ, мы узнаемъ, что онъ одобрилъ работу и такимъ образомъ это объясненіе сдѣлалось достояніемъ науки.

По поводу этого начертанія находится краткая замѣтка выше, въ таблицѣ XIII, стр. 57 и 58. Въ рукописномъ Евангеліи XVI столѣтія, мнѣ принадлежащемъ, въ первой части рукописи, писанной заглавными буквами, съ частымъ употребленіемъ большаго ӥса вмѣсто

малаго на листѣ 2-мъ встрѣчается широкое О отличное отъ о и отъ ѡ, но принадлежащее къ послѣднему начертанію, такъ какъ въ основаніи замѣтно раздвоеніе; въ срединѣ начертанія находится точка: єдіноро҃наго ѿ Оца и на страницѣ 4-й на оборотѣ тоже начертаніе: ѿ Обою.

На первыхъ листахъ второй части обыкновеннымъ, крупнымъ и четкимъ полууставомъ безъ употребленія Ѫсовъ встрѣчается (л. 50) обыкновенное О съ точкой посреди начертанія, а равно въ тѣхъ же словахъ это О замѣняется ѡмегой:

„что же видиши соучецъ иже въ Ѡцѣ брата своєго. брьвноже Єже Єсть въ ѡцѣ твоємъ не чюєши. или како речеши брату твоємоу. Ѡстави да измоу соучецъ изъ Очесе твоєго и се бръвно въ Оцѣ твоємъ. лицемѣре. изми первѣє бръвно изъ Ѡчєсе твоєго. и тогда оузриши изѧти соучецъ изъ Очесе брата твоєго“ (листъ 50).

Въ той же рукописи, листъ 137:

Рє҃ гь свѣтилни҃ тѣлоу є҃ Око, егда оубо Око твоє просто боудє все тѣло твоє свѣтло боуде҃; на оборотѣ 134 листа: О веельзаоулѣ; на оборотѣ листа 154: извѣстно бо бѣ О іѠаннѣ; листъ 116: О Отвѣтѣ; листъ 162: Очи имуще не видите..... възложи рцѣ на Очи єго; на оборотѣ: Онже обраціcѧ и възревъ на оученикы своѧ запрети пїтрови глѧ...

На оборотѣ 165 листа: и аще Око твое съблазнѧетъ тѧ истъкні є добрѣ ти є҃ съ єдинѣмъ Оком внити въ црьствіє бжіє неже двѣ Оцѣ имущу вѣвърженоу быти въ геенну Огненоую.

Листъ 171 на об: и Отиде; листъ 182: Ѿ Отрокъ.

Ѿ Обою на десяте: листъ 184 и 185; на об. листъ 198 соудѧще О-Обма надесѧ҃ колѣнома Іильвама.

Тотъ же писецъ, листъ 204 на оборотѣ, пишетъ:

Въ҃ ѿ, поча҃ Гс ѡбанадесѧте и начатъ и҃ гл҃ти.

Листъ 197: О Обаче.

Листъ 217: и О-Оба с҃на Зеведиева.

бѣстѣ бо и҃ ООчи Отѧгот҃нѣ.

„Оба“ пишутся въ той же рукописи обыкновеннымъ О и „ѡмегой“.

Листъ 262, на оборотѣ: въ Ѡ҃, въва Іс ⊙-Ѳба надесѧте оучника своа да имь вла на дѫсъ нечтꙑ ꙗко да изгонѧ и исцѣлити всѧ недѫ и всѧкѧ болезнь на ѡбанадесѧ посла Іс.

Здѣсь также весьма явно, что писцы употребляли разныя начертанія для обозначенія принятаго звукавого различія, нелегко соблюдаемаго при чтеніи.

Въ Псалтири XVI столѣтія, принадлежавшей митрополиту Евгенію (южнаго письма, по опредѣленію Востокова, стр. 72): „въ настоящемъ отрывкѣ употреблено исключительно для словъ око, очи, начертаніе Ѳ“.

„Подобныя очныя, говоритъ Востоковъ, начертанія буквы ⊙, Ѳ, ⊙⊙ встрѣчаются въ тѣхъ двухъ рукописныхъ Евангеліяхъ И. П. Б., въ коихъ я нашелъ употребленіе ѫ вмѣсто ѧ и обратно“.

Начертаніе это встрѣчается, по свидѣтельству академика Срезневскаго. въ листкахъ изъ Мануиловской книгѣ Апостольскихъ чтеній: ⊙билно, ⊙бещникомъ, ⊙ва, Тимоѳе⊙ви.

Одинъ разъ въ Слѣпченской книги Апостольскихъ чтеній (почеркъ первый): ⊙бразовано.

Начертаніе это встрѣчается въ евангельскихъ листкахъ Ундольскаго въ началѣ словъ и серединѣ: фарисе⊙мь.

Въ Дечанскомъ Евангеліи начертаніе это встрѣчается, по замѣчанію И. И. Срезневскаго, очень часто, особенно въ первой половинѣ рукописи вмѣсто простаго о: мн⊙з-іи, ꙗк⊙, вышнꙗг⊙, въ паг⊙боу, и пр.

Объясненіе происхожденія этого начертанія находимъ въ описаніи Востоковымъ Евгеніевскихъ рукописей:

„Кромѣ ѡ встрѣчается тутъ ⊙ въ началѣ слоговъ, какъ то: ⊙бряцаетъ, ⊙дина, и⊙сифъ. Сія точка посреди буквы О должна быть слогоотдѣлительнымъ знакомъ, который писцу вздумалось перемѣстить изъ подстрочія въ средину буквы. Но нѣкоторые позднѣйшіе писцы (XV и XVI столѣтій), *упустивъ конечно изъ виду* первоначальное употребленіе сего начертанія ⊙, дали оному другое *странное*

назначеніе, и именно пишутъ оное только въ словахъ Ѳко, Ѳчи и проч." (Оп. рук. Вост. стр. 68).

Догадка Востокова, какъ вообще всѣ догадки, оказывается при повѣркѣ лишенною всякого основанія. Весьма странно, какъ уже замѣчено выше, что отецъ русской Палеографіи не обратилъ никакого вниманія на три значительнѣйшія письменности для всѣхъ Европейскихъ народовъ: у Финикіянъ ☉, аинъ, значило око и обозначало гласную О.—Тоже самое въ древнѣйшихъ греческихъ надписяхъ; это же финикійское начертаніе въ греческихъ надписяхъ позже обозначаетъ Ѳиту, ср. Gesenius. Въ византійскихъ рукописяхъ начертаніе это обозначаетъ кругъ, солнце, въ сочиненіяхъ астрономическихъ; киноварь въ химическихъ; и глазъ, οφθαλμος въ двухъ рукописяхъ, цитуемыхъ Дюканжемъ въ его Glossarium med. et inf. graecitatis.

Можно ли не ставить въ вину палеографу препебреженіе Палеографіей Финикійской, Греческой и Византійской, лежащей въ основаніи Европейской цивилизаціи. Поспѣшность, съ какой дѣлаются приговоры не основанные на положительныхъ данныхъ, много вредитъ дѣлу. Трудно не видѣть въ упущеніи Востокова намѣреннаго и систематическаго отрицанія всякой связи между Славянскими народами и древнимъ міромъ; а для достиженія этой цѣли необходимо было поставить науку особнякомъ въ заколдованный кругъ. Кругъ, издревле обозначавшій солнце и око, сдѣлался, по мнѣнію Востокова, знакомъ раздѣлительнымъ, знакомъ отгораживанія реченій другъ отъ друга, хотя изъ трехъ примѣровъ, приведенныхъ Востоковымъ, одинъ находится въ серединѣ слова. Замѣтки Востокова, вызываемыя его положительными наблюденіями, во всякомъ случаѣ, драгоцѣнны: онѣ даже могутъ въ данномъ случаѣ имѣть основаніе, но неправильно изъ данныхъ случаевъ извлекать общіе выводы, и возводить драгоцѣнныя, наскоро записываемыя, замѣтки въ непреложныя истины. Весьма можетъ быть, что писецъ дѣйствительно ничего другаго не имѣлъ въ виду, какъ обозначать въ извѣстномъ случаѣ болѣе

наглядно отдѣленіе буквы и воспользовался своимъ палеографическимъ запасомъ. Такъ, въ вышеприводимыхъ выпискахъ изъ недѣльнаго Евангелія, угровлахійскаго письма, весьма явно, что писецъ архаически обозначалъ этимъ начертаніемъ слово „очеса" и „око"; „оба" весьма можетъ быть на основаніи того же хода мысли, которое высказывается въ русскомъ выраженіи: „смотри въ оба". Ѻбаче также могло по созвучію съ „оба" и „бачить" припомнить писцу съ замѣтнымъ архаистическимъ направленіемъ, начертаніе ⊙. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе отличить слово самимъ начертаніемъ, выражается при написаніи мѣстоименія Онъ, когда это мѣстоименіе относится къ Спасителю.—Тоже мѣстоименіе постоянно пишется съ обычнымъ О. Догадка Востокова можетъ быть отчасти примѣнена къ случаямъ, гдѣ встрѣчаются нѣсколько словъ на О. Въ рукописяхъ церковныхъ весьма замѣтно, что писцы изощрялись отмѣчать логическое удареніе даже для отдѣльной буквы, относя его надъ строку или подъ титло, и на оборотъ, при соприкосновеніи одной и той же согласной, встрѣчающейся въ концѣ одного слова и началѣ другаго, обозначать букву единожды, когда при чтеніи не требовалось произносить ту же букву одну, отдѣльно отъ другой.—Всѣ эти тонкости, постановляемыя на видъ писцамъ, несомнѣнно содѣйствовали сбивчивости въ правописаніи.

Въ томъ же рукописномъ Евангеліи встрѣчаемъ:

⊙ ѡтвѣтѣ, и на оборотъ:

Ѿ Ѻтрокъ, Ѿ Ѻ҃ца.

Сопоставленіе нѣсколькихъ гласныхъ, безъ отличія другъ отъ друга, могло казаться сбивчивымъ для читателя, привычнаго къ повторенію гласныхъ въ текстахъ, назначенныхъ для пѣнія и просто для обозначенія болѣе протяжнаго произношенія.

Написаніе предлога О съ точкой въ срединѣ могло быть вызвано значеніемъ окружности около, т. е. въ предѣлѣ районовъ видѣнія.

Въ этой же рукописи встрѣчаемъ начертаніе Окрестъ съ крестомъ въ срединѣ.

Примѣръ этого начертанія ясно показываетъ, какъ произвольно, несистематично, развлеченія ради, калиграфы употребляли разныя начертанія для обозначенія одного и того же звука. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя согласиться съ объясненіемъ Востокова, что писцы не понимали значенія архаическихъ начертаній. Здѣсь опять Востоковъ сваливаетъ съ больной головы да на здоровую. Начертаніе ʘ было въ бо́льшемъ употребленіи между Славянскими писцами, чѣмъ между Византійскими.

Весьма замѣтная свобода, съ коей лучшіе, древнѣйшіе писцы относились къ правописанію, крайне затрудняетъ систематизацію различныхъ варіантовъ и ихъ объясненіе различіемъ произношенія, свойственнаго писцамъ по ихъ племенному происхожденію. До какой степени звуковая система Востокова имѣла мало основанія, замѣтно уже на первыхъ шагахъ при первыхъ палеографическихъ работахъ Востокова.

Опредѣленіе рукописей Востоковымъ представляетъ образецъ изумительнаго произвола. Беру на удачу описаніе Евгеніевской рукописи: „X. начало Псалтири по 13-й Псаломъ. Тетрадь на бумагѣ въ малую 8-ку, *южнаго* письма, съ ѫсами, XVI вѣка".

„Что писецъ не Великороссіянинъ, видно":

„во 1-хъ, по удареніямъ, несвойственнымъ Русскому произношенію, напр. на пѫ́ти не ста҃, сѣдалищи, ѿ ли́ца сего ради, въ ко́нець, и пр." Востоковъ при этомъ находитъ излишнимъ сообщить, что знаки эти едвали всѣ обозначаютъ ударенія, впрочемъ, ко́нець произношеніе Новгородское: „когда брюхо сыто ко́нцы играютъ";

„во 2-хъ, по употребленію кое-гдѣ Ь-ря вмѣсто Ъ-ра: въ пѣснехь, дв'вь".

„Въ 3-хъ, Ѣ вмѣсто Я въ заглавіи, писанномъ длинными связными буквами: Давида пророка и царѣ пѣснь каѳисма; далѣе: вълѣ вмѣсто (воля) его, вьсѣ (всѧ) елика";

„въ 4-хъ, по сохраненію звукосочетанія кы, гы, которое Русскіе начали уже съ XIV вѣка превращать въ ки, ги; здѣсь, напротивъ, вездѣ: погыбнеть, морьскыя, и пр."

„и наконецъ въ 5-хъ, по правильному во многихъ мѣстахъ употребленію ѫса, которое здѣсь заступаетъ также мѣсто двоегласнаго древняго ѭ, напр. несѫщꙋ избавлѣѭщоу ниже спасаѭщоу. Такимъ же образомъ ѧ въ началѣ слова заступаетъ мѣсто двоегласнаго древняго ꙗ, напр. въ словѣ ѧзыкъ (польск. język), которое въ Остром. Евангеліи имѣетъ ꙗ“.

„У позднѣйшихъ писцовъ *вовсе* утрачено сіе различіе между ѧ и ꙗ. Они пишутъ уже: ꙗзыкъ. Русскіе же и издревле такъ писали, не имѣвъ носоваго изглашенія Поляковъ и Болгаръ“.

Начиная съ послѣдней замѣтки, всѣ приводимые пункты совершенно произвольны. Польскихъ рукописей, ни Кирилловскихъ, ни глаголитскихъ не существуетъ. Востоковъ не имѣлъ никакихъ данныхъ, чтобы судить существовали ли ринезмы у древнихъ Поляковъ и у древнихъ Болгаръ. Болонская псалтирь XII столѣтія наглядно опровергаетъ теорію, находясь въ согласіи съ нынѣшнимъ произношеніемъ Болгаръ. Нельзя также сказать, чтобы русскіе писцы не отличали ꙗ отъ ѧ. Небрежность замѣтна сильная въ русскихъ рукописяхъ; но съ другой стороны весьма замѣтно полное знакомство со значеніемъ ѫса и еще болѣе ѧ. Колебаніе правилъ относительно произношенія ѧ и ꙗ необходимо должно было вліять на сбивчивость въ правописаніи. Мы произносимъ Ярославъ и Іерославъ, яровое и іеровое, языкъ и іезыкъ, ягозить и іегозить, ягненокъ и іегнокъ, вмѣстѣ съ тѣмъ для насъ невозможно произнести слово ягода — іегода, или якорь, іекорь. Весьма понятно, что руководители писцовъ предпочли однообразное упрощенное правописаніе, правописанію обнаруживавшему общее невѣдѣніе орѳографіи. Востоковъ, при сравненіи рѣдкихъ южныхъ рукописей съ многочисленными Русскими, совершенно упустилъ изъ виду, что съ юга Европы привозились рукописи цѣнныя, образцовыя, а большинство Русскихъ рукописей писалось людьми безграмотными, не понимавшими не только Болгаризмовъ, но и весьма обыденныхъ выраженій. Чтобы помочь дѣлу, необходимо вошло въ обычай упростить правописаніе; что было совершенно

правильно и практично при прекращеніи миссіонерскаго распространенія рукописей. Какъ скоро рукописи изготовлялись для извѣстной мѣстности, то неопредѣленные знаки, весьма понятно, замѣнены были начертаніями, соотвѣтствующими дѣйствительному мѣстному произношенію или обычаю. Наши древніе книжники знали, что ѫ „гугнивъ и неопредѣленъ". Изъ этого явствуетъ, что книжникамъ знакомо было и Польское и Болгарское произношеніе ѫса. Они отъ него отказались за безполезностію для облегченія учащихся грамотѣ. Подобно тому признано предпочитать опущеніе акцента въ французскихъ или греческихъ словахъ ошибочному обозначенію акцента. Большая отчетливость весьма замѣтна въ составленіи славянскихъ азбукъ; но самая эта дробная отчетливость, сохранивъ драгоцѣнные для потомства слѣды древняго правописанія и произношенія, сближающаго славянскій языкъ съ древнѣйшими памятниками Индо-Европейскихъ языковъ, несомнѣнно вліяла на сбивчивость въ правописаніи писцовъ какъ скоро копированіе древнихъ памятниковъ вышло изъ рукъ филологовъ и становилось ремесломъ. Болгарская сбивчивость въ употребленіи обоихъ носовыхъ знаковъ одного вмѣсто другого и вмѣстѣ съ тѣмъ вмѣсто А и Ѣ и даже Ъ прямо указываетъ, что произношеніе Болгарское было уже издревле тоже самое, что и нынѣ: Ѧ произносится аў съ замѣтной наклонностію къ исчезновенію; произношеніе ѫса весьма часто приближается къ произношенію Англичанъ въ словѣ but. ѫ также произносится между А и Е съ переходомъ въ Ъ. Различное произношеніе въ Болгарской землѣ и тѣмъ паче въ Монастыряхъ весьма понятно привело къ неразборчивому употребленію знаковъ Ѭ, Ѩ, Ѣ и Ъ, такъ какъ члены одной общины, не смотря на различіе и древнюю опредѣленность знаковъ, произносили слово по своему. Тоже самое, но несравненно въ большей мѣрѣ, относится къ безразличному употребленію полугласныхъ Ъ и Ь или исключительно одного изъ этихъ двухъ знаковъ. Только исключительное въ Сербскихъ рукописяхъ и для Сербовъ употребленіе Ь происходило несомнѣнно отъ племеннаго произношенія; для Русскихъ оно могло происходить

только отъ школьнаго вліянія и существовало какъ мода; а потому мы видимъ постоянное и сильное колебаніе въ употребленіи обоихъ полугласныхъ. Что касается до перваго пункта, указываемаго Востоковымъ, то ссылка на значеніе этихъ акцентовъ весьма сомнительна. Едвали можетъ быть и рѣчь о племенномъ значеніи ударенія въ древнихъ рукописяхъ. У Востокова взглядъ на русскую письменность установился весьма замѣтно на печатныхъ церковныхъ текстахъ. Удивляться этому невозможно, такъ какъ эта точка зрѣнія была общая его времени; удивительно только что ближайшее ознакомленіе съ положительными данными не повліяло на утвердившейся у него взглядъ. Факты ничего не значатъ въ сравненіи съ критикой, говорилъ его пріятель Кеппенъ по поводу разногласія между оффиціальными вѣдомостями о народонаселеніи и изданными имъ, Кеппеномъ, таблицами на основаніи критическихъ соображеній. Сравнительно неудовлетворительный составъ Румянцовскаго Музея, на который указываетъ А. Ѳ. Бычковъ въ обстоятельной статьѣ (Москвитянинъ 1843. № 4 и 5), не могъ доставить Востокову данныхъ для правильнаго распредѣленія рукописей. Востоковъ судилъ о древнемъ правописаніи подъ преобладающимъ впечатлѣніемъ печатныхъ книгъ и рукописей Московскихъ и Бѣлорусскихъ.

Во 2 пунктѣ: о употребленіи кое-гдѣ Ь вмѣсто Ъ: „въ пѣснехь, Давидовь“, можно найдти отвѣтъ въ христоматіи Буслаева или въ памятникахъ изданныхъ Тихонравовымъ. Тамъ уже не кое-гдѣ женское Ь замѣняетъ Ъ. Какъ шатко у насъ до сего дня отношеніе Ьрика къ Ъеру указываетъ возможность измѣненія Гречемъ въ XIX столѣтіи правописанія отьчества.

Въ 3-мъ: Ѣ вмѣсто Я въ заглавіи связными буквами: „Давида пророка и Царѣ“ почти не слѣдовало бы брать въ расчетъ, потому что писецъ, изощряясь въ заглавіи, болѣе занятъ живописнымъ искусствомъ чѣмъ правописаніемъ, всѣ елика вмѣсто „вся“ есть именно весьма свойственная русскому человѣку ошибка. Остается „вълѣ“ мѣсто воля. Это единственное указаніе Востокова, которое могло

бы быть принято въ расчетъ для опредѣленія мѣста происхожденія рукописи, если бы именно въ Остроміровомъ Евангеліи не встрѣчалось часто Ѣ, вмѣсто Я послѣ Л и Р, такъ каплѣ вмѣсто капліа, крѫплѣашесѧ помышлѣѥте, раздѣлѣѭще, творѣашѣ, Самарѣнинъ вмѣсто Самаріанинъ и даже вьсѣкъ вмѣсто вьсꙗкъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что даже царѣ подходитъ подъ правило, соблюдаемое Новгородскимъ писцомъ, а Болгарскихъ рукописей для сравненія не существуетъ. Въ Глаголитской азбукѣ ⰰ обозначаетъ Кириловскій ѣ и ѧ.

Всѣ остальные признаки указываютъ, что рукопись не Сербская и не Болгарская, а потому она и названа неопредѣленно южной, чтобы поддержать гипотезу о невозможности правильнаго употребленія большаго и малаго Жса въ церковно-словянскихъ рукописяхъ русскаго письма, что высказывается въ 5 пунктѣ. Что касается до замѣтки Востокова относительно іотированнаго ѩ, то необозначеніе іотированія отнюдь не указываетъ на племенное происхожденіе, но единственно на сбереженіе чернилъ или мѣста.

Въ 4 пунктѣ: „по сохраненію звукосочетаній кы и гы, такъ какъ Русскіе писцы уже съ XIV вѣка кы и гы превращали въ ки и ги.“ Здѣсь высказывается таже основная мысль, что Русскій не могъ сохранить въ XVI столѣтіи древняго правильнаго склоненія на кы и гы, противъ чего протестуютъ факты и здравый смыслъ. Присутствіе правильныхъ древнихъ формъ въ позднѣйшихъ документахъ есть фактъ весьма естественный. Уваженіе къ древнимъ рукописямъ всегда сохранялось, а потому весьма естественно, что писцы часто обращались къ древнимъ рукописямъ и этимъ самымъ постоянно находились подъ вліяніемъ древняго правильнаго правописанія. Кромѣ того, окончанія на ы свойственно многимъ Русскимъ говорамъ.

Мысль, руководившая Востокова, была не ясная. Онъ открылъ, что рукописи Русскія суть копіи съ Сербскихъ или Болгарскихъ рукописей, и упустилъ изъ виду, что рукописи, сохранившіяся въ Россіи, были прежде всего копіи съ рукописей древне-церковно-словен-

скихъ, доставляемыхъ въ Россію съ Аѳонской горы и изъ Константинополя, и потому весьма понятно, что правописаніе этихъ рукописей носило болѣе или менѣе слѣдовъ южнаго вліянія. Вникая въ измышленія Востокова, приходится предполагать, что онъ ожидалъ русскихъ рукописей Священнаго Писанія по переводу св. Кирилла и Меѳодія помимо Сербскихъ или Болгарскихъ писцовъ или вообще Паннонскихъ. Но несомнѣнно было и для Востокова существованіе въ древней Россіи рукописей, не носившихъ слѣдовъ того или другого вліянія; тѣмъ не менѣе увлеченный своимъ открытіемъ, онъ этотъ преобладающій фактъ упускаетъ изъ виду и проводитъ теорію о древне-болгарской письменности, не смотря на то, что древнихъ памятниковъ Болгарскихъ не существуетъ, а существуютъ позднѣйшія Болгарскія рукописи древне-церковно-словенскаго языка съ примѣсью болгаризмовъ въ Болгаріи,—а въ Россіи и Сербіи тоже древне-церковно-словенская письменность подчинилась мѣстнымъ вліяніямъ и требованіямъ покупателей. Указаніе на нѣкоторые примѣры мѣстныхъ разногласій въ правописаніи ничего не доказываетъ относительно мѣстонаписанія документа. Чтобы постановить опредѣленіе мало-мальски достовѣрное, необходимо пересчитать всѣ разногласія, недоумѣнія, и едвали стоитъ на это терять много времени. Выводъ изъ подобнаго изслѣдованія можетъ быть интересенъ лишь въ статистическомъ отношеніи, доставляя приблизительныя свѣдѣнія о численномъ взаимномъ отношеніи писцовъ Сербскихъ, Болгарскихъ и Русскихъ, при неизвѣстномъ процентѣ оболгарившихся Русскихъ, осербившихся Болгаръ, Угровлахійскихъ Словаковъ, Русиновъ и въ числѣ ихъ издавна попадавшихъ къ нимъ Полочанъ, Суздальцевъ и Кіевлянъ.

Задушевную мысль Востокова высказываетъ А. Н. Пыпинъ. „Не восхищаясь,—говоритъ Пыпинъ по поводу Святославова Изборника,—какъ дѣлали это другіе ученые, именемъ Святослава, Востоковъ не выводилъ изъ него никакихъ особенныхъ и блестящихъ заключеній, и какъ *будто предугадывая обнаруженную*

послѣ уловку Русскаго писца, показалъ, что Сборникъ и составленъ не Словяниномъ и переведенъ не Русскимъ".

Востоковъ не выводилъ блестящихъ заключеній относительно письменности Русской потому, что онъ того не желалъ: выдавать за непреложную истину весьма легкомысленныя догадки, ему ничего не стоило. По поводу той же Псалтири онъ заключаетъ: „у позднѣйшихъ писцовъ вовсе утрачено сіе различіе между ѧ и ꙗ. Они пишутъ уже ꙗзыкъ. Русскіе же издревле такъ писали, не имѣя носоваго изглашенія Поляковъ и Болгаровъ".—Здѣсь выходитъ, что Востоковъ зналъ, что у Болгаръ существовали и даже существуютъ ринезмы, не смотря на то, что о произношеніи ни о правописаніи древнихъ Поляковъ и Болгаръ онъ ничего не зналъ.

Въ томъ то и бѣда, что Востоковъ враждебно относился къ вопросу и отрицалъ, не изучивъ документовъ.—Не таковъ естественный ходъ науки.—Спачала необходимъ уходъ материнскій, уходъ внимательнаго и любящаго воспитателя и затѣмъ строгія школьныя и научныя требованія изощреннаго скептицизма. У насъ выходитъ наоборотъ: около новорожденной Славянской Филологіи хлопочетъ мачиха съ семью няньками, и дитя безъ глаза. Лицо, занявшееся изготовленіемъ Святославова Изборника, былъ или Русскій книжникъ или подрядчикъ, взявшійся представить заказанный ему Сборникъ. Воспользовался ли онъ Болгарскимъ Сборникомъ безъ всякаго съ своей стороны труда, кромѣ приданія редакціи Русскаго оттѣнка, для того, чтобы сборникъ былъ вразумителенъ для лица заказавшаго, или онъ, примѣняясь къ требованію заказавшаго, измѣнялъ Болгарскіе тексты—это вопросъ пока, сколько мнѣ извѣстно, не изслѣдованный. Обвинять Русскаго составителя сборника въ уловкѣ—совершенно произвольно; онъ исполнилъ свою задачу весьма правильно. Задача его состояла въ собраніи статей по вопросамъ, интересовавшимъ его современниковъ. Если онъ могъ воспользоваться таковымъ сборникомъ Болгарскимъ, то онъ совершенно практически и добросовѣстно исправилъ правописаніе подлинника,

съ цѣлью сдѣлать его доступнымъ для Русскаго человѣка. Совершенно такъ поступаютъ и нынѣ литераторы, получающіе заказы отъ издателей. На сколько Русскій Редакторъ XI столѣтія поступилъ правильно и практически, уже видно изъ того, что Сборникъ уцѣлѣлъ до нашего времени.—Напрасно Г. Пыпинъ видитъ здѣсь уловку, т. е. подлогъ. Весьма вѣроятно, Царь Болгарскій передалъ Греческій Сборникъ для перевода его на Церковно Словенскій языкъ, если только фактъ существованія такого Греческаго Сборника существуетъ. Въ противномъ случаѣ, болѣе чѣмъ вѣроятно, указаны были Греческія статьи, которыя желалось имѣть. Русскій князь или получилъ Царскій Болгарскій Сборникъ, или копію съ него, оказавшуюся для него неудобной въ-слѣдствіе Болгаризмовъ, а потому и поручилъ передѣлать Сборникъ на обычный въ Россіи языкъ. Подобные Сборники дѣлались по заказу, такъ какъ соотвѣтствовали требованіямъ одного лица. Едва ли существуютъ Сборники въ нѣсколькихъ экземплярахъ, съ одними и тѣми же статьями. Подобныя повторенія необходимо дошли бы до насъ, если бы сборники изготовлялись для продажи. Встрѣчающіеся въ большемъ количествѣ старообрядческіе Сборники подъ именемъ Цвѣтниковъ и Криницъ съ опредѣленнымъ набожнымъ, назидательнымъ, поучительнымъ и полемическимъ содержаніемъ, назначенные для среды весьма однородной, болѣе или менѣе отличаются другъ отъ друга, хотя и содержатъ однѣ и тѣже статьи, повторяющіяся въ множествѣ экземпляровъ.

Обращая вниманіе на постепенно измѣнявшееся правописаніе вслѣдствіе мѣстныхъ требованій и мѣстнаго безсознательнаго вліянія, Востоковъ прибѣгнулъ къ готовой гипотезѣ о Болгарствѣ древнихъ рукописей. Эта гипотеза Шафарика, имѣющая историческое основаніе довольно небрежно филологически обстановленная Востоковымъ, сдѣлалась на долгое время основнымъ положеніемъ для послѣдователей его. Къ убѣжденію, что все, что можно найти въ средневѣковой нашей Словесности, или нелѣпо или переводъ съ Греческаго, присоединилось

еще убѣжденіе, что и жалкая Литтература не носитъ въ себѣ слѣдовъ Русской мысли, но представляетъ лишь плохія, безсмысленныя копіи съ Болгарскихъ рукописей. Ученіе это конечно не способствовало къ возбужденію желанія заниматься изученіемъ нашего умственнаго развитія. Не смотря на все уваженіе къ свободѣ мнѣній, невозможно согласиться, чтобы враждебное настроеніе къ самому предмету науки ея должностныхъ представителей могло быть правильнымъ.

Нельзя не сожалѣть, что лица, какъ Востоковъ, прочно утвердились на мѣстахъ, которыя по самому существу дѣла принадлежали именно Русскимъ любителямъ церковной письменности, противъ коихъ Кругъ предостерегалъ графа Румянцова; о запискахъ Круга упоминается обстоятельно ниже стр. 136 и сл. Напрасно усиліе выставлять Востокова за Славянскаго Филолога и даже за патріарха Славянской Филологіи. Труды г-на Востокова на лицо, и по мѣрѣ того, какъ у насъ болѣе и болѣе будетъ развиваться изученіе исторіи родного языка, неосновательность его теоріи не можетъ не обнаружиться во всей своей силѣ, или правильнѣе, немощи. Мнѣніе издателей высказывается въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ; самъ Востоковъ въ одномъ изъ засѣданій Академіи, по свидѣтельству И. И. Срезневскаго, отказался отъ своей теоріи. Уваженіе и любовь къ учителю одержали верхъ; непомѣрныя похвалы гг. Срезневскаго и Пыпина, энергически выраженное торжество Востокова надъ его противниками перенесли въ массу обще-распространенныхъ свѣдѣній убѣжденіе въ болгарствѣ древнихъ рукописей. Самъ Востоковъ, если вникнуть въ разныя статьи его описанія рукописей, сознавалъ, что система его не имѣетъ основанія. Противорѣчія у него постоянны. Но этого мало: самая основная аргументація поражаетъ своей нелогичностью; Русскія юсовыя рукописи смѣшиваютъ часто ѫ съ оу и ѧ съ ıа, не смотря на то, что ѫ и ѧ соотвѣтствуютъ знакомымъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи. Польскимъ носовымъ звукамъ. Болгарскія рукописи не

представляють этой сбивчивости, а употребляють ѫ вмѣсто а, ѫ, ѣ, ъ и ы; изъ этого выводитъ Востоковъ,что Русскіе писцы, замѣнявшіе ѫсъ Укомъ и наоборотъ, копировали безсознательно Болгарскія рукописи, не смѣшивавшія между собою ѫ и Ѹ, ꙗ и ѧ, но ѫсъ съ гласной а, двоегласнымъ ѣтемъ и полугласнымъ ъеромъ. Первичныхъ и вообще древнихъ Болгарскихъ рукописей Востоковъ не видалъ. Болонская псалтирь, писанная Болгариномъ въ XII столѣтіи, содержитъ уже въ себѣ признаки Болгарской положительной письменности, т. е. употребленія обоихъ носовыхъ гласныхъ одной вмѣсто другой и даже ѫса вмѣсто ы: сѫй вмѣсто сый, стѫѧ богородицѧ вмѣсто Святыѧ Богородицы. Древнѣйшія и позднѣйшія Болгарскія рукописи и живыя Болгарскія нарѣчія прямо находятся въ противорѣчіи съ теоріей Востокова. Русскія несомнѣнныя рукописи находятся въ прямой связи съ древнѣйшимъ правильнымъ Церковно-Словенскимъ правописаніемъ, которое хотя и согласно съ правописаніемъ Польскимъ, тѣмъ не менѣе уже содержитъ въ себѣ смѣшеніе ѫса съ Укомъ и ѫ съ ꙗ.

Такъ, въ Супрасльской рукописи, отличающейся строгою правильностію, встрѣчаются:

кажоуштоу вмѣсто кажѫштоу, гонезноути вмѣсто гонезнѫти и дѫшѫ вмѣсто доушѫ.

Русское Церковно-Словенское юсовое правописаніе, какъ мы видимъ, находится въ полной и непосредственной связи съ образцовой Супрасльской рукопись, и на оборотъ правописаніе Супрасльской рукописи въ отношеніи ѫсовъ рѣзко отличается отъ Болонской, положительной, древне Болгарской. Изъ сравненія, сдѣланаго А. Ѳ. Бычковымъ Евангелія св. Іоанна по Остромировой рукописи, оказывается, что и эта рукопись въ правописаніи своемъ менѣе отличается отъ правильнаго Церковно-Словенскаго правописанія, чѣмъ казалось по изданію Востокова. Число погрѣшностей Востокова, выписанныхъ А. Ѳ. Бычковымъ по одному Евангелію св. Іоанна, довольно значительно. Списокъ ихъ изданъ Лескіономъ въ Веймарѣ

въ 1871 году въ его превосходной Граматикѣ: Handbuch der altbulgarischen (съ необходимымъ поясненіемъ въ скобкахъ: altkirchenslavischen) Sprache: изъ 36 погрешностѣй три опечатки; варьянты: морıа вм. морѧ, ѩко вм. ıако, близь вм. близъ, въжаждетъ вм. въжѧждетъ, въсѧ вм. вьсѧ, жатвѣ вм. жѧтвѣ, собою вм. собоѭ суть характеристическіе признаки, служившіе Востокову для распредѣленія правописанія по племенамъ.

О Супрасльской рукописи Миклошичь говоритъ положительно (ср. выше, стр. 104), что онъ признаетъ въ ней исправленія Русскія въ окончаніи „мь“. По поводу окончанія „ть“ Миклошичь говоритъ вообще, что исправленія замѣтны въ рукописи. Весь вопросъ, значитъ, состоитъ въ изслѣдованіи—какія исправленія дѣйствительно замѣтны въ рукописи, совпадаютъ ли они съ проявляющимися въ оной Руссицизмами, и нѣтъ ли въ оной Руссицизмовъ, не носящихъ слѣдовъ позднѣйшихъ поправокъ или приписокъ (ср. по этому вопросу историко-филологическое изслѣдованіе о Супрасльской рукописи А. Бема, Воронежъ. 1869. и Miklosich, Vergleichende Lautlehre §§ 77, 78, переведенное студентомъ Лавренкой въ Кіев. Унив. извѣстіяхъ 1865 года. Ученіе о звукахъ. Статьи о гласныхъ ѫ, ѧ, Ъ и Ь.) Болѣе всѣхъ держался мнѣнія о Болгарствѣ древне-церковно-Словенскаго языка Бодянскій, восторженно объявившій о находкѣ имъ весьма поздняго свидѣтельства или правильнѣе мнѣнія писца, что Священное Писаніе переведено съ Греческаго на Болгарскій языкъ. Въ журн. М. Н. Пр. 1843, № 6, въ статьѣ: о древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть Славяно-Болгарскій, Бодянскій говоритъ: „Новѣйшее открытіе мое, изложенное выше, кажется вполнѣ удовлетворяетъ собою всѣмъ этимъ справедливымъ требованіямъ, заключаетъ всѣ свойства неопровержимости и положительности, ясно и прямо говоритъ намъ, что языкъ преложенія Божественнаго Писанія Греческихъ книгъ есть Словенскій-Болгарскій, иначе Славяно-Булгарскій, Булгаро-Славянскій, т. е. Славянъ въ Болгаріи или прежней Мизіи, части Ѳракіи и Македоніи: Сіажъ

прѣложиста вьсе Бжсїъньное писаніе греческыхъ книг҃ на Словенскы҃ языќ на Блъгарскы. Больше требовать нельзя и не имѣемъ уже никакого права. Здѣсь самое точное и полное опредѣленіе языка Кирилло-Меѳодіевскаго перевода. *Дѣло наконецъ покончено и завершено.*"

Изъ этой же статьи мы узнаемъ, что Шафарикъ этому открытію весьма обрадовался, какъ подтверждающее его приговоръ: „Послѣ всего сказаннаго нами теперь ясно, что доискиваться современнаго сказанія о переводѣ Божественныхъ книгъ съ Греческаго на Славянскій рѣшительно напрасно и неисполнимо, это значитъ, повторяемъ, желать невозможнаго, неосуществимаго. Слѣдовательно, надобно удовольствоваться нѣсколько позднѣйшими свидѣтельствами. Такихъ позднѣйшихъ показаній, какъ мы видѣли, оставленныхъ намъ иноземными и туземными жителями на иностранныхъ языкахъ, имѣется *довольно*. Правда, ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣчается столь полнаго и опредѣленнаго указанія на языкъ церковныхъ книгъ, чтобы каждый читатель могъ сказать: а, такъ вотъ какому Славянскому народу этотъ языкъ свой, родной. Однакоже, снося упомянутыя показанія однѣ съ другими и соображая ихъ между собою и прочими обстоятельствами, Шафарикъ, какъ уже мы выше казали, рѣшилъ окончательно этотъ—столько головоломный и сложный—вопросъ въ пользу Славянъ Булгарскихъ. Истина такого его *приговора* подтвердилась первоначально съ отрицательной стороны моей (Бодянскаго) находкой—Переяславскимъ Евангеліемъ. Помню живость нашего несравненнаго Славяновѣдца, обнаруженную имъ при сообщеніи ему мною лично извѣстія объ этомъ открытіи. Но еще больше радовался и доволенъ былъ онъ, когда я, воротясь изъ путешествія по Лужицамъ, предсталъ предъ него съ своей Вратиславской находкой, блистательно оправдывавшей, уже положительно прямо и ясно, правду и точность его историческихъ разысканій". Даже еслибы переводъ былъ сдѣланъ въ Болгаріи и въ современномъ о томъ свидѣтельствѣ языкъ древне - церковно - Словенскій былъ

названъ Болгарскимъ, то это было тоже самое, что названіе языка Вульгаты Италіанскимъ. Языкъ древне-Церковно-Словенскій могъ быть называемъ Болгарскимъ, Сербскимъ, Русскимъ, по мѣсту жительства писателя. Парижская Глагольская азбука X—XII столѣтія названа abecenarium Bulgaricum. Продолжатель Константина Порфиророднаго называетъ Кириллицу Русской азбукой.

Изобиліе благороднѣйшихъ чувствъ, выражаемыхъ учениками Шафарика и Востокова, несомнѣнно дѣлаетъ имъ честь. Жаль, что наука не только мало отъ этого выигрывала, но, къ прискорбію, видимъ, что сама наука приносилась въ жертву передъ кумирами; это приношеніе въ жертву самой науки особенно поразительно выдается при празднованіи юбилея Востокова. Мы протестуемъ не противъ признанія заслугъ Востокова, которыя сами говорятъ за себя въ его изданіяхъ; заслуги его какъ хранителя Музея были, безъ сомнѣнія, еще плодотворнѣе для круга людей, занимавшихся въ Музеѣ и обращавшихся къ нему за указаніями. Эти заслуги цѣнятся вездѣ весьма высоко; но нельзя не протестовать противъ прославленія ошибочной системы, какія бы ни были чувства, побуждавшія къ тому.

Оставляя пока вопросъ о мечтательномъ Болгарствѣ древнѣйшихъ рукописей, полезно обратить вниманіе на отношеніе дѣйствительныхъ Болгаризмовъ къ положительному Русскому правописанію. Въ Русскихъ рукописяхъ церковно-Словенскихъ, при несомнѣнномъ даже присутствіи положительныхъ Болгаризмовъ, все-таки никакъ нельзя признать отсутствіе разумной системы правописанія, примѣненнаго къ обычному выговору. Описки, объясняемыя недоумѣніемъ писца, большею части описки механическія, весьма понятныя при большемъ количествѣ разнообразныхъ начертаній, имѣвшихся въ виду у писца по профессіи, не говоря о разнообразіи, замѣчаемомъ во всѣхъ и каждомъ изъ лучшихъ древнѣйшихъ списковъ, дошедшихъ до насъ. Свобода древнѣйшихъ писцовъ такъ велика, что они видимо не только не держались подлиннаго правописанія, но даже видимо во время переписыванія замѣняли одни выраженія другими по личному сооб-

раженію. Встрѣчаемыя нами нынѣ затрудненія относительно гласныхъ Ѣ и Е для древнихъ писцовъ существовали въ несравненно большемъ размѣрѣ. Древніе писцы имѣли передъ глазами три, шесть и даже болѣе различныхъ начертаній гласныхъ буквъ; эта сбивчивость увеличивалась большимъ числомъ разныхъ надстрочныхъ знаковъ, то имѣвшихъ, то вовсе не имѣвшихъ, по крайней мѣрѣ, точнаго, опредѣленнаго, видимого. значенія, судя даже по одной и той же рукописи.

Нѣтъ сомнѣнія, что для рѣшенія или, правильнѣе, изслѣдованія сути дѣла, необходимо сравнительное изученіе древняго правописанія въ разныхъ его фазисахъ съ современнымъ произношеніемъ тѣхъ словъ и ихъ измѣненій, которыя заключаютъ въ себѣ неопредѣленныя буквы. По этому вопросу крайне полезно справиться съ статьями И. И. Срезневскаго въ Ж. М. Н. Пр. 1841 года, № 9: О нарѣчіяхъ Славянскихъ; 1845 года, № 12: Обозрѣніе главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ Славянскихъ; 1848. № 7: Древнія письмена Славянскія. Этими статьями И. И. Срезневскій положилъ начало у насъ положительному изученію исторіи Славянскаго языка. Можно только сѣтовать, что у насъ мало воспользовались собраннымъ имъ въ теченіи 35 лѣтъ обильнымъ и надежнымъ запасомъ и слишкомъ мало обращали вниманія на современное состояніе Славянскихъ нарѣчій и говоровъ для уясненія себѣ древняго правописанія и его отличій. Нельзя однако не сѣтовать, что И. И. Срезневскій не выразилъ съ достаточной опредѣленностію и настойчивостью своего мнѣнія относительно крайнихъ гипотезъ Востокова, долго державшихся какъ будто подъ его покровомъ, тогда какъ при его положительномъ и вѣрномъ методѣ изслѣдованія никакъ нельзя и предполагать, чтобы онъ когда либо смотрѣлъ серьезно на гаданія Востокова. Дѣйствительно, мы находимъ въ послѣдней изъ поименованныхъ статей знаменитаго нашего палеографа, мнѣніе, высказанное внѣ всякой примѣси предвзятой теоріи и оставляющее открытымъ поле для изслѣдованій. По

поводу Рыльскаго списка найденнаго В. И. Григоровичемъ („Каз. Вѣдомости" 1848. № 20) И. И. Срезневскій говоритъ:

„Не смотря на сомнѣнія, выраженныя проф. Горскимъ, мы позволяемъ себѣ думать, что нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ справедливости сказанія о Русскомъ переводѣ нѣкоторыхъ Богослужебныхъ книгъ въ IX вѣкѣ, до Кирилла и Меѳодія. Иначе можно сомнѣваться и въ сказаніи Черноризца Храбра, что Славяне, „крестившесѧ Римскыми и Грьчьскыми письмены нѫждахѫсѧ" и во многомъ другомъ. Имя Россовъ останавливать едвали кого можетъ: Росы (Rhos) извѣстны были и въ Византіи, и на Западѣ въ началѣ IX вѣка, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ Пруденцій Тройскій подъ 839 годомъ (Пертца Monum. Germ. Hist. I. 434). Важнѣе, можетъ быть, сомнѣніе тѣхъ, которые, желая видѣть подъ именемъ Россовъ-Руссовъ IX—X в. исключительно однихъ норманновъ не захотятъ въ Еванг. и Псалт., Росьскими письменами писанныхъ, видѣть памятника Славянскаго, но это сомнѣніе поддержать довольно трудно. Сказаніе утверждаетъ, что Кириллъ говорилъ съ Росомъ, и стараясь понять его и быть понятымъ, припоровлялъ къ его языку свой собственный, измѣняя буквы гласныя и согласныя; это можно было сказать только о двухъ сродныхъ нарѣчіяхъ языка Славянскаго, а не Норманнскаго, который, сколько извѣстно, не былъ знакомъ Кириллу, ни тѣмъ болѣе не могъ назваться его языкомъ. Предполагать, что это сказаніе вставлено въ житіе позже какимъ нибудь Русскимъ, тѣмъ менѣе возможно, потому что на Святыхъ братіевъ Кирилла и Меѳодія глядѣли у насъ постоянно, какъ на Грековъ, и слѣдовательно не могли назвать роднымъ языкомъ ихъ языка Славянскаго. Въ дополненіе къ этому сказанію нельзя не припомнить сказанія одного изъ хронографовъ Русскихъ XV вѣка (Рум. М. № 353, л. 446: „се же боуди вѣдомо всѣми ıазыки и всѣми людьми, ıако Роуской ıазыкъ ни откуду же пріıа святыя вѣры сіıа, и грамота Роускаıа никимъ же ıавлена, но токмо самѣмъ Богомъ Вседержителемъ, Отцемъ и Сыномъ и Святымъ Духомъ. Володимеру

Святый Духъ вдохнулъ вѣроу пригати; а крещеніе отъ Грекъ и прочій нарядъ церковный. И грамота Роускаıа ıавилася Богомъ дапа въ Корсунѣ Русину; отъ неıа же научися философъ Костантинъ оттуду, сложивъ написавъ книгы Русскымъ гласомъ; и Евреистѣй грамотѣ тогда же извыче отъ Соморяпа въ Корсупи. Тоже моужь Русинъ бысть благовѣренъ постомъ и добродѣтелью въ честнѣй вѣрѣ, единъ уединився и тъй единъ отъ Руска ıазыка ıавися прежде крестьıаный и невѣдомь никимъ же, откуду есть былъ. Той же бысть въ дни Михаила царя и Ирины Благовѣрныя и потомъ живъ бысть еще. Посланъ бысть Костянтинъ въ Мораву... и книги имъ написа Русскимъ гласомъ"... Въ Паннонскомъ житіи св. Константина философа говориться о Евангеліи и псалтири писанныхъ по Русски найденыхъ св. Кирилломъ въ Херсонѣ: „и обрѣте же ту Евангеліе и Псалтыри Роськы письмены писаны и человѣка обрѣть глаголюща тою бесѣдою, бесѣдовавъ съ нимъ, и силу рѣчи пріемъ своей бесѣдѣ прикладая различна письмепа гласная и съгласная... и вскорѣ начатъ чести и сказати." Безымянный продолжатель Константипа Порфиророднаго говоритъ, что ученнѣйшіе мужи не могли приладить 24 Греческія буквы и исчисляетъ 35 Русскихъ буквъ, (τῶν Ρώσων) Штритеръ Mem. Pop. T. IV. подъ г. 867—886.

Оба сказанія весьма важны, подтверждаютъ другъ друга и во всякомъ случаѣ, достовѣрнѣе легенды о переводѣ книгъ Священнаго Писанія въ нашей лѣтописи. Вопросъ, впрочемъ, еще болѣе филологическій, чѣмъ историческій, и долженъ быть рѣшенъ тщательнымъ изслѣдованіемъ о сродствѣ языка древняго текста съ живыми нарѣчіями всѣхъ Словенскихъ племенъ съ точнымъ опредѣлепіемъ, что принадлежитъ каждому порознь и что обще всѣмъ племенамъ. Свидѣтельства Паннонскаго житія и Русскаго хронографа важны особенно тѣмъ, что они указываютъ на сравнительный методъ, употребленный для согласованія древняго Русскаго текста псалтыри съ Славянскими, Придунайскими и Полабскими нарѣчіями. Что письмен

ность древне-Церковно-Словенская носитъ слѣды подобнаго тщательнаго согласованія произношенія, въ этомъ сомнѣваться трудно, на основаніи именно ѫсовъ, соотвѣтствующихъ въ тоже время 1) носовому произношенію Поляковъ, Хорутанъ, Полабскихъ Славянъ, Болгаръ, не имѣющихъ ринезмовъ и произносящихъ оба ѫса своеобразно, и вмѣстѣ съ тѣмъ 2) произношенію Сербскому и Русскому, отождествляющимъ ѫ и оу. Фактъ существованія книгъ Священнаго Писанія на Русскомъ языкѣ до св. Кирилла не имѣетъ ничего неправдоподобнаго, такъ какъ христіанство было распространено по берегамъ Чернаго моря и существовали издавна епархіи въ Молдавіи и въ Крыму; кромѣ того, книги Священнаго Писанія могли быть распространены и въ средѣ Русскихъ языческихъ и жидовствующихъ теозофовъ. Господствующій фактъ во всемъ этомъ вопросѣ и вполнѣ подтверждающій свидѣтельства Житія и Хронографа, это то соображеніе, что даже еслибы св. Кириллъ и не призналъ нужнымъ отыскивать въ Корсунѣ человѣка, имѣвшаго Русскій текстъ нѣкоторыхъ книгъ Священнаго Писанія, то тѣмъ не менѣе ему, первой задачей, предстояло войти въ сношеніе съ Русскими христіанами, представителями великаго, хотя тогда и разрозненнаго народа; не можетъ быть сомнѣнія, что введеніе Славянскаго языка въ церковную службу, при содѣйствіи Византійскаго императора, не могло имѣть другой цѣли, какъ приготовить отпоръ противъ союза монархіи Карла Великаго съ Римскимъ Папой. Тоже самое повторилось во время реформаціи, когда протестантскіе реформаторы вступили въ тѣсный союзъ съ Славянами, и протестантскія державы, Англія и Голландія, старались вывести Россію изъ ея одиночества, чтобы привлечь новыя силы для борьбы противъ Франціи и папизма. Свидѣтельства Житія и Хронографа несравненно важнѣе показанія Русскаго лѣтописца, коему совершенно неизвѣстны были соображенія Солунскихъ братьевъ, Византійскаго Двора и сношенія ихъ съ Русскими христіанами, не вошедшими, можетъ быть, даже и въ составъ епархіи, учрежденной во время Владиміра. Въ средѣ Русскаго на-

рода сохранилось слишкомъ сильное убѣжденіе въ независимости древней Русской церкви, чтобы возможно было отвергать не только существованіе христіанскихъ общинъ въ Россіи, но и сильное развитіе ихъ въ Русской средѣ до св. Владиміра. Подъ Русскими христіанами, до Владиміра упоминаемыми въ нашихъ лѣтописяхъ, конечно, прежде всего слѣдуетъ думать о латинскихъ Варяго-Руссахъ; но древнія показанія Русскія и Германскія о Руссахъ христіанахъ и о латинствѣ Варяговъ не исключаютъ вовсе факта о крещеніи многихъ Руссовъ и Варяговъ въ самомъ Царьградѣ. Кромѣ всѣхъ этихъ историческихъ свидѣтельствъ, недолжно упускать изъ виду, что Россія въ первыя 9 столѣтій по Р. Х. была убѣжищемъ для всѣхъ сектъ, гонимыхъ въ Имперіи, о чемъ положительно свидѣтельствуетъ одинъ отецъ церкви, говоря, что земля Скиѳовъ кишитъ еретиками. Самое имя учителя Манеса, Скиѳіанъ, какъ бы оно ни было неопредѣленно, также подтверждаетъ весьма естественный фактъ, указываемый отцомъ церкви.

Галицкая Русь, и въ-особенности Русь Угровлахійская, содержатъ въ себѣ донынѣ Русскіе элементы, которые нетрудно отъискать и въ болѣе отдаленныя времена, имѣвшіяся въ виду и у Святослава, когда онъ говорилъ, что Дунай составляетъ среду его земли, т. е. земли Русской.

Чтобы разъяснить себѣ немного связь, существующую между Болгарскими, Угровлахійскими и Русскими рукописями, не безполезно поближе присмотрѣться къ сути самого вопроса.

Въ рукописномъ Евангеліи XVI вѣка, кажущемся, по мнѣнію г. Викторова, Угровлахійскаго письма, встрѣчается явный болгаризмъ, т. е. смѣшеніе обоихъ жсовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, несомнѣнные признаки Русскаго произношенія жса на Ȣ. Евангеліе это, писанное въ листъ, заключаетъ въ себѣ, относительно письма, три отдѣла. Первый отдѣлъ писанъ нетвердой рукой, крупными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жидкими унціальными буквами, схожими, напримѣръ, съ заглавіемъ лѣтописи Константина Манассіи, писанной попомъ Филиппомъ для

Болгарскаго царя Іоанна-Александра. Буквы эти отличаются особенно мелкими загибами по отношенію къ прямымъ линіямъ въ начертаніяхъ буквъ в, в, ъ и ь. Буква ꙑ образуется изъ ъера, соединеннаго посредствомъ черточки съ десятеричнымъ і, не доходящимъ до высоты прочихъ буквъ; ꙗ образовано изъ і, соединеннаго посредствомъ черточки съ буквой а, составленной изъ прямой линіи, посрединѣ коей, подъ самой соединительной чертой, находится маленькій крючекъ, обозначающій именно букву а. Нетвердость почерка въ этой части происходитъ или отъ необычнаго рабскаго подражанія оригиналу, или въ-слѣдствіе непривычки писать сплошно унціальными буквами. Этотъ отдѣлъ занимаетъ 48 листовъ или 95 страницъ. Въ этомъ первомъ отдѣлѣ ѫ часто замѣняетъ ѧ, особенно въ возвратныхъ глаголахъ. Второй отдѣлъ, писанный рукою твердой, обыкновеннымъ среднимъ, довольно красивымъ и весьма четкимъ и ровнымъ уставомъ, начинается съ 49 листа и оканчивается 195 включительно. Въ этой части ꙋ и оу замѣняютъ постоянно ѫ и ѵ, у и оу, встрѣчающіяся постоянно въ первой части въ тѣхъ словахъ, гдѣ эти начертанія соотвѣтствуютъ современному У. Ѫ встрѣчается снова, начиная съ 196 листа, писаннаго тѣмъ же уставомъ, но рукой менѣе твердой и искусной; почеркъ довольно небрежный и несовсѣмъ ровный. Весьма можетъ быть, впрочемъ, что и эта третія часть писана той же рукой, что и вторая, и даже той же рукой, что и первая. Во всякомъ случаѣ, всѣ три части писаны заразъ; вся рукопись, не смотря на различіе почерковъ, какъ бы вылита сразу. Одна и таже бумага, чернила; нигдѣ нѣтъ приноровленій къ тому, чтобы одну часть связать съ другой, что необходимо случилось бы, еслибы части эти были соединены изъ разныхъ рукописей.

Въ этой части встрѣчаются ѫсы: порѫгавсѧ, дрѫга, ноуждѫже имѧше, за нѣкѫю крамолꙋ бывшѫю, в темницѫ.

Въ этой же части встрѣчается и латинскій дифтонгъ æ и œ: бѣ бо жæлаа ѿ много времени видиті ҇є—листъ 196.

*

Ѡ старѧць—листъ 204 на оборотѣ; идущѫма на село—листъ 252 на об.; пичѧсоже ѿвѣщѧвааше—листъ 220.

Повтореніе гласной а весьма часто въ этой третьей части, что указываетъ на признаніе іотированія безполезнымъ, а въ иныхъ случаяхъ обозначаетъ для чтеца долготу произношенія гласной. Въ рукописи главное различіе заключается въ правописаніи; начертаніе же буквъ совершенно согласно со второй частью, и въ третьей части на многихъ страницахъ повторяется твердый и ровный почеркъ второй части, такъ что возбуждается сомнѣніе, не отъ утомленія ли происходитъ различіе въ почеркѣ второй и третьей части. Впрочемъ, различіе въ почеркѣ на оборотѣ листа 194 и на 195 листѣ такъ явно, что кажется какъ-будто съ 195 листа началъ писать ученикъ. Много словъ повторяется съ постоянно тѣмъ же правильнымъ правописаніемъ, напримѣръ: рѫгати, дрѫгъ, хотя на оборотѣ 223 листа встрѣчается дрѹдрѫга; сѫдъ, осѫжденіе, пѫть постоянно правильно, хотя рядомъ на страницѣ 224 встрѣчается: пѫвѣсте, како може пѹть вѣдат', аз есмь пѫть истинна и живіотъ; въ этой части рукописи, хотя и встрѣчается обычное употребленіе ѫса вмѣсто ѹка и наоборотъ, но правописаніе Русское соблюдается правильно. Весьма рѣдко встрѣчаются ошибки для насъ не обычныя на оборотѣ стр. 223, напр.: заповѣдь новѫѫ даю вам. Здѣсь невозможно, по рѣдкости случая, признать этотъ положительный болгаризмъ за недоразумѣніе писца: кажется, описка очевидна. Въ первой части таковое же правописаніе, наоборотъ, объясняется рабскимъ подражаніемъ оригиналу. Такъ, мы находимъ на первой страницѣ имѫ емѹ ıωа, а на второй имѫ; на первой же страницѣ градѵща^го^, на второй грѧдый, а на 7-й грѧдѹть. Въ градѵщаго едвали позволительно признать а, какъ нѣчто отличное отъ ıа, такъ какъ это а съ соединительнымъ знакомъ есть не что иное, какъ іотированное а. На вліяніе положительнаго Болгарскаго правописанія указываютъ мѣстоименія: мѧ, сѧ, пишущіяся иногда и мѫ, сѫ, напримѣръ на стр. 1, 3 и 7. Совершенно согласно съ Русскимъ правописаніемъ

встрѣчаются на 8 листѣ: руку, рукѫ; на оборотѣ того же листа: руцѣ, рѫку, но также и ρукѫ; на пятой страницѣ дунѫ вмѣсто Остромірова доунѫ (Іоан. XX, 22). Ученици постоянно, но иногда ѫчйицы. Встрѣчаются формы „несѫть" и „суть". Вмѣсто оу въ первой части рукописи встрѣчается постоянно ѵ̑ и у, замѣняемое иногда ѫсомъ, напр. ѫчйици, к немѫ.

Въ „Сборникѣ 12 мѣсяцевъ сказуя главы коемуждо Евангелію избраннымъ святымъ и праздникомъ владычнымъ", начинающемся съ мѣсяца Сентября, значится; Іюля 24 день, святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба; 15-го: успѣніе Великаго Князя Владимера; декабря 21, иже въ стѝωца нашѐ Петра митрополита ρоука; Октября 19 день, прен. о. Іоана Рыльскаго; іюля 28 день, иже во свхъ о. нашего Арсенія учителя Сербьскаго. На нижней доскѣ переплета надпись: Сиѫ книга глаголемаѫ Геванліе села Гездевскаго попа Іоана Іоанова с причетники, а пописалъ поповъ сынъ Іва Івановъ своею рукою апреля 4 дня 1746 года.

Восходя отъ позднѣйшихъ рукописей до древнѣйшихъ, не можетъ быть сомнѣнія, что въ древнѣйшихъ нашихъ рукописяхъ ѫсы были архаизмами и соотвѣтствовали Польскому ą и ę и Болгарскому положительному ѫ, и Русскому ѫ сбивающемуся на Е, какъ доселѣ въ словахъ: началъ, начялъ, языкъ и іезыкъ, часъ, чясъ, чесы, янтарь, и іентарь. Появленіе архаизмовъ замѣтно и въ позднѣйшей современной письменности; оно обнаружилось въ появленіи въ современной гражданской азбукѣ обратнаго Э. Не пишется ли „это" съ обратнымъ э на основаніи той же причины, почему въ устахъ народа „это" звучитъ іенто и ефто, также ёфто, іентомъ и ефтомъ. Такимъ образомъ обратному э соотвѣтствуетъ звукъ ев и іевъ или еф. Это въ древнихъ памятникахъ писалось ѥто (см. Слов. Миклошича). Э въ древнихъ рукописяхъ означало іотированіе: въ Дечанской рукописи соотвѣтствовало въ концѣ словъ нашему іе и писано надъ строкой

надъ і. Оно было тождественно съ начертаніями—є, ѥ, ꙥ, є опускающемуся иногда почти незамѣтно ниже строки для отличія отъ простаго є.—Такимъ образомъ, вотъ 6 начертаній для одной и той же буквы въ древнихъ рукописяхъ, обращавшихся въ средѣ писцовъ въ видѣ подлинниковъ. Нерѣдко нѣсколько этихъ начертаній встрѣчается въ одной и той же рукописи, и на этомъ основаніи могли бы и этимъ начертаніямъ приписывать различные звуковые оттѣнки. Къ этому еще слѣдуетъ прибавить, что простое, неіотированное є, замѣняло іотированное, по небрежности писца, по большей же части за излишествомъ, такъ какъ є въ началѣ словъ и послѣ гласныхъ іотировалось въ древнихъ рукописяхъ и іотируется; кромѣ того є часто іотировалось послѣ н, л, р, ч и другихъ іотирующихъ гласныхъ; такъ мы и нынѣ слышимъ: зелёный, тежёлый, жёлтый, чёботы, чёглокъ, о нёмъ, чёрствый, чёрный, щёголь, чёлнъ; въ Туровской книгѣ Евангельскихъ чтеній XI вѣка: на нѥмъ, ослаблѥнъ; въ Чудовской толковой Псалтыри того же вѣка: ѥго Въ современномъ произношеніи: въ нёмъ, надежда и надёжа, одежда и одёжа, летать и полётъ, клёнъ и кленовый.

Если мы видимъ въ рукописяхъ, что гласная Ё соотвѣтствуетъ іотированному О, то мы встрѣчаемъ, на оборотъ, что въ живой Русской рѣчи а, ы замѣняютъ другъ друга, напр.: куда, куды, въ Псковскомъ нарѣчіи: кудѣ. Подобныя же замѣщенія одной гласной другою, полагаю, были бы приняты въ рукописяхъ за болгаризмы. Трудно не настаивать на этомъ предметѣ, потому что вопросъ тѣсно связанъ съ значеніемъ и пониманіемъ Слова о Плъку Игоревѣ. Вопросъ этотъ, въ добавокъ, находится въ тѣсной связи съ исторіей умственнаго развитія въ Россіи въ эпоху уничтоженія преподаванія Греческаго и Латинскаго языка въ средне-учебныхъ заведеніяхъ и учрежденія въ нашихъ университетахъ каѳедръ древне-Церковно-Словенскаго и Славянскихъ языковъ.

Умозаключенія и выводы современной филологической школы вообще неосновательны, сбивчивы, противорѣчащи и—неудачны. Я

никогда не позволилъ бы себѣ выразить столь жесткаго порицанія ученыхъ лингвистовъ, еслибы это строгое заключеніе надъ стоящими въ главѣ науки Нѣмецкими лингвистами не было произнесено такимъ судьей, какъ Whitney.

Профессоръ Славянскихъ языковъ въ Лейпцигскомъ университетѣ Лескіенъ перевелъ сочиненіе Вейтнея явившееся въ 1875 г. на Нѣмецк. языкъ подъ заглавіемъ: Leben und Wachsthum der Sprache. Leipzig. 1846. — Взглядъ на дѣло этихъ двухъ профессоровъ достаточно доказываетъ, что наступила необходимость говорить откровенно объ уклоненіи самой важной и самой существенной науки для человѣческаго образованія. Сообщаемыя здѣсь двѣ выписки въ Русскомъ переводѣ, и въ переводѣ Лескіена, для большей достовѣрности, излагаютъ заключеніе Вейтнея о состояніи и значеніи словесной науки:

„Въ подтвержденіе, что это дѣйствительно такъ, можно было бы указать на такіе удивительные образчики изъ среды людей современнаго намъ поколѣнія, пользующихся большимъ значеніемъ въ качествѣ представителей сравнительной грамматики; эти же люди, какъ скоро они пытаются коснуться самыхъ общихъ истинъ языковѣдѣнія, впадаютъ въ противорѣчія и несообразности, или при менѣе осязательныхъ предметахъ обнаруживаютъ недостатокъ прочнаго и надежнаго теоретическаго основанія“ (стр. 338).

„Хотя Германія—родина сравнительной грамматики, Германскіе ученые, какъ уже замѣчено было выше, гораздо менѣе отличились по части, которую мы назвали языковѣдѣніемъ. Рознь въ отношеніи къ основнымъ вопросамъ, невѣрность наблюденія, недостатокъ послѣдовательности преобладали не менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и между ними; такимъ образомъ не можетъ быть и рѣчи о Германскомъ языковѣдѣніи, какъ о чемъ-то завершенномъ. А такъ какъ міръ привыкъ ждать указаній изъ Германіи по всѣмъ предметамъ до сего относящимся, то тамъ необходимо напередъ достигнуть нѣкотораго единства, чтобы возможно было утверждать, будто суще-

ствуетъ обобщенная наука. Между тѣмъ, при современномъ состояніи изслѣдованій, совершенныхъ въ области языковѣдѣнія съ одной стороны, и Антропологіи съ другой, хаотическое состояніе очень долго продолжаться не можетъ. Когда люди начнутъ прилегать къ уясненію себѣ тѣхъ явленій жизни и роста языка, которые имъ всего ближе, тогда они несомнѣнно придутъ къ послѣдовательнымъ и разумнымъ воззрѣніямъ на исторію, происхожденіе и самую суть этого древнѣйшаго, драгоцѣннаго общительнаго учрежденія человѣческаго рода“ (стр. 340, 341).

«Zum Belege, dass es sich so verhält liessen sich leicht aus der jetzigen Generation merkwürdige Beispiele von Männern anführen, die als vergleichende Grammatiker hohes Ansehne geniessen und sobald sie versuchen, die allgemeinern Wahrheiten der Sprachwissenschaft zu behandeln, in Widersprüche und Ungereimtheiten verfallen, oder bei weniger eingreifenden Dingen den Mangel einer gesunden und haltbaren theoretischen Grundlage verrathen“ (стр. 338).

Ссылаясь на эти слова, Whitney произноситъ свой приговоръ и указываетъ правильный и надежный путь.

«Aber während Deutschland die Heimat der vergleichenden Grammatik ist, haben die Gelehrten diese Landes, wie schon oben angedeutet, sich viel weniger in dem ausgezeichnet was wir Sprachwissenschaft genannt haben. Uneinigkeit in Betreff der Grundfragen, Unsicherheit der Anschauung, Mangel an Folgerichtigkeit herrschte unter ihnen nicht minder wie anderswo, so dass man von einer deutschen Sprachwissenschaft als von etwas gewissermassen fertigem noch nicht reden kann; und nachdem die Welt gewohnt ist, in allen hierher gehörigen Dingen die Führung von Deutschland zu erwarten, muss mann dort erst zu einer gewissen Einigkeit gelangt sein, ehe sich behaupten lässt, es gebe eine Gesammtwissenschaft. Indess kann bei dem gegenwärtigen Zustand der Sprachforschung auf der einen, der

Anthropologie auf der andern Seite die Zeit des Chaos unmöglich viel länger dauern; wenn die Menschen anfangen werden, diejenigen Erscheinungen des Lebens und Wachsthums der Sprache, *die ihnen am nächsten liegen*, begreifen zu lernen, dann werden sie sicherlich zu *consequenten* und *vernünftigen* Ansichten über Geschichte, Ursprung und Wesen dieser ältesten und werthvollsten, gesellschaftlichen Einrichtung des Menschengeschlechts kommen“ (стр. 340, 341).

Этимъ мудрымъ указаніемъ на больное мѣсто и на цѣлебное средство Whitney завершаетъ свой трактатъ о жизни и ростѣ языка. У насъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо, языковѣдѣніе находится въ болѣзненномъ состояніи и страждетъ недугомъ наноснымъ. Изученіе собственной нашей живой рѣчи, сродственныхъ намъ нарѣчій Бѣлорусскаго и Малороссійскаго, нарѣчій Литовскихъ при изученіи письменныхъ памятниковъ древне-Церковно-Словенскаго языка съ примѣсями живой Русской, Болгарской и Сербской рѣчи не можетъ не дать полезныхъ результатовъ.

При запоздалости и скудости научныхъ филологическихъ изслѣдованій, нигдѣ не слышится болѣе педантическихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, весьма неопредѣленныхъ требованій касательно научныхъ пріемовъ, примѣненія строгой критической методы, какъ у насъ; нигдѣ не слышится столько фразъ, отуманивающихъ публику и отталкивающихъ людей, непосвященныхъ въ таинственную научную фразеологію. Съ какими цѣлями ни опутывалось изученіе роднаго слова сѣтью — результатъ одинъ и тотъ же. Наука, вращаясь въ атмосферѣ искуственной, не вызываетъ участія въ образованной и жаждущей образованія средѣ; и образованная и учащаяся масса все болѣе и болѣе теряетъ довѣріе и уваженіе къ добываемымъ результатамъ. Замѣтно становится даже враждебное настроеніе къ филологіи. Изслѣдованія филологическія могутъ являться на свѣтъ только съ помощію правительственныхъ субсидій; въ-слѣдствіе чего интересы самаго общества все болѣе и болѣе теряются изъ виду. Сознаніе

этого факта самими корифеями науки выражено у насъ издавна. Академикъ Куникъ сообщилъ въ 1848 году, въ изданныхъ имъ изслѣдованіяхъ Круга, записку, представленную этимъ академикомъ въ 1813 году тогдашнему министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому.

Кругъ, предостерегавшій съ успѣхомъ графа Румянцева противъ Русскихъ любителей церковныхъ древностей для составленія описанія преимущественно церковныхъ книгъ и рукописей и ихъ храненія,—самъ сознается передъ министромъ, что сочиненія его не приносятъ рѣшительно никакой пользы:

„Воспользовался ли кто нибудь моими изслѣдованіями, хотя они или прямо относятся къ этой странѣ, или имѣютъ къ ней близкое отношеніе? Скажутъ, можетъ быть, что это произошло отъ того, что онѣ написаны пока не на русскомъ. Но мое первое сочиненіе еще въ 1807 году переведено на русскій; а знаетъ ли кто объ немъ, и кто читалъ его? Нѣтъ, здѣсь еще нѣтъ публики для такихъ сочиненій.“

Замѣчательно, что въ этомъ аргументѣ Кругъ видѣлъ подтвержденіе мысли о необходимости сосредоточивать разработку отечествовѣдѣнія въ рукахъ чужеземцевъ. Въ той же запискѣ указывается на дилемму въ академическомъ Регламентѣ, характеристично изображающую положеніе дѣла:

„Какъ же исполнится теперь патріотическое желаніе, и по крайней мѣрѣ относительно Русской Исторіи,—желаніе естественное, выраженное въ нашемъ Регламентѣ, занять ученыя мѣста въ Академіи природными Русскими. Нынѣ, можетъ быть, и есть между Русскими занимающіеся исторіей своего отечества; но нѣтъ ни одного, который бы обратилъ на себя вниманіе замѣчательнымъ ученымъ сочиненіемъ и о комъ Академія могла бы подумать при избраніи адъюнкта. При нынѣшнемъ положеніи вещей, она должна была бы избирать людей, которые способны, можетъ быть, ко всему другому,

только не къ учености; но какъ чрезъ это Академія мало по малу лишилась бы вовсе своей заслуженной славы, то ей остается избирать опять однихъ иностранцевъ."

Упомянувъ вскользь о статьяхъ Регламента, составляющихъ будто безвыходную дилемму, Кругъ возвращается къ статьѣ, упрочившей славу Академіи: „А что пріобрѣтеніе этой славы есть одно изъ желаній Высочайшей воли въ разсужденіи Академіи, это ясно говоритъ § 24 нашего Регламента."

Настойчивость Круга по этому вопросу, конечно, не можетъ удивлять, какъ бы ни былъ грустенъ фактъ, судя по его послѣдствіямъ. Не менѣе важно было своими послѣдствіями вліяніе Круга на графа Румянцева, какъ можно судить по свидѣтельству академика Куника: „Когда оказалась надобность составить описаніе Церковно-Славянскимъ рукописямъ, канцлеръ спрашивалъ мнѣнія Круга на счетъ тѣхъ, кому можно было поручить этотъ трудъ. Кругъ старался предостеречь его отъ безусловнаго довѣрія къ любителямъ церковной литературы, отдавая въ числѣ ихъ преимущество г. Востокову. Самъ канцлеръ въ этомъ былъ увѣренъ и поручалъ сему славянисту важныя работы" (Изъ біографіи Круга, написанной г. Куникомъ и составляющей введеніе къ сочиненіямъ Круга, изданнымъ И. А. Н. Forschungen in der älteren Geschichte Russlands. Журналъ М. Н. П. 1850. № 1).

Все что я здѣсь говорю можетъ быть весьма похоже на сплетни; вникая въ историческій ходъ дѣла, трудно не сѣтовать, хотя и скрѣпя сердце. Все какъ нарочно клонится во вредъ науки. Самыя лучшія и благородныя чувства содѣйствуютъ къ распространенію ложной и, слѣдственно, вредной теоріи. По поводу юбилея Востокова, разбросанныя имъ замѣтки были собраны А. Н. Пыпинымъ и много содѣйствовали къ распространенію въ Россіи теоріи, уже лишенной основанія въ глазахъ самыхъ ревностныхъ послѣдователей Востокова; уваженіе къ заслугамъ достойнаго и трудолюбиваго учителя отодвинуло на задній планъ положительные и весьма существенные интересы: самостоятельное

развитіе науки среди самаго общества и основательную, серіозную подготовку учащагося юношества, для многоразличныхъ поприщъ. Факты, самая суть дѣла, систематически жертвовались во имя критики, критики крайней, произвольной и тенденціозной. Завѣтъ, передаваемый въ течении полутораста лѣтъ, заключался въ томъ, чтобы, подъ предлогомъ выспренней критики, вынуть изъ-подъ научнаго зданія не только родную, но и всякую положительную почву, и перенести науку въ міръ отвлеченный. Результатомъ этого послѣдовательнаго маневра было внесеніе въ основаніе всѣхъ человѣческихъ знаній, въ науку роднаго слова, полнаго простора легкомыслію и произволу. Маневръ этотъ оказался тѣмъ болѣе успѣшнымъ, что противникамъ предоставляли безотрадное поприще подвизаться противъ вѣтряныхъ мельницъ.

Въ выше упомянутомъ подстрочномъ примѣчаніи академика Срезневскаго мы узнали, какъ понималъ Востоковъ свою теорію и на какіе факты ссылался въ концѣ своего поприща для исправленія проводимаго имъ ошибочнаго взгляда: „Древнимъ Болгарскимъ онъ называлъ его *иногда* только потому, что всѣхъ Славянъ Задунайскихъ, жившихъ на востокъ отъ Сербовъ, и онъ съ *другими* привыкъ называть Болгарами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ *не сомнѣвается*, что родина *Старославянскаго* нарѣчія есть *Македонія*, а потому его можно назвать и Македонскимъ.“

И такъ, мы видимъ, что одна гипотеза замѣняется мимоходомъ другою. Востоковъ зналъ или не зналъ, о чемъ онъ говоритъ. Если Востоковъ до конца жизни ничего не зналъ о Задунайскихъ Славянахъ, то невидно и основательной причины замѣнять одинъ ошибочный и произвольный взглядъ другимъ. Если же Востоковъ зналъ, о чемъ онъ говоритъ, то есть, озаботился собраніемъ *нѣкоторыхъ* данныхъ, то еще менѣе понятно, какимъ образомъ онъ могъ указывать на Македонское происхожденіе языка. За отвѣтомъ на его гадательное указаніе ненужно ходить далеко. Въ Трудахъ Московскаго Этнографическаго Отдѣла Общ. Люб. Ест. Антр. и Этнографіи,

Кн. III, выпускъ 2-й, 1874 года, находимъ письмо извѣстнаго собирателя Болгарскихъ писемъ Верховича, писанное на Болгарскомъ Мървацкомъ нарѣчіи, сохранившемъ прозвище древнихъ муравьевцовъ, Мирмидоповъ, какъ Болгаре названы въ хроникѣ Малалы. Приводимъ начало этого письма для нагляднаго сужденія о степени близости сродства современныхъ Славянскихъ нарѣчій съ древне-Церковно-Словенскимъ. Для уясненія себѣ вопроса не худо припомнить себѣ живую рѣчь Русскую, Бѣлорусскую, взять любую Польскую книгу, Хорватскую, Болгарскую и Сербскую.

Г. Верховичь пишетъ Н. А. Попову:

„Я-зи-ка-на кату живовамъ удомакенъ во градъ Сяръ на *Солунска* та областъ; и са занимавамъ со старипарство, сумъ билъ ималъ сгода да са приближамъ най близу ду селски-утъ животъ и да вникнамъ найдулбоку у народни-те чювства и обичаи; за то трачамъ (ми са чине) да сумъ въ состояние да садамъ найбезпристрастне за забуравени-утъ вой народъ, за кои обаче Гарци-те не преставуватъ-утъ да Туркатъ сякавка сгода во своя полза. Утъ какъ вашему высокоблагородию изложихъ ся причине-те, утъ кои-ту сумъ подбуденъ за сочинение-то на настояще-то ми писмо, я-зи-ка-наса галятъ да вярувамъ, що ваша милость ке опростите дулгозборувание-ту ми, какѣ и употребение-ту на частну-ту *Марвашку наречие, кое содуржава на полну ляпотия-та на Кирилски*-утъ язикъ, и значителну са разликува утъ друзи-те Булгарски наречия пу Македония во гласопроизношения-та и окончание-та некои речи; особенну пакъ любопитное зарди голяму употребувание на буква-та *Я*! на примѣръ: дяте, лява, дялъ, тянка, бяло, прясно, прямо, дрянъ и пр. на място: дете, дева, делъ, тенко, бело, пресно, премо, дренъ и проче."

Духовные Болгарскіе стихи, изданные Безсоновымъ въ собраніи пѣсенъ калѣкъ перехожихъ, по своему происхожденію, принадлежатъ, въ значительной мѣрѣ, языку Церковно-Словенскому. Но и

по письму Верховича, и по духовнымъ стихамъ можно судить, до какой степени теорія Востокова не ладитъ съ дѣйствительностью.

Въ Болгарской пѣсни, доставленной Верховичемъ и напечатанной въ „Български народни пѣсни". (Auguste Dozon. Paris. 1875. стр. 128), находимъ довольно характеристическіе ѫсы:

Ѫнчо(=Енчо) ли гиди младу Ѫнчо,
Ярочулъ сѫ Ѫнчо отъ край ду край зѫмя-та
Колка за нѫгуву юнасту
Още толку чи ималъ златни криля,
Златни крилa пудъ мишница.
Сички мислѫха чи сѫнчо витякъ.
Витякъ отъ змѫй породѫнъ,
Та сѫ съ нѫгу никой ни фащаше
Ниту не гюрешъ ниту на камѫнь фѫрлеше.
Си изляли на Вѫликъ-дѫнъ(=Великъ день) сички юнаци...

По поводу правописанія Вѫликъ дѫнъ, вмѣсто Великъ день, можно замѣтить, что подобное правописаніе находитъ оправданіе въ въ Сербо-Лужицкомъ языкѣ. Слово Wulki встрѣчается нѣсколько разъ въ письмѣ Михаила Френкеля, писаннаго въ 1697 году къ Петру Великому: Khježor, a Wulke Knjezj; также Wulki Car a Wulki Knjez. (ст. И. И. Срезневскаго въ Ж. М. Н. П. 1844. № 7. Ист. оч. Сербо-Лужицкой лит.). Въ приведенныхъ стихахъ ѫ передаетъ звуки є и ѥ, соотвѣтствующіе въ разныхъ Болгарскихъ нарѣчіяхъ звукамъ а, аў, єў, переходящимъ въ ъ приближающимся къ ы, и вмѣстѣ съ тѣмъ къ ѫ.

Изъ приведенныхъ Болгарскихъ стиховъ и письма Верховича можно судить, есть ли какое правдоподобіе, что древній Церковно-Словенскій языкъ есть древній видъ языка Македонскихъ Болгаръ. Любопытно также знать научныя основанія, почему въ языкѣ Македонскихъ Болгаръ, или даже вообще Болгаръ, сохранилось большое согласіе съ правописаніемъ Остромірова Евангелія, Супрасльской Мартовской Четіи Минеи и даже съ Болонской Псалтырью, чѣмъ

правописаніе Сербовъ, Поляковъ и Русскихъ. Въ народной Бѣлорусской рѣчи, па оборотъ, звучитъ доселѣ древнее склоненіе и нигдѣ не могло правильпѣе установиться соотвѣтствіе древняго правописанія къ ринезмамъ. Присутствіе Болгарскаго элемента несомнѣнно и даже весьма замѣтно въ древпѣйшихъ Церковно-Словепскихъ рукописяхъ; по вопросъ въ томъ, которыя изъ ошибокъ являются чаще въ древнихъ рукописяхъ, Русское смѣшеніе ѫ съ оу, или Болгарское съ а , ъ и ѣ. — Кромѣ вопроса о начертаніи буквъ, есть еще вопросъ грамматическій и синтактическій, который несравненно важнѣе; на эту именно рѣшающую сторону вопроса Востоковъ призналъ излишнимъ обратить вниманіе. Значенію ѫса въ Болгарскомъ нарѣчіи соотвѣтствуетъ въ Русской рѣчи произношеніе гласной а въ словѣ: „началъ, началъ, пачелъ, начилъ и начылъ“. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что ѫ въ современной Болгарской письменности не имѣетъ этимологическаго значенія, такъ какъ онъ употребляется не на основаніи древняго церковнаго правописанія. — Весьма замѣтпо, что въ старинныхъ Болгарскихъ рукописяхъ ѫ тождественъ съ Балгарскомъ ѧ, а въ новѣйшемъ правописанія ѫ гласной ѫ замѣняетъ ѧ; возвратное мѣстоименіе ся, которое произносится въ современныхъ нарѣчіяхъ Болгарскихъ ся, са и се и вполнѣ соотвѣтствуетъ нашему произношенію сѧ въ возвратныхъ глаголахъ: обратиться, обратитсе, обратитса, обратитца. Многимъ покажется страннымъ, какъ Востоковъ могъ приписывать Болгарамъ происхожденіе Церковно-Словенскаго языка, или, правильнѣе, правописанія, хотя правописаніе Болгарское находится въ прямой противуположности съ древнѣйшимъ правописаніемъ, склоннымъ къ смѣшенію ѫса и ѹка, тогда какъ въ Болгарской письменности весьма явно соотвѣтствіе ѫса звукамъ а, аў, е, еў, ы, ъ, относящимся къ посовымъ Польскимъ совершенно такъ же, какъ Русское ѹ и я въ тѣхъ случаяхъ, когда въ древне-Церковно-Словенскомъ находится ѫ и ѧ. Напримѣръ рѫка = ręka = роука = Болгарскому = река. и ръка, бѫдѫ = буду = będę = бъдѫ (бдл

или бда); м҄жь Болгаре произносятъ мъжъ и межъ. Нигдѣ не замѣтно въ дѣйствительныхъ Болгарскихъ древнихъ рукописяхъ, чтобы у Болгаръ существовала склонность писать ѫ вмѣсто оу, и на оборотъ; склонность болгарскихъ писцовъ писать мѫ, сѫ, мѧ, сѧ, вполнѣ объясняется современнымъ произношеніемъ тѣхъ словъ древне-Церковно-Словенскаго, въ коихъ находятся буквы ѫ и ѧ. Объясненіе Востоковымъ, что онъ, приписывая Болгарамъ принадлежность древне-Церковно-Болгарскаго языка, имѣлъ въ виду Македонскихъ Болгаръ, находится въ прямомъ противорѣчіи съ дѣйствительностію, и позднее заявленіе его было столь же произвольно, какъ и первое его положеніе. Прозаическая Македонская сказка, сообщенная Верховичемъ и напечатанная въ томъ же Сборникѣ, изданномъ въ Парижѣ Дозономъ, можетъ дать наглядное понятіе, до какой степени гаданія Востокова принадлежали міру дѣйствительному. Правописаніе сохранено по списку доставленному г-мъ Верховичемъ.

„Фъ ѫдна гора имлалуѫдни многу убави сарая утъ голу злату изградя́ни, и въ тѫхъ сѫдяла ду три сѫстри ламии много гуляли, котри още отъ малички са крили тамъ, защо имали брате дуръ осѫмъ пмѫювя и ги тѫрали да ги у тряпат-ъ, и чунки майка хми ни могла да ги крие, зградила хми въ тъзи гора златни сарая, и ги уставила тамъ да сѫдя́тъ. Тязи три ламии слявали на пѫтвотъ, и лю кой заминувалъ гу изявали и испивали фрят-ъ ѫзя́ро-ту, утъ котро подилу вода на царскио градъ, и тъй кюли запустя́тъ градъ тъ! Царьотъ са чудилъ какъ да утря́пе тези ламии, и пратилъ на сѫкаде фѫрманъ, лю кой наямне да утря́пе тези ламии, на нѫгу да са и тѫхни-те златни сапая, и язъ кю му дамъ за жяна моя-та си дъщере, и кю царюва заѫдну съ мѫне“.

Въ изслѣдованіи Билярскаго о средне-Болгарскомъ вокализмѣ по Патріаршему списку лѣтописи Манассіи, слишкомъ много предоставлено мѣста гадательному Болгарскому произношенію, въ древнія времена, той или другой гласной и полугласной. Все, что можно вывести изъ Болгарскаго памятника, это то, что большой ѫсъ употреб-

сліемъ былъ часто вмѣсто малаго, и наоборотъ. Это совершенно согласно съ нынѣшнимъ произношеніемъ Болгарами тѣхъ словъ, гдѣ въ древне-Церковно-Словенскомъ языкѣ находился одинъ изъ обоихъ ѫсовъ: а, я, е, ы, ъ. Можно предполагать, что оба ѫса для Болгаръ, соотвѣтствуя звукамъ Аȣ̂, Еȣ̂, Е, съ переходомъ въ Ъ и даже Ы не соотвѣтствовали древнему правописанію, почему они и не придавали значенія, основаніемъ или вершиной треугольникъ помѣщенъ на трехъ ножкахъ (ѦѪ). Еще болѣе предположеніе это оправдывается относительно полугласныхъ Ъ и Ь. Болгаре, согласуясь съ древнимъ правописаніемъ, пишутъ дъждь, младость, а произносятъ дъждъ, младосъ. При этомъ отношеніи племенныхъ нарѣчій къ древне-церковному, весьма понятно, что Ъ и Ь неправильно замѣняютъ другъ друга въ рукописяхъ или избирается одинъ изъ нихъ не потому, что въ произношеніи существуетъ исключительно одно или другое, но именно потому и признается двоякій знакъ излишнимъ, что двойственность сбивчива и часто находится въ прямомъ противорѣчіи съ мѣстнымъ обычаемъ. Это затрудненіе было причиною частаго замѣненія ъ-ра и ь-рика надстрочнымъ знакомъ.

Полякъ читаетъ рѫка, ренка, Русскій рука, а Болгаринъ ръка, рака и рока; также точно пѫть, мѫжь, мѫка, голѫбь произносятся на А, на О и на Ъ; ѫ въ нынѣшнемъ правописаніи соотвѣтствуетъ въ турецкихъ словахъ звуку Ы; а въ разныхъ прочихъ соотвѣтствуетъ звуку а и е. Окончаніе глаголовъ идѫ, могѫ, катѫ произносятся ида, мога, ката. Мѫ, сѫ, равно какъ и мѧ, сѧ произносятся Болгарами ма, мя, ме, са, ся, се.

Точно также мы Русскіе произносимъ куда и куды, Псковитяне кудѣ. Въ древней письменности встрѣчаются кѫда, куды, кудѣ, кѫди, коудоу, кѫдоу. Можно предполагать, что варіація эта есть не что иное, какъ правильное склоненіе, но дѣло въ томъ, что въ памятникахъ варіація эта встрѣчается наперекоръ предлогамъ.

Какъ мало ѫ въ Болгаріи имѣлъ носовое произношеніе, видно изъ Валахскаго правописанія, заимствованнаго отъ Болгаровъ. Ва-

лахи для обозначенія ринезма приставляютъ къ ѫ согласную н. Гѫсь по-Валлахски гѫнскъ; осѫндъ, осужденіе; мѫнъ, рука; main, manus; сѫнтъ, суть, sunt, sind, французское sont. Произношеніе гласной приближается къ ъ-ру, т. е. къ Болгарскому произношенію ѫса съ необходимымъ прибавленіемъ къ оному н, что было бы излишне, еслибы ѫ имѣлъ носовое произношеніе въ Болгарскомъ. Ср. Фонетика Болгарскаго нарѣчія Ф. Миклошича и примѣчанія переводчика статьи, Петковича. Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1852, № 10.

Уклоненія эти о болгарствѣ вызываются, кромѣ важности вопроса о правописаніи по отношенію къ настоящему буквенному изслѣдованію, еще тѣмъ побужденіемъ, что Пѣвецъ нашъ былъ заподозриваемъ, на основаніи теоріи Востокова, и въ Сербскомъ и въ Болгарскомъ происхожденіи. Надеждинъ видѣлъ въ немъ Карпато-Русса и говоритъ, что онъ собралъ въ Галиціи много комментаріевъ для объясненія пѣсни, оставшихся доселѣ неизвѣстными. Безсоновъ признаетъ не безъ основанія отечествомъ Пѣвца Игорева Бѣлоруссію. Весьма можетъ быть, что всѣ эти взгляды и впечатлѣнія имѣютъ до извѣстной степени основаніе. Сочетаніе всѣхъ этихъ различныхъ оттѣнковъ вполнѣ объясняется связью Пѣвца Игорева съ Черниговской областью. Здѣсь, на рубежѣ Могилевской губерніи, живутъ смѣшанно Бѣлоруссы, Малороссы и Великоруссы и въ народныхъ устахъ слышится доселѣ въ высшей степени поэтичная и художественная рѣчь съ весьма замѣтнымъ архаическимъ оттѣнкомъ.

Какъ бы оно ни казалось страннымъ, но дѣло въ томъ, что для занимающихся специальными изслѣдованіями въ 1875 году, по вопросамъ Русскимъ историческимъ и филологическимъ, чувствуется еще запутанность, внесенная въ науку Востоковымъ, и потому немудрено, что стройнаго научнаго зданія не воздвигается.

Весьма понятно, что ложное опредѣленіе, положенное Востоковымъ въ основаніе науки и распространенное его учениками изъ уваженія къ учителю, могло произвести и произвело разочарованіе.

Сознаніе современной наукой, что цѣль ея не преслѣдованіе призраковъ въ вымышленномъ мірѣ, необходимо ведетъ къ рѣшимости замѣнить призраки положительными данными, а данныя эти для филологіи, какъ весьма давно извѣстно, суть: древніе документы, памятники, устныя преданія, молитвы, заговоры, пѣсни и—прежде и болѣе всего—живая и безъискуственная народная рѣчь. Для этой работы всегда найдется много призванныхъ, и самыя ошибки изслѣдователей теряютъ свою злотворную силу, потому что дѣйствительность постоянно указываетъ, когда дѣло не ладно. Положительная наука не можетъ не примирить общества съ наукой, въ-слѣдствіе чего можно ожидать и притока матеріальныхъ средствъ, необходимаго для жизни науки; направленіе науки путями недоступными обществу къ цѣлямъ, покрытымъ таинственнымъ и туманнымъ покровомъ, не можетъ не вести уже къ замѣтному оскудѣнію матеріальныхъ средствъ. Схоластическая мудрость оказывается безусловно плохимъ служеніемъ дѣлу и плохимъ расчетомъ по мѣрѣ размноженія числа людей, посвящающихъ себя изученію жизни роднаго языка. Чтобы филологія подвигалась въ Россіи, въ нашъ вѣкъ необходимо много силъ для спеціальнаго разработыванія многосложнаго дѣла—дѣло уже не можетъ сосредоточиваться въ однихъ рукахъ. Тому пятьдесятъ лѣтъ, Востоковъ рѣшалъ вопросы не вникая глубоко въ дѣло. При раздѣленіи труда и при болѣе успѣшномъ ходѣ дѣла, нѣтъ основанія опасаться, чтобы число пользующихся учеными трудами также бы не возрастало весьма быстро. Гдѣ нѣтъ предложенія, тамъ нѣтъ и спроса.

Вліяніе ученыхъ отвлеченныхъ изслѣдованій не можетъ не отражаться на школахъ, не смотря на всѣ заботы учителей устранять все загадочное и сомнительное. Покойный Перевлѣсскій, въ своей превосходной грамматикѣ древняго Церковнаго Словенскаго языка, по слѣдамъ Востокова и его учениковъ, необходимо долженъ былъ признать древній Церковно-Словенскій языкъ Болгарскимъ Македонскимъ, принадлежавшимъ,—говоритъ Перевлѣсскій съ оговоркой,—„тѣмъ Славянамъ, которые покорены были Болгарами“. Такимъ

*

образомъ *опредѣленіе* Востокова восходитъ къ понятію вполнѣ загадочному и, въ добавокъ, крайне сбивчивому. Названіе „Паннонское“, наоборотъ, имѣетъ весьма солидное историческое основаніе и устраняетъ всякую запутанность по совершенной неопредѣленности племенъ, обитавшихъ въ Панноніи, и еще болѣе въ совершенной неизвѣстности на какомъ языкѣ молились, писали и говорили образованные классы людей въ главныхъ Паннонскихъ городахъ, и не былъ ли этотъ языкъ общимъ Солуню, Корсуню, Венденскимъ городамъ и Новгороду.

Названіе Церковно-Словенскаго языка Паннонскимъ оправдывается самымъ названіемъ житія Меѳодія — Паннонскимъ. Въ похвальномъ словѣ нашимъ первоучителямъ по списку Московскаго Успенскаго собора XII столѣтія, страны, гдѣ начался разсвѣтъ Словенской церкви, названы Паннонскими и Моравскими: „ти чисто цр҃кво и свѣтообразно жито предаста въ западнихъ же странахъ Паноньстѣхъ и Моравъскахъ странахъ яко сл҃нца въсиявъша.“

Въ службахъ Словенскимъ первоучителямъ, изданныхъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ Сборникѣ въ 1865 г., по Болгарской рукописи, хранившейся при больницѣ Зографскаго монастыря, находимъ, стр. 254, § 18: Истый настолникъ славнаго Андроника славне явися. украся прѣстоль ст҃ыя цр҃кве пононскѧѧ мудре. Стр. 255, §§ 28: А ваоу ст҃аа хвалится славно градъ Солоунскыи, Куріле ст҃е и Меѳѡдиіе. мисиá и панониá и моравьскаà бл҃жене земѣ. Стр. 256, § 36: Тя бл҃жене поеть земѣ моравьскаа, честно твое тѣло имѫщи и паноньскаа ст҃лю просвѣщена тобоѫ. и людиіе ею съшедшесѧ праздноуѫтъ твоѫ памѧть.

Въ случаѣ, если уже такъ было нужно дать названіе церковному языку, принадлежащее Болгарской мѣстности, то съ нѣкоторымъ основаніемъ можно было бы назвать его Солунскимъ, ссылаясь на слова императора Михаила, передаваемыя въ Паннонскомъ житіи св. Меѳодія: „вы бо еста Селунянина: да Селунянине все чисто Словен-

скы бесѣдуютъ". Названіе языка Солунскимъ, равно какъ и Паннонскимъ не запутывало бы дѣла, подобно названію Болгарскій и Болгаро-Македонскій. — Солунскій языкъ этотъ, языкъ литературный Солунскихъ горожанъ, былъ близокъ къ языку Русскихъ Корсунянъ, что видно изъ житія св. Кирилла: „обрѣте же ту (въ Корсунѣ) Евангеліе и Псалтирь Русскыми письмены писано, и человѣка обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова съ нимъ и силу рѣчи пріимъ". Сіе сказаніе, — говоритъ А. В. Горскій, (Кирило-Меѳодійскій Сборникъ. Москва. 1865, стр. 10), — отъ слова до слова согласно съ выпискою, помѣщенною изъ Хронографа XV ст. при переводѣ сочиненія Добровскаго: Кириллъ и Меѳодій, стр. 118, 119: „пришедъ вои" Латинскіи въ Мораву, и въ Чехи, въ Ляхи, разрушиша вѣру правовѣрную, и Русскую грамоту отверже. А. В. Горскій исправляетъ „Вѣйтѣхъ Латинскій" вмѣсто „вои Латинстіи". Войцѣхъ, епископъ Пражскій, тоже лице, что Адалбертъ, убитый въ землѣ Пруссовъ и Руссовъ, по Германскимъ хроникамъ. Показаніе хронографа о присутствіи Русскаго элемента среди Чеховъ, Ляховъ и Моравовъ, весьма важно и находится въ полномъ согласіи съ Нѣмецкой и Латинской Славянской хроникой, упоминающей о выводѣ остатковъ Руссовъ и Пруссовъ въ Польшу Болеславомъ. Латинскій хроникеръ употребляетъ выраженіе reliquias не упоминая вовсе объ Адальбертѣ и перенесеніи его мощей, что, по Библейскому значенію этого слова, относится къ остаткамъ народа такъ-же, какъ и къ бреннымъ остаткамъ умершаго. — Въ chronicon parochi Suselensis p. I. c. II читаемъ: Int iar unses heren M und I dat is in deme ende des rikes des III Ottonis in der tijd Bilislaus eyn konyngk van Pálen syk vorbunden hadde mit dem III. Keiser Otto alle wendesche lant welke auer der Ader synt auerlang under den tribut weren ghebracht. Unde uth Russen und Prussen reliquien hadden transferet in Palen". Адамъ Бременскій говоритъ о мощахъ Св. Адальберта. У Гельмольда, повторяющаго слова схоліаста Адама Бременскаго: Sed

et Ruciam et Prusos, a quibus passus est Adelbertus Episcopus (Воицѣхъ), cujus reliquias tunc Bolislaus transtulit in Poloniam.

Въ Суzеленской Славянской хроникѣ (стр. 27), какъ и въ Нѣмецкомъ переводѣ: et Rutziae ac Prutziae reliquias in Poloniam transtulisset.—Какъ видно, все дѣло въ томъ, что у Гельмольда въ единств. числѣ мѣстоименіе cujus. Не находится ли въ рукоп. quorum? Впрочемъ разногласіе это не имѣетъ значенія относительно вопроса о присутствіи Русскаго элемента и гоненія на него въ Моравіи, Чехіи и Польшѣ. Въ хроникѣ Гильдесгеймской, подъ годомъ 960, также говорится, что Оттонъ послалъ Адальберта къ Руссамъ по ихъ просьбѣ; а въ письмѣ Оттона, въ 968 году, упоминается о посылкѣ Адальберта къ Ругіямъ, тѣмъ же Руссамъ.

***

Е. В. Барсовъ, въ статьѣ Ж. М. Н. П. 1876 г. за сентябрь мѣсяцъ, сообщаетъ нѣсколько данныхъ для исторіи интерпретаціи Слова о Плъку Игоревѣ. Мы узнаемъ изъ этой статьи, что Тимковскій затруднялся только объясненіемъ словъ: зегзица, ортма, папорози стрикусы, тлековины, харалужный, шереширы. Слова эти и донынѣ остались безъ достовѣрнаго объясненія, за исключеніемъ слова „тлъковины“—бродячія племена по Лаврентьевской Лѣтописи, и слова „зегзица“, нигдѣ не встрѣчающагося, но однако вполнѣ понятнаго по созвучію съ Бѣлорусскимъ зязюля, зазюличка—кукушка. Всего ближе къ зегзицѣ Латышкое названіе молодой кукушки: Dseguseni. Dseggus-en (a)-s. (Die Lettische Sprache von A. Bielenstein. I Theil. Berlin. 1863. стр. 330).

Графъ Румянцевъ отвергалъ древность слова „женчугъ“ и замѣтилъ, что „въ Словенскихъ книгахъ жемчугомъ называется *бисеръ маргаритъ*“.—Кажется, понимать слѣдуетъ на оборотъ, что жемчугъ назывался бисеромъ маргаритомъ. Въ Лѣтописяхъ слово „женчугъ“ и „жемчугъ“ встрѣчается нерѣдко при описаніи иконъ и разныхъ церковныхъ и домашнихъ утварей. Про-

тивъ древности титула „салтанъ“, графъ Румянцевъ выписывалъ изъ Дегинья, что султаномъ первый названъ былъ Махмудъ Талекъ, царь Газневидовъ. Турецкая династія, царствовавшая въ Газнѣ, въ Кабулистанѣ, получила отъ Калифа Багдадскаго титулъ султанскій въ царствованіе Махмуда (отъ 997 по 1030). Династія эта, исчезнувшая въ 1189 г., владѣла отъ Персидскаго залива до Каспійскаго моря, и потому должна была быть извѣстна и въ Россіи. Кромѣ султановъ Газневидовъ не могли не быть извѣстны Русскимъ султаны Иконійскіе, въ концѣ XI и первой половинѣ XII столѣтія: Солиманъ, Килидже Арсланъ, Заисанъ, Массудъ; въ тоже время были весьма извѣстны султаны Алеппскіе и Дамасскіе (ср. Зам. на С. о П. Иг. стр. 292). Гр. Румянцевъ, справившись у Дегинья, что и слѣдовало сдѣлать, обратилъ вниманіе лишь на послѣдняго Газневида, убитаго и схороненнаго въ Газнѣ, въ концѣ XII столѣтія. Русскіе князья были даже въ родственныхъ связяхъ въ Иконійскими султанами.—По поводу сомнѣній гр. Румянцева относительно Пирогощей иконы Божіей Матери, Карамзинъ уже указалъ, что гр. Румянцевъ смѣшивалъ Пирогощую икону съ иконой, писанной Св. Евангелистомъ Лукой, перенесенной во Владиміръ дѣйствительно въ 1160 г. На это гр. Румянцевъ возражалъ, что икона Св. Луки писана масляными красками, а живопись маслянными красками изобрѣтена позже. Какое отношеніе вопросъ о времени употребленія масляныхъ красокъ въ живописи имѣетъ къ Слову о Плъку Игоревѣ не было заявлено. Сомнительнымъ казалось гр. Румянцеву упоминаніе Венедицъ, что довольно странно по той господствующей роли, которую Венедицы играли въ Константинополѣ до 1185 года.

Изъ найденныхъ г. Барсовымъ „Замѣтокъ Малиновскаго“, мы узнаемъ, что онъ выписывалъ изъ Слова о Плъку Игоревѣ слова, стараясь передать древнее правописаніе, какъ видно изъ его поправокъ: 1) Уже бо бѣды его пасетъ птицъ; 2) И рассоушѧ стрѣлами по полю; 3) Оръть-мами. Этотъ третій варіантъ едвали могъ

находиться въ рукописи (ср. выше вар. 59); 4) Строужіе; 5) Земля тоутнетъ; 6) Харалоужными; 7) Шеломы оварьскыя; 8) Тоже звонъ слыша; 9) На казатиноу. Этотъ варіантъ къ слову „капину“, находящемуся въ Пушкинскомъ Изданіи и Архивской копіи, заставляетъ предполагать, что Малиновскій выписывалъ слова для справокъ. Чтеніе гр. Мусина-Пушкина было отмѣнно правильное: трудно усумниться, чтобы слово „канину“ въ древней рукописи не было написано кⷶиноу что весьма правильно прочтено „канипоу“. Малиновскій предполагалъ въ этомъ начертаніи монограму „азат“, а гр. Мусинъ-Пушкинъ сохранилъ въ печатномъ текстѣ чтеніе, принятое при снятіи копіи для императрицы Екатерины. Слово „канину“, судя по переводу, принималось въ значеніи „конской, кониной“, что совершенно согласуется съ значеніемъ слова „паполома“, попона.—Малиновскій видимо былъ наведенъ на эту догадку существованіемъ мѣстности Казатино—пунктъ соединенія желѣзныхъ дорогъ, идущихъ изъ Житоміра и Кіева на югъ. Борисъ Вячеславичъ былъ убитъ на Нѣжатиной Нивѣ, откуда перевезенъ по Днѣпру въ городецъ насупротивъ Кіева. Еслибы Казатино соотвѣтствовало Нѣжатиной Нивѣ, то оказалось бы, что Малиновскій разобралъ правильно вязью писанное слово. Мнѣ кажется, что ближе всего, при свойственномъ древнему Русскому языку а вмѣсто о, принять догадку Вельтмана о сближеніи „канину“ съ значеніемъ „коньну“, то есть „конскую“ и „конечную“. Ср. Зам. на Сл. о П. Иг. стр. 175, 176, и въ указателѣ подъ словомъ „канину“. Въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ, записанной М. Гурьевымъ отъ В. Щеголенкова и напечатанной въ Памятникахъ народнаго творчества въ Олонецкой губерніи Е. В. Барсовымъ:

Убилъ то тутъ всѣхъ разбойничковъ
Старой казакъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ;
И привязалъ то одного разбойника къ оторокамъ конинымъ,
И поѣхалъ въ путь-дороженьку широкую отъ силы убитой (стр. 24).

Соткнулись богатыри да въ одно мѣсто
Соловей Рахмановъ да старой казакъ Илья Муромецъ,
И вышебъ Соловья Рахманаго
Съ копя да богатырскаго на сыру землю,
И привязалъ то старой казакъ Илья Муромецъ Соловья Рахманаго
Къ этымъ къ оторокамъ конинымъ (стр. 27).

10) Кикахоуть; 11) На уедіе; 12) Ничить трава; 13) въ ступилъ двою на землю Трояню въсплескала лебедиными крылы, на синѣмъ море, оудоноу плещоучи; 14) потрепати; 15) излоуку моря; 16) Кають кн. Игоря, иже погроузи жиръ; 17) Тъщими тоулы поганыхъ тлъковинъ. Всѣ эти слова помѣчены были Малиновскимъ для памяти, чтобы на досугѣ о нихъ помечтать.

Кромѣ того, г. Барсовъ приводитъ еще два варіанта, помѣченные на особомъ листѣ въ ряду другихъ выписокъ:

18) гряхноуть вмѣсто граяхуть; 19) а галицы свою рѣчь говоря, хуты хотять полетѣти на уедіе.

Г. Барсовъ не сообщаетъ, какой характеръ имѣли выписки Малиновскаго, между коими встрѣчаются двѣ послѣднія: несуществующее „гряхноуть" ни въ печатномъ текстѣ, ни въ копіи сдѣланной для императрицы; это весьма могло быть предположеніемъ Малиновскаго, такъ какъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія заподозривать издателей въ исправленіяхъ; они могли плохо понимать начертаніе, неправильно раскрывать титла, но исправленій положительно не замѣтно: хотя въ этомъ данномъ случаѣ они совершенно правильно замѣнили бы „гряхноутъ" весьма извѣстнымъ и понятнымъ „граяхуть". Нѣтъ никакого основанія придавать какую либо важность черновымъ замѣткамъ Малиновскаго, сдѣланнымъ имъ съ неизвѣстною намъ цѣлію; напр. могло быть гряхнуть, записано имъ какъ догадка, подъ вліяніемъ не подходящаго глагола грохнуть. Въ виду придаваемаго г. Барсовымъ значенія бумагамъ Малиновскаго, кажется, первымъ дѣломъ было бы посвятить читающую публику въ чемъ состоятъ эти бумаги,—

въ какой библіотекѣ и за какимъ № онѣ хранятся, и съ какой видимой цѣлью замѣтки были заносимы Малиновскимъ на бумагу. — Что Малиновскій обращалъ вниманіе на правописаніе, въ этомъ сомнѣваться не слѣдуетъ, имѣя въ виду поправки, сдѣланныя имъ, напр. замѣненіе гражданскаго добра церковнымъ (д). Но самый фактъ поправокъ, съ другой стороны, убѣждаетъ насъ, что слова записываемы были не съ особою тщательностію, именно для палеографическихъ соображеній. Все, что можно заключить изъ двухъ поправокъ Малиновскаго съ нѣкоторой достовѣрностію, это то, что слово „синѣмъ" было дѣйствительно написано съ Ѣ; на основаніи же Архивскаго варіанта можно предположить, что оно написано было съ іотированнымъ ѥ, ѥ, неизвѣстнымъ Малиновскому. 19-я выписка положительно сдѣлана не съ цѣлію отличить правописаніе, а единственно для сохраненія мимолетной догадки: рѣчь говоря, хуты хотять. Сомнительно, чтобы это была точная копія; едва ли находилась въ рукописи запятая посреди слова „говоряхуть"; все, что можно допустить, это то, что говоря́ хоуть́ было написано съ двумя надстрочными знаками въ видѣ акцентовъ, опущенныхъ достаточно низко, чтобы ихъ можно было, съ грѣхомъ пополамъ, принять за запятую и за приставку къ ь-рику. Выписка съ раздѣленіемъ глагола на причастіе и „хуты" скорѣе заставляетъ предполагать, что Малиновскому „хуты" представлялись въ образѣ какихъ-то хищныхъ наѣздниковъ или хищныхъ птицъ, о коихъ слѣдовало справиться. Исправленіе буквы Д въ словѣ „уедіе" никакимъ образомъ не намекаетъ на намѣреніе отмѣтить эту букву съ палеографической или орѳографической цѣлію, такъ какъ это начертаніе не представляетъ никакого интереса; и при выпискахъ, сообщенныхъ г. Барсовымъ, вовсе не замѣтно, чтобы Малиновскій вообще сохранялъ древнее начертаніе буквъ. Малиновскій, видимо, не понималъ всей фразы. Слово „уедіе", неизвѣстно почему, казалось ему особенно сомнительнымъ, и онъ отмѣтилъ церковное начертаніе добра (д), такъ какъ подобное начертаніе могло обозначить и другую букву и въ полууставной рукописи, и въ скорописной. Вообще

замѣтно по варіантамъ, что начертанія буквъ казались первымъ издателямъ сбивчивыми и загадочными.

Изъ представленной ниже сравнительной таблицы нельзя не убѣдиться, что первые издатели дѣйствовали добросовѣстно и читали правильно; транскрипція Малиновскаго подтверждаетъ вполнѣ первое изданіе. Заслуга г. Барсова въ этомъ отношеніи несомнѣнна. Не смотря однако на мою твердую вѣру въ совокупную правдивость гр. Мусина-Пушкина, Малиновскаго, Бантышъ-Каменскаго, Карамзина и Ермолаева, не могу не замѣтить, что свидѣтельство Малиновскаго было бы недостаточно, еслибы сомнѣнія на счетъ правописанія были существенныя. Малиновскій принималъ значительное участіе въ изданіи, и потому, весьма понятно, существуетъ согласіе между его выписками и печатнымъ текстомъ. Тѣмъ не менѣе, сообщеніе, сдѣланное г. Барсовымъ, весьма важно, такъ какъ оно захватываетъ самый процессъ изданія знаменитаго памятника въ его черновомъ, не подготовленномъ видѣ.

Если я позволяю себѣ здѣсь оспаривать тезисъ г. Барсова, то это лишь единственно на томъ основаніи, что онъ подтверждаетъ тезисъ г. Тихонравова, будто бы рукопись была писана скорописью, что прямо взводитъ тяжкое обвиненіе въ сознательномъ подлогѣ и укрывательствѣ всѣхъ причастныхъ лицъ къ первому появленію въ свѣтъ излюбленнаго памятника. Съ моей точки зрѣнія, я не вижу важности — принадлежала ли рукопись къ памятникамъ конца XIV столѣтія, къ XV столѣтію или къ XVI столѣтію. Нѣтъ даже важности, еслибы и доказано было, что полууставъ, коимъ была написана пѣснь, переходилъ въ скоропись. Едвали переходъ, не въ скоропись, а къ скорописи, не составляетъ существеннѣйшаго отличія полуустава отъ устава.

Что касается до настоящаго изслѣдованія, то оно существенно расходится съ предположеніемъ Н. С. Тихонравова касательно лишь вопроса о скорописи, и я вполнѣ убѣжденъ, что Н. С. Тихонравовъ, углубленный въ свое изслѣдованіе, упустилъ изъ виду, что недостаточно одной остроумной догадки, чтобы опровергнуть соглас-

ныя показанія нѣсколькихъ честныхъ людей. Самое вѣское основаніе, по коему утраченную рукопись слѣдуетъ считать принадлежащею къ XIV столѣтію, это причисленіе оной академикомъ Срезневскимъ къ этому столѣтію. Ороографія и словосочиненіе въ текстѣ даютъ достаточныя данныя нашему знаменитому палеографу, чтобы опредѣлить эпоху написанія рукописи, не видавъ ея.—Едвали есть рукописи не священнаго писанія, писанныя въ XVI столѣтіи, которыя не носили бы слѣдовъ своей эпохи, даже если вовсе не обращать вниманіе на почеркъ.

Взглядъ г. Барсова на важность записанныхъ Малиновскимъ словъ для опредѣленія вѣка и почерка рукописи, изложенъ имъ на стр. 19-й статьи его въ Сентябрской книжкѣ Ж. М. Н. П. текущаго года. Въ подтвержденіе своего взгляда онъ сылается на опытность самаго Малиновскаго, бывшаго директоромъ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ и на изслѣдованія г. Тихонравова. Г. Тихонравовъ, въ изданіи своемъ, приводитъ, для поясненія своего взгляда, образцы самой неуставной скорописи, способной отбить всякую охоту у учениковъ, ближе ознакомиться съ нашими древними дѣловыми бумагами XVI и даже XVII столѣтій. Не безполезно, для ближайшаго ознакомленія съ обстановкой палеографическаго вопроса, представить читателю слова много уважаемаго собирателя народныхъ пѣсенъ и драгоцѣнныхъ причитаній Олонецкаго края. „Извѣстно, что Н. С. Тихонравовъ, сравнивая первое изданіе Слова съ Архивскимъ его спискомъ, дошелъ до весьма важныхъ палеографическихъ особенностей, отличавшихъ подлинную рукопись, и на основаніи ихъ опредѣлилъ тотъ самый вѣкъ, который указанъ Малиновскимъ. Къ тѣмъ же выводамъ пришли и мы, основываясь на данныхъ, найденныхъ нами въ бумагахъ А. Ѳ. Малиновскаго, о чемъ и было нами доложено на III-мъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ, въ 1874 г.“

Для наглядности прилагаю здѣсь таблицу 64 словъ, выписанныхъ Малиновскимъ, вполнѣ подтверждающихъ правильность пер-

ваго изданія 1800 года, съ соотвѣтствующимъ правописаніемъ по 1-му изданію и по Архивскому списку и съ предполагаемымъ правописаніемъ утраченной рукописи. Въ столбцахъ вездѣ, гдѣ слово не написано и замѣнено чертой, значитъ, что правописаніе совершенно согласно съ Малиновскимъ. Черта въ 4-мъ столбцѣ обозначаетъ что правописаніе въ древней рукописи предполагается тождественнымъ съ Малиновскимъ. Пропущены въ таб. слова: зелену наполомоу.

Малин.	Пушк.	Архивск.	?
1. уже	—	—	оуже
2. бо	—	—	—
3. бѣды	—	—	—
4. его	—	—	—
5. пасеть	пасетъ	—	пасє (46)
6. птицъ	—	—	—
7. и	—	—	—
8. рассоушѧ	рассушясь	рассушась	рассоушѧ'' (58)
9. стрѣлами	—	—	—
10. по	—	—	—
11. полю	—	—	-
12. оръть-мами	орьтъмами	оръmмами	орът мами(59,60)
13. строужіе	стружіе	стружіе	—
14. земля	—	—	—
15. тоутнетъ	тутнетъ	тутнетъ	—
16. харалоужными	харалужными	харалужными	—
17. шеломы	—	—	—
18. оварьскыя	—	—	—
19. тоже	—	—	—
20. звонъ	—	—	—
21. слыша	—	—	—
22. на	—	—	—
23. казатиноу	канину	канину	кѧнноу, кѧннoу
24. кикахоуть	кика	хуть	—
25. уєдіє	—	—	оуєдіє

Малин.	Пушк.	Архивск.	?
26. ничить	—	—	—
27. встоупилъ	вступилъ	вступилъ	—
28. двою	дѣвою	дѣвою	дв̆ою
29. на	—	—	—
30. землю	—	—	—
31. Трояню	—	—	—
32. въсплескала	—	—	—
33. лебедиными	—	—	—
34. крылы	крылы	крилы	кр̑лы (122)
35. на	—	—	—
36. синѣмъ	—	синемъ	синѥмъ (123)
37. море	—	морѣ	морѥ (125)
38. оу	у	у	—
39. доноу	дону	дону	—
40. плещоучи	плещучи	плещучи	—
41. потрепати	—	—	—
42. из	изъ	изъ	из̑
43. лоукоу	луку	луку	—
44. моря	—	—	—
45. кають	кають	каютъ	каю̑
46. Кн	князя	Князя	Князя, Кн҃ (едва можно предположить въ концѣ строки)
47. Игоря	—	—	
48. иже	—	—	
49. погроузи	погрузи	погрузи	—
50. жиръ	—	—	—
51. тъщими	—	—	—
52. тоулы	тулы	тулы	—
53. поганыхъ	—	—	—
54. тлъковинъ	тлъковинъ	тльковинъ	тл̂ковинъ (165)
55. трояхноуть	граяхуть	граяхуть	граяхоуть
56. а	—	—	—
57. галици	—	—	—
58. свою	—	—	—
59. рѣчь	—	—	—
60. говоря, хуты	говоряхуть	говоряхуть	говорѧ́ хоуть́
61. полетети	полетѣти	полѣтѣти	полѥ́ти (110)
62. постла	—	—	—

„Какъ бы то ни было", —говоритъ Е. В. Барсовъ, — „всѣ замѣченныя нами особенности подлинной рукописи указываютъ на то, что она дѣйствительно была писана, *какъ свидѣтельствуетъ самъ Малиновскій*, полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, и *притомъ именно* въ XVI вѣкѣ, но *никакъ* не ранѣе."

Весьма затруднительно и часто весьма спорно опредѣленіе рукописи, когда она на лицѣ. Весьма сомнительно, чтобы состязаніе о вѣкѣ рукописи, за неимѣніемъ данныхъ на лицѣ, могло привести къ положительному результату. Въ предисловіи къ печатному тексту вѣкъ рукописи опредѣленъ концомъ XIV, или началомъ XV столѣтія. Ермолаевъ говоритъ, что она писана полууставомъ XV вѣка (Сахаровъ, Пѣсни Русск. народа, V. 172). Г. Барсовъ говоритъ, что самъ Малиновскій свидѣтельствуетъ, что рукопись писана полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, и притомъ именно въ XVI вѣкѣ. Но это свидѣтельство не самаго Малиновскаго, а замѣтка Калайдовича, назойливо преслѣдовавшаго издателей. Еслибы Калайдовичъ и былъ правъ, что рукопись была писана въ XVI вѣкѣ, полууставомъ, переходящимъ въ скоропись: то это рѣшительно не имѣло бы никакого значенія въ отношеніи къ самому памятнику, носящему несомнѣнные признаки древняго удѣльнаго періода.

Задонщина, по Кирилловскому списку XV ст., изд. И. И. Срезневскимъ, достаточно показываетъ, какъ въ XV столѣтіи плохо понимали пѣснь XII вѣка. Г. Барсовъ приводитъ, что слова „не шеломенемъ еси" передаются Московскимъ подражателемъ: „О, Русская земле! уже ты не за царемъ Соломономъ!" и весьма основательно видитъ въ этомъ признакъ, какъ уже въ XV вѣкѣ въ Москвѣ плохо понимали памятникъ, подвергавшійся, по его мнѣнію, поправкамъ переписчиковъ даже въ XVI столѣтіи. „Шоломя" въ Ермолаевскомъ спискѣ переходитъ въ „Соломлю". „По шоломени оминуша" Ипат. лѣтописи, въ Хлѣбниковскомъ спискѣ: „по солъмине оминуша", переходитъ въ Ермолаевскомъ спискѣ въ „посолъ омину" и наконецъ у Карамзина (III. пр. 68): „посолъ мине".—

Замѣчательно, какъ эта областная или архаическая форма слова „холмъ“, „шлемъ“, могла быть непонятна при ясности повѣствованія лѣтописца: „Наворопници же перешедше хоромъ, взидоша на шоломя, глядающе гдѣ узрятъ ѣ. Кончакъ же стоялъ у лузѣ, его же ѣдуще по шоломени, оминуша иные въ гаты, узрѣвше ударища на нихъ“. Кончаковъ посолъ „Оминоу“ напоминаетъ автора Задонщины, видѣвшаго въ словѣ „Шеломянемъ“ царя Соломона. Не смотря на полемическое настроеніе, возбужденное тезисомъ г. Барсова, нельзя не сознаться, что его основная отвлеченная мысль совершенно правильна и согласна съ результатами, добытыми современной наукой, на основаніи коихъ, во многихъ отношеніяхъ, живая рѣчь представляетъ болѣе достовѣрныя данныя, чѣмъ письменные памятники. Въ еще большей мѣрѣ это относится къ преданіямъ изустнымъ, оберегающимъ поэтическіе памятники отъ искаженія книжниковъ. „Что стало съ былиной объ Ильѣ Муромцѣ“,—говоритъ г. Барсовъ,—„или съ былиной о семи богатыряхъ, какъ скоро перешли они въ рукопись и стали достояніемъ книжниковъ“? Былъ ли Калайдовичъ руководимъ чистосердечнымъ желаніемъ опредѣлить точнѣе вѣкъ рукописи, или онъ руководимъ былъ личнымъ желаніемъ подгадить издателямъ,—дѣло въ томъ, какъ весьма основательно замѣчаетъ Дубенскій, Калайдовичъ не справлялся о рукописи до пожара 12-го года, а началъ преслѣдовать гр. Мусина-Пушкина, когда удостовѣрился, что рукопись сгорѣла. Хладнокровный любитель древностей дѣйствительно могъ отлагать ближайшее знакомство съ рукописью, въ томъ упокоительномъ убѣжденіи что можно во всякое время имѣть къ ней доступъ; но едвали возможно признать Калайдовича такимъ апатическимъ любителемъ древностей; по призванію своему, онъ даже не имѣлъ права откладывать ближайшее знакомство съ рукописью гр. Мусина-Пушкина и вообще съ его собраніемъ. Калайдовичъ, наоборотъ, обращается къ гр. Мусину-Пушкину съ запросомъ отъ 30 октября 1813 года: „на чемъ какъ и когда она писана? Гдѣ найдена? Кто былъ участ-

никомъ въ изданіи? Сколько экземпляровъ напечатано? Также и о первыхъ ея переводахъ, о коихъ я слышалъ отъ А. Ѳ. Малиновскаго». Не давая положительныхъ отвѣтовъ,—говоритъ г. Барсовъ,—на эти вопросы, Мусинъ-Пушкинъ, какъ видно, только жаловался ему на зложелательныхъ людей, кои не вѣрили ему и даже подозрѣвали его въ литературномъ подлогѣ. „Я самъ знаю", —отвѣчалъ ему Калайдовичь, —„сколь языкъ неблагонамѣренный можетъ огорчать каждаго изъ насъ; но что значатъ сіи притупленныя невѣжествомъ и клеветой стрѣлы? Кто вѣритъ словамъ завистниковъ, дерзающихъ говорить, что пѣснь Игорева поддѣлана? Кто могъ съ такими познаніями въ исторіи и языкѣ не сдѣлать анахронизмовъ, живши въ XVIII вѣкѣ, и кто опять отказался бы отъ чести сочиненія такого памятника, которому удивляются отличные знатоки въ семъ дѣлѣ, не видя настоящей ему основы".

„Мусинъ Пушкинъ, какъ видно, недоумѣвалъ и о томъ, зачѣмъ требуются отъ него подробныя свѣдѣнія, и потому Калайдовичь прибавлялъ ему: „Желая успокоить легковѣрныхъ, утвердить благомыслящихъ и притупить жало неблагонамѣренныхъ, я хотѣлъ бы имѣть подробнѣйшее извѣстіе о пѣсни Игоревой, къ которой можно бы пріобщить извѣстіе о всѣхъ пьесахъ, съ нею вмѣстѣ помѣщенныхъ. Мы все сіе желаемъ сдѣлать *нѣкоторымъ актомъ*, засвидѣтельствованнымъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, Н. М. Карамзинымъ и А. Ѳ. Малиновскимъ,—назовите, которыхъ вы знаете, и положимъ для утвержденія въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ". Живая вѣра въ судьбы науки и собственныя открытія Калайдовича не позволяли ему ни на минуту усумниться въ подлинности Слова, и онъ каждымъ своимъ розысканіемъ спѣшилъ успокоивать графа, который, какъ видно, не зналъ, какъ себя оправдать отъ напраснаго нареканія. „Я увѣренъ", —писалъ онъ,—„что время, отъ коего зависитъ скрывать и открывать, явитъ намъ неоспоримыя свидѣтельства его достовѣрности, подобно одному, найденному мною въ Апостолѣ 1307 года, гдѣ игуменъ Пантелеймонова монастыря Зосима,

описавъ гибельную войну князей Михаила и Юрія, такъ заключаетъ: „при сихъ князѣхъ сѣяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы *) и вѣцы скоротишася члкомъ". Вы изволите усмотрѣть изъ сравненія; сіе любопытное мѣсто столь сродно одно съ другимъ, что, кажется, игуменъ Зосима имѣлъ предъ собою пѣснь Игореву, не задолго предъ симъ сочиненную".

„На такое горячее и настойчивое письмо Мусинъ-Пушкинъ уже не могъ не отвѣчать. Отъ 31-го декабря тогоже года, онъ сообщилъ Калайдовичу слѣдующее: „До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейскій домъ, управлялъ онымъ архимандритъ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности; по уничтоженіи штата остался онъ въ томъ монастырѣ до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю коммиссіонеръ мой купилъ у него всѣ Русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной, подъ № 323, подъ названіемъ Хронографъ, въ концѣ найдено слово о полку Игоревѣ. Рукопись эта писана на лощенной бумагѣ, *въ концѣ лѣтописи*, довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣковъ. Во время службы моей въ С.-Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложеніемъ оной пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя *довольно яснымъ характеромъ* была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія. Прежде всего должно было раздѣлить на періоды и потомъ добираться до смысла, что̀ крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано, но я не былъ переложеніемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь паче всего, чтобы не сдѣлать ошибки, подобной Щербатову, который, разбирая грамоту

*) Въ статьѣ Е. В. Барсова вм. которы напечатано к отцы.

„Новгородцевъ къ Ярославу (что̀, надѣюся, вамъ извѣстно), напечаталъ: почто отъялъ еси поле, Заячь и Миловцы“ *) (заячьими ловцы).

„Изъ сего письма видно только, что рукопись Слова была написана яснымъ характеромъ, что правописаніе и строчные знаки ея не отвѣчали нынѣ принятымъ, и что слова въ ней писаны въ сплошную строку“. Но не такія неопредѣленныя свѣдѣнія требовались Калайдовичу. Онъ снова обратился къ Мусину-Пушкину съ просьбою точнѣе опредѣлить характеръ письма и поименовать особъ, видѣвшихъ подлинникъ пѣсни Игоревой, для утвержденія сей драгоцѣнности. Но отвѣта не было. Мусину-Пушкину видимо были непріятны всѣ эти запросы: „Послѣдняго письма моего (отъ 3-го января 1814 г.) ваше сіятельство получить еще не изволили, въ которомъ я просилъ наименовать особъ, видѣвшихъ подлинникъ пѣсни Игоревой.“

„Но симъ не кончились испытанія Мусина-Пушкина. Профессоръ Тимковскій съ такою же ревностію изучавшій Слово, просилъ Калайдовича (13-го февраля 1814 г.) разузнать отъ графа: „Чѣмъ онъ руководствовался при объясненіи пѣсни Игоревой и почему такъ, а не иначе переводилъ нѣкоторыя слова? Вѣрно ли напечатана рукопись, и не дѣлано ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописанія? Какъ поступали издатели при знакахъ препинанія? Почему слово „Олегъ“ поставлено въ скобкахъ и пр. Но всѣ эти допросы едвали могли имѣть какой либо успѣхъ. Мусинъ-Пушкинъ не могъ отвѣтить на нихъ больше, чѣмъ онъ уже отвѣтилъ“.

Преслѣдованія Калайдовича были несомнѣнно нарушеніемъ приличія и личной свободы издателя гр. Мусина-Пушкина. Графъ Мусинъ-Пушкинъ, весьма можетъ быть, въ 1813 году и не могъ дать отчета объ изданной имъ рукописи въ 1800 году. Но весьма можетъ быть, что онъ и не желалъ давать отчета Калайдовичу, сом-

*) Труды Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ. 1824. ч. I. стр. 35.

нѣваясь въ его чистосердечіи и предполагая, не безъ основанія, заднюю мысль у Калайдовича сдѣлать нѣчто пріятное графу Румянцеву, относившемуся враждебно или, по крайней мѣрѣ, скептически къ изданію и къ самой рукописи. Г. Барсовъ приводитъ письмо Малиновскаго къ гр. Н. П. Румянцеву безъ числа, безъ указанія — гдѣ письмо хранится, и даже безъ упоминанія—подлинное ли оно. Письмо это есть не что иное, какъ учтивый отвѣтъ на докучливые запросы гр. Румянцева и Калайдовича. Рукопись сгорѣла и потому доказательства ея подлинности на лицо нѣтъ. Въ этомъ письмѣ Малиновскій безъ обиняковъ и оговорокъ говоритъ, что изданіе сдѣлано *съ рукописи XVI вѣка* (это у г. Барсова напечатано курсивомъ). По поводу этого письма г. Барсовъ замѣчаетъ: „и такъ, по словамъ Малиновскаго, подлинная рукопись Слова была писана въ XVI в. Если человѣкъ не только видѣлъ ее, но и изучалъ и издавалъ — и не возводитъ ее ранѣе этого времени, то мы не имѣемъ права не вѣрить ему, тѣмъ болѣе, что, много лѣтъ служа въ архивѣ иностранной коллегіи, онъ имѣлъ достаточно навыка опредѣлять характеръ письма, соотвѣтствующій XV и XVI вѣку. Наконецъ, это свидѣтельство его подтверждается новѣйшими изысканіями. Извѣстно, что Н. С. Тихонравовъ, сравнивая первое изданіе Слова съ архивскимъ его спискомъ, дошелъ до весьма важныхъ палеографическихъ особенностей, отличавшихъ подлинную рукопись, и на основаніи ихъ опредѣлилъ тотъ самый вѣкъ, который указанъ Малиновскимъ. Къ тѣмъ же выводамъ пришли и мы, основываясь на данныхъ, найденныхъ нами въ бумагахъ А. Ѳ. Малиновскаго, о чемъ и было нами доложено на III-мъ Археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ въ 1874 году.“

Чтобы взвѣсить вышеизложенныя соображенія и показанія, желательно было-бы видѣть самый докладъ Археологическому съѣзду. Е. В. Барсовъ успокоиваетъ законное нетерпѣніе, сообщая въ Ж. М. Н. П. записку, особенно важную въ настоящемъ вопросѣ. Всѣ, выписанныя Малиновскимъ слова, приводимыя Е. В. Барсовымъ, уже

приведены выше. Трудно понять, почему они могутъ опредѣлить вѣкъ рукописи.

По замѣчанію г. Барсова, изъ нихъ видно: 1) что „синемъ“ написано было сперва съ буквою Е, замѣненной потомъ гласной Ѣ, что указываетъ на колебаніе Малиновскаго при чтеніи этой буквы; весьма можетъ быть, что въ рукописи находилось начертаніе ѥ ли ѥ, что противорѣчило палеографическимъ свѣдѣніямъ Малиновскаго; 2) въ словахъ, списанныхъ Малиновскимъ, встрѣчаются для обозначенія гласной у начертанія оу и ꙋ; 3) буква д; 4) буква ѕ, 5) ѧ; 6) встрѣчается также запятая послѣ слова „крылы“, точка послѣ слова „море“ и опять точка послѣ слова „плещоучи“. Что касается до запятой посреди слова „говоряхуть“ и отдѣленіе слова „хуты“, то это не что другое, какъ для памяти записанная догадка, что „хуты“ на пр. могутъ означать какое либо хищное племя или птицу. Варіантъ ы въ этомъ словѣ не можетъ имѣть значенія, такъ какъ въ обоихъ текстахъ правильно „говоряхуть“ (ср. выше стр. 158 вар. 60).

Положительно непонятно, почему это правописаніе указываетъ именно на полууставъ, переходящій въ скоропись, и именно XVI вѣка. Заключеніе г. Барсова тѣмъ болѣе непонятно, что онъ настаиваетъ на поправкѣ Малиновскаго буквы д въ словѣ „уедіе“, и самъ называетъ исправленное д полууставнымъ; это д не только полууставное, но оно даже не полууставное переходящее въ уставное, а именно уставное. Начертаніе ѧ также не служитъ очевиднымъ подтвержденіемъ скорописи XVI вѣка. Помѣщеніе Ъ въ словѣ „тщими“ послѣ первой буквы ни въ какомъ случаѣ не способствуетъ къ подтвержденію позднѣйшаго происхожденія рукописи. Вообще, основательное замѣчаніе Тихонравова, что текстъ Слова о Плъку Игоревѣ подчиняется тѣмъ же правиламъ, что и текстъ Остромірова Евангелія, служитъ малымъ подтвержденіемъ позднѣйшаго происхожденія рукописи, такъ какъ съ каждымъ вѣкомъ, вмѣстѣ съ почеркомъ, измѣнялось и правописаніе. Вообще вопросъ объ опредѣленіи вѣка рукописи совершенно не существенъ, такъ какъ

нѣтъ на лицо рукописи. Все дѣло въ правописаніи: если правописаніе древне, то и на позднѣйшую рукопись должно смотрѣть какъ на facsimile древняго подлинника. Мы, съ своей стороны, можемъ только сердечно благодарить г. Барсова за сообщеніе выписокъ Малиновскаго, вполнѣ подтверждающихъ правильность чтенія и изданія первыхъ издателей. Г. Барсовъ замѣчаетъ, что у первыхъ издателей не встрѣчается ни Ȣ, ни ѧ, ни оу, не смотря на то, что они объявляютъ, что издаютъ древній текстъ буква въ букву. Первое изданіе напечатано гражданскимъ курсивнымъ шрифтомъ, не имѣющимъ ни Ȣ, ни ѧ, а оу замѣняется въ ономъ начертаніемъ *у*. Совершенно непонятно — какимъ образомъ ихъ можно упрекать въ неисполненіи программы. Выписанныя слова блистательно подтверждаютъ, что первые издатели мастерски прочли рукопись. Упрекъ въ переиначиваніи словъ при выводѣ изъ-подъ титлъ не опирается на положительныя данныя, такъ какъ, судя по сообщенію г. Барсова, Малиновскій ни одного слова не выписалъ съ титломъ, чтобы можно было судить — правильно или неправильно выведены слова первыми издателями изъ-подъ титлъ. Причастіе рассуш^{а} правильно въ Пушкинскомъ и Архивскомъ текстахъ прочтено рассушась. Слова „Кн. Игоря“, если Кн только было такъ сокращенно написано, что весьма сомнительно, правильно прочтены Князя, и издатели безъ зазрѣнія совѣсти могли въ этомъ мѣстѣ отступить отъ программы; если же Кн приходилось въ концѣ строки и надъ этими буквами находилась надстрочная черта, то они даже не нарушили программы. Варіантъ Казатиноу есть не что иное, какъ слѣдствіе недоумѣнія Малиновскаго во время приготовительной его работы до изданія. Слогъ „ан“ ꙟ или написанной вязью надъ строкой, или просто безъ вязи к^{ан}поу имъ прочтенъ казатину. Подобныя надстрочные азы встрѣчаются въ древнихъ уставныхъ рукописяхъ, напримѣръ; въ Новгородской лѣтописи по Синодальному списку; встрѣчаемъ ихъ и въ позднѣйшей скорописи, напримѣръ въ образцахъ скорописей, изданныхъ Есиповымъ, встрѣ-

чаетъ сродныя съ этимъ начертаніемъ писанныя вязью *ар* и *ах* въ словахъ бархатъ и ахмет.

„Какъ бы то ни было", — говоритъ г. Барсовъ, — „всѣ намѣченныя нами особенности подлинной рукописи указываютъ па то, что она дѣйствительно была писана, какъ свидѣтельствуетъ самъ Малиновскій, полууставомъ, переходящимъ въ скоропись, и притомъ именно въ XVI вѣкѣ, *но никакъ не раньше.* Нѣтъ сомнѣнія, что многія ошибки какъ въ текстѣ, такъ и въ переводѣ 1-го изданія, допущены въ-слѣдствіе именно незнакомства съ палеографіей, какъ, напримѣръ: къ мети; сице и рати; мужа имѣ ся и т. п."

Позволю себѣ замѣтить, что палеографія здѣсь введена вовсе не кстати, но единственно для того, чтобы per fas et nefas перенести вопросъ на эту почву. Чтенія къ мети, сице и рати, доказываютъ незнаніе древняго языка (къмети—слуги); сице и рати—оплошность въ-слѣдствіе позднѣйшаго принимянія перваго слова въ смыслѣ нарѣчія „вотъ"; крайне странная оплошность чтенія весьма понятнаго и обычнаго: „мужаимы ся" единственно можетъ быть разсматриваема съ точки зрѣнія палеографической: начертаніе подобное ѣ = ы, встрѣчаемое въ Новгородской лѣтописи по Синодальному харатейному списку, изд. facsimile Археографической Коммиссіей въ 1875 г., на стр. 65 и 132, могло быть неправильно принято за ѣ. Слово это разстановлено: въ 1-мъ изданіи — мужа имѣся, въ Арх. копіи — мужа имѣся, въ выпискѣ Малиновскаго—мужа имъ ся. Изъ всѣхъ этихъ чтеній весьма ясно, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ издатели не замѣтили, что они имѣютъ дѣло съ 1 лицемъ двойственнаго числа повелительнаго наклоненія глагола: мужаимыся какъ оно написано въ Радизвиловскомъ спискѣ и спискѣ Московской Духовной Академіи, а въ Лаврентьевской лѣтописи: мужаимъся, сравн. выше табл. XI. стр. 51.

Самый вопросъ о вѣкѣ написанія рукописи, по отношенію къ разсматриваемому тексту, не имѣетъ вовсе значенія. Между скорописью и полууставомъ также нѣтъ существенной разницы: потому

что таже мысль и тѣже правила, которыя замѣтны въ уставныхъ рукописяхъ, встрѣчаются и въ скорописи, относитально титлъ, сокращеній и знаковъ, замѣняющихъ буквы. Скоропись, несомнѣнно, доставилабы болѣе обильную добычу для всевозможныхъ гадательныхъ исправленій въ-слѣдствіе изобилія самыхъ разнообразныхъ, встрѣчаемыхъ въ ней, монограммъ. Должно отдать справедливость г. Тихонравову, что онъ этимъ мало воспользовался, и что почти всѣ его объясненія точно также относятся къ скорописи, какъ и къ полууставу. Существенная разница, хотя и весьма незначительная, между чтеніемъ г. Тихонравова и предлагаемымъ въ настоящемъ трудѣ заключается въ томъ, что г. Тихонравовъ вмѣсто начертанія ѣ предполагаетъ начертаніе ъ, которое могло быть прочтено Ѣ и Ъ. Въ случаѣ, еслибы начертаніе ъ обозначало въ рукописи Ъ и принято было бы за Ѣ, то эта ошибка повторялась бы неоднократно. Въ тѣхъ документахъ, гдѣ Ѣ пишется ъ, полугласная Ъ приближается къ начертанію ь-рика. Возможность подобнаго сбивчиваго начертанія скорѣе встрѣтится въ полууставныхъ древнихъ рукописяхъ, чѣмъ въ позднѣйшихъ; напримѣръ, при маломъ или невнимательномъ обращеніи съ письменными памятниками ъ можетъ быть принятъ за ѣ по сходству съ современнымъ начертаніемъ. Весь вопросъ, поднятый Калайдовичемъ и продолжающійся до сегодня, рѣшительно не имѣетъ важности по отношенію къ Слову о Плъку Игоревѣ; совершенно непонятно, почему онъ можетъ такъ долго тянуться, послѣ того какъ заинтересованныя въономъ лица давно сошли въ могилу: графъ Мусинъ-Пушкинъ и Малиновскій—съ одной стороны, графъ Румянцевъ съ Калайдовичемъ—съ другой. Г. Барсовъ ссылается на письмо Малиновскаго къ гр. Румянцеву, въ коемъ будто Малиновскій говоритъ, что рукопись писана была въ XVI столѣтіи полууставомъ, переходящимъ въ скоропись. До какой степени письмо это достовѣрно—не видно изъ статьи г. Барсова; не видно также чтобы въ немъ упоминалось о переходѣ въ скоропись. Это, сомнительное пока, показаніе Малиновскаго находится въ прямомъ противорѣчіи съ

его же показаніемъ незадолго до его смерти. Дубенскій, въ словахъ коего сомнѣваться не имѣемъ права, говоритъ: „изъ издателей А. Ѳ. Малиновскій утвердилъ мнѣніе, Мусинымъ-Пушкинымъ свѣту сообщенное—именно, что подлинная рукопись, съ которой печатали первое изданіе буква въ букву, принадлежала къ концу XIV вѣка". Къ этимъ словамъ Дубенскій, въ подстрочномъ примѣчаніи, присовокупляетъ: „Редакторъ" (т. е. самъ Дубенскій), незадолго до кончины незабвеннаго любителя нашихъ древностей, не бывши еще членомъ Общества и ему лично извѣстнымъ, имѣлъ счастіе быть у перваго редактора Слова о П. Иг. А. Ѳ. Малиновскаго; съ чувствомъ истиннаго уваженія говорилъ онъ объ этомъ твореніи, горько жаловался на критиковъ и завѣщалъ (такъ случилось!) выставить этотъ самый вѣкъ подлинной рукописи". Послѣднія слова покойнаго Дубенскаго мнѣ совершенно непонятны, о какомъ подтвержденіи мнѣнія Малиновскаго говоритъ здѣсь Дубенскій. Въ случаѣ, еслибы дѣйствительно существовало подлинное письмо Малиновскаго къ гр. Румянцеву, то оно, въ виду его постояннаго мнѣнія, навлекавшаго ему и его сотруднику графу Мусину-Пушкину навязчивые и назойливые допросы гр. Румянцева и Калайдовича, не могло имѣть другаго значенія, кромѣ желанія прекратить переписку. Весьма можетъ быть, что Малиновскій считалъ приличнымъ, въ качествѣ директора Московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, подчиниться, получивъ непосредственный запросъ отъ лица, носившаго титулъ канцлера, хотя съ 1802 г. дѣлами коллегіи иностранныхъ дѣлъ гр. Румянцевъ уже не завѣдывалъ. Письмо это звучитъ какъ-то сомнительно. Въ самомъ же фактѣ колебанія между концемъ XIV и XVI-мъ вѣкомъ ничего ни удивительнаго, ни сомнительнаго нѣтъ.

Весьма можетъ быть, что для палеографовъ, при внимательномъ наблюденіи, найдутся признаки полууставнаго почерка XVI столѣтія, переходящаго даже въ скоропись. Подобное открытіе нимало не поколебало бы довѣрія къ свидѣтельству издателей и Ермолаева,

Не видимъ ли мы и въ наше время весьма колеблющіяся опредѣленія вѣка Реймскаго Евангелія? Для опредѣленія вѣка этого Евангелія болѣе всего придано вѣса правописанію. Во время Малиновскаго на этотъ предметъ не было обращено серьезнаго вниманія; да едвали можно было этого и требовать, такъ какъ тогда мы даже не имѣли Грамматики Добровскаго, ясно указывающей—какъ мало вопросъ о древнемъ правописаніи былъ доступенъ до появленія Грамматики Копитара, при изданной имъ Глаголитѣ Клоціевой. Въ Россіи ознакомленію съ этимъ вопросомъ мы обязаны неутомимымъ трудамъ академика И. И. Срезневскаго. Весьма могло быть, что Калайдовичь чутьемъ болѣе вѣрно опредѣлилъ вѣкъ рукописи, чѣмъ издатели; но и для этого предположенія работы Калайдовича далеко не представляютъ надежныхъ данныхъ.—Е. В. Барсовъ ведетъ свой тезисъ къ тому, чтобы придти къ заключенію, впрочемъ почти безъ протеста, господствующему въ литературномъ нашемъ мірѣ: текстъ испорченъ. „Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Слово о полку Игоря, подвергаясь перепискѣ многочисленныхъ книжниковъ, и притомъ въ разныхъ мѣстахъ, не могло не терпѣть и многочисленныхъ поправокъ въ отношеніи языка. Сравните житіе Бориса и Глѣба въ Лѣтописи и въ спискѣ XII в. Сличите Задонщину въ спискахъ XV и XVI вѣка. Посмотрите, что стало съ былиной объ Ильѣ Муромцѣ или съ былиной о семи богатыряхъ, какъ скоро перешли онѣ въ рукопись и стали достояніемъ книжниковъ? Вездѣ сказывается трость книжника-скорописца." Вездѣ сказывается задушевная мысль многоуважаемаго собирателя памятниковъ, сохранившихся въ памяти народа. Нельзя не согласиться въ принципѣ съ этимъ мнѣніемъ: все, что уцѣлѣло отъ глубокой древности въ памяти народа, заслуживало этой чести и, благодаря ритму, менѣе подверглось исправленіямъ и порчѣ лжемудрствующихъ грамотѣевъ. Но въ данномъ случаѣ, т. е. въ примѣненіи высказываемой несомнѣнной истины къ существующему тексту Слова о Плъку Игоревѣ, нѣтъ никакой возможности признать, чтобы редакція, до насъ дошедшая, подвергалась исправленіямъ въ XV и

XVI столѣтіяхъ; едвали найдутся въ спискахъ XVI вѣка другіе тексты стольже архаическіе. Нельзя не припомнить здѣсь замѣтку Востокова, сдѣланную имъ еще въ 1820 году по вопросу, ему весьма близко знакомому: „замѣчавшіе большую разность между древнимъ Русскимъ языкомъ, коего остатки находятъ въ Русской правдѣ, въ Словѣ о Плъку Игоревѣ и пр., и между Церковно-Словянскимъ, разумѣли конечно подъ симъ послѣднимъ языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ.“ Далѣе въ томъ же разсужденіи (Труды Моск. Общ. Люб. Росс. Слов. XVII) Востоковъ замѣчаетъ: „Русскіе начали, кажется, уже въ XIII вѣкѣ замѣнять въ таковыхъ словахъ Ь гласною е, а ъ — о, сперва только въ производныхъ слогахъ, на пр. словомъ вм. словъмъ, огнемъ вм. огньмь; потомъ и въ самыхъ корняхъ, напр. торгъ вм. търгъ, волкъ вм. влъкъ“....

Къ словамъ Востокова необходимо прибавить краткое, но многозначущее наблюденіе академика И. И. Срезневскаго по поводу древнихъ Славянскихъ памятниковъ юсоваго письма, относящихся къ XI, XII, XIII и частію XIV вѣку, отмѣченное въ указателѣ употребленія буквъ и звуковъ, въ изд. 1868 года: „е вм. ь и о вм. ъ *во всѣхъ* памятникахъ“. Едвали можно указать въ текстѣ Слова о Плъку Игоревѣ какое либо другое, также сомнительное, новшество.

Неоднократно у насъ повторялось *мнѣніе* о порчѣ въ текстѣ Слова о Плъку Игоревѣ. Пора бы, кажется, указать на испорченныя мѣста и грамматическія неправильности. Сильнѣе и опредѣленнѣе высказываетъ свое мнѣніе Е. В. Барсовъ. Мнѣнію его можно противуположить мнѣніе человѣка, имѣвшаго много дѣла съ древними памятниками, — мнѣніе тѣмъ болѣе драгоцѣнное, что оно исходитъ отъ человѣка, не мудрствовавшаго лукаво. Бередниковъ, въ отчетѣ объ изданіи Дубенскаго, по поводу присужденія Демидовскихъ премій въ 1845 г., говоритъ:... „языкъ древній сдѣлался для насъ чуждымъ, невразумительнымъ и даже сочтенъ неправильнымъ, не грамматическимъ. Тогда явилось въ свѣтъ Слово о Полку Игоревомъ въ своей формѣ *первобытной*, неподдѣльной, съ *правописаніемъ*

и *языкомъ вѣка;* критика, отвыкшая отъ этихъ формъ, встрѣтила его съ недовѣрчивостію и *смѣло запятнала* клеймомъ отверженія. Начались *вопросы, толки, недоразумѣнія*, отъ которыхъ такъ мало выигрывала истина. До сихъ поръ было десять изданій безсмертнаго творенія; въ нихъ судили о силѣ словъ только ощупью, на угадъ; а, между тѣмъ, ни одинъ издатель не обратилъ вполнѣ вниманія на грамматическія отношенія словъ Пѣсни Игоревой, анализомъ которыхъ аподиктически должна была рѣшиться задача ея подлинности, несомнѣнность чтенія"....

Также отнюдь незамѣтно употребленіе въ пѣсни XII вѣка какихъ либо выраженій, вошедшихъ въ Русскій языкъ во время Монгольскаго ига и въ Московскій періодъ, каковы, напримѣръ: колчанъ, сайдакъ, копье мурзамѣцкое, аргамакъ, хотя всѣ эти слова могли быть въ ходу у насъ и въ XII столѣтіи, въ-слѣдствіе постоянныхъ столкновеній Русскихъ съ племенами Тюркскими, Персидскими и Татарскими. Наоборотъ, въ причитаніяхъ, записанныхъ въ Олонецкомъ краѣ, мы встрѣчаемъ: сарафаны новомодные, mode; сережки брилліантовыя, brillant; платочки левантеровыя, levantine—восточная шелковая матерія, получавшаяся чрезъ Марсель; тамбуръ, broderie au tambour; панталоны, pantalon; персонь, personne. Не слѣдуетъ видѣть въ этихъ французскихъ выраженіяхъ, зашедшихъ къ намъ въ XVIII столѣтіи, какихъ либо признаковъ порчи языка; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, это небольшое число позднѣйшихъ иностранныхъ выраженій ясно указываетъ, что причитальщицы неособенно озабочивались сохраненіемъ древнихъ формъ и, наоборотъ, примѣнялись къ требованіямъ времени и даже къ семейной обстановкѣ умершаго. Значительная доля импровизацій вызывалась здѣсь несравненно въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ пѣсняхъ былевыхъ, и даже свадебныхъ. Въ виду многочисленныхъ и весьма разнообразныхъ варіантовъ на причитанья не можетъ быть и разговора о сохраненіи древнихъ редакцій. Причитанья наши—прототипъ трагедіи—разыгрывали въ лицахъ несчастіе, поразившее цѣлое семейство; а по-

тому и невозможно предполагать, чтобы сценическое представленіе не соотвѣтствовало дѣйствительности въ каждомъ данномъ случаѣ. Непонятно, почему Е. В. Барсовъ вторитъ почти забытымъ скептическимъ нападкамъ на нашу пѣснь XII вѣка, даже вопреки очевидности; возбуждаетъ сомнѣнія о томъ, дошла ли до насъ пѣснь, сочиненная въ XII столѣтіи. Здѣсь, кажется, сомнѣніямъ и мѣста нѣтъ: текстъ на лицо; встрѣчаемыя въ немъ выраженія, правописаніе, насколько оно не утратилось замѣной формъ оѵ, ꙗ, ѧ, ѥ и надстрочныхъ знаковъ современнымъ шрифтомъ, словосочиненіе — все находится цѣликомъ въ древнѣйшихъ памятникахъ до XII столѣтія.

Въ виду подобнаго уклоненія въ область произвола, почти можно было бы согласиться съ мнѣніемъ Кіянина Димитрія, еслибы онъ самъ отъ мнѣнія своего не отказался на первыхъ же порахъ (Выводъ о томъ, что въ древней Россіи Пороско-украинскіе и Дунайскіе Трояновы валы построены были не Римскимъ, а Русскимъ Трояномъ. Кіевъ, въ университетской типографіи. 1845), въ самомъ предисловіи: „въ предложеніяхъ этого вывода, быть можетъ, окажутся ошибки, неизбѣжныя спутницы всѣмъ прокладывающимъ новый путь: я это самъ испыталъ, полагая сперва, что повѣсть о походѣ Игоревѣ издана была до Р. Х., и заключилъ-было, что находящіяся въ ней христіанскія имена вставлены древнимъ переписчикомъ; но, вникнувши въ памятники отечественные и иностранные, нашелъ свою ошибку, о которой, также какъ и о томъ, когда эта повѣсть была сочинена и съ какихъ временъ здѣсь существуетъ христіанство, скажу въ общемъ ея объясненіи“.

Кіянинъ Димитрій — человѣкъ умный, начитанный, знакомый съ всемірной исторіей и глубоко посвященный въ тайны языческаго міра. Его несомнѣнно поражалъ въ Словѣ о Плъку Игоревѣ отголосокъ древняго классическаго язычества. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ на столько былъ подготовленъ къ пріемамъ истинно-научной критики, что съ перваго же раза не преминулъ признать въ пѣснѣ интерпо-

ляціи, и именно имена христіанскихъ князей. При всемъ своемъ здравомъ природномъ умѣ, Кіянинъ Димитрій представляетъ грустный примѣръ—до какой степени школа Шлецера могла извращать умы. Въ предисловіи своемъ Кіянинъ прямо говоритъ, что онъ руководствовался лѣтописью преподобнаго Нестора въ объясненіи Шлецера, Словомъ о Плъку Игоревѣ, придерживаясь перевода Максимовича, и народными преданіями. Такимъ образомъ, становится яснымъ, что его научный критическій пріемъ принадлежитъ основателю нашей научной критической школы Шлецеру. Честь эта никакимъ образомъ не можетъ быть раздѣлена ни нашими лѣтописцами, ни людьми, передававшими ему народныя преданья. Разбирая критически, почему лѣтописцы наши не упоминаютъ о гиганскихъ Трояновыхъ укрѣпленіяхъ, Кіянинъ приходитъ къ „положительному" заключенію, что это—потому, что наши древніе ученые мужи „не любили заглядывать въ отвлеченные предметы, боясь пустоты и чего-то незримаго". Одинъ изъ моихъ пріятелей, при чтеніи приводимыхъ мною ученыхъ цитатъ, зачастую не вѣритъ мнѣ на слово и требуетъ представленія поличнаго. Въ ожиданіи подобнаго недовѣрія со стороны читателя, прилично представить здѣсь объясненіе Кіянина изложенное, очевидно, по строгимъ правиламъ науки и даже съ явнымъ признакомъ привычки поучать (стр. 37).

„Вопросъ, почему лѣтопись не говоритъ ни о постройкѣ означенныхъ валовъ, ни о покореніи Половцами Кіева?"

„Въ разрѣшеніе этого вопроса положительно можно сказать:

а) Древніе наши ученые мужи, по тогдашнему понятію и порядку, не любили заглядывать въ отвлеченные предметы, боясь пустоты и чего-то незримаго; слѣдственно, и въ сочиняемыхъ ими памятникахъ, не считали надобностью объясняться о воздвигаемыхъ крѣпостныхъ твердыняхъ, хотя они бы заключали въ себѣ и особенную важность; а потому какъ о предметахъ каждому извѣстныхъ, ничего не сказали ни о валахъ, построенныхъ Трояномъ, ни даже

о другихъ гигантскихъ укрѣпленіяхъ, воздвигнутыхъ для защиты здѣшнихъ городовъ“.

Постройка силлогизма несомнѣнно принадлежитъ привычкѣ не обращать никакого вниманія на связь между посылкой и заключеніемъ. Подобное неправильное состояніе мысленной силы, кажется, происходитъ отъ присутствія чуждыхъ, неусвоенныхъ элементовъ замѣшавшихся въ отправленія ума. Германскіе ученые, при несомнѣнной силѣ анализа, въ-слѣдствіе упрековъ французскихъ ученыхъ въ неумѣлости Германцевъ приходить къ синтезу и представлять читателю положительныя заключенія, бросились къ добыванію выводовъ, не измѣняя своего всесторонняго анализа, не допускающаго возможности придти къ заключенію. Французскіе же ученые потому именно и отличаются въ синтезѣ, что они, задаваясь преслѣдованіемъ какой-либо цѣли, анализируютъ предметъ не всесторонно, но по данному лишь направленію. Проводники отрицательной школы пришли у насъ какъ-будто къ эклектической системѣ, основанной на убѣжденіи, что такъ какъ между анализомъ германскихъ ученыхъ и ихъ выводами нѣтъ связи, а у Французовъ существуетъ крайній недостатокъ въ собираемыхъ ими данныхъ для обсужденія—то несравненно проще приходить къ заключеніямъ, вовсе не принимая въ соображеніе данныя, которыя приводятся у насъ только для вида, приличія ради.

Конечно, все это уже исчезающее схоластическое направленіе съ привитымъ моднымъ критическимъ наростомъ, произведеннымъ Нибуромъ, Шлецеромъ и К°. Кирилло-Меѳодіевской Сборникъ, изданъ въ 1865 Погодинымъ; Славянскій Сборникъ, изданіе нашего времени представляютъ обильную и вполнѣ созрѣлую жатву. Пересматривая статьи этихъ сборниковъ, трудно вѣрится глазамъ, сколь великая произошла перемѣна въ послѣдніе 15 лѣтъ въ добросовѣстномъ собираніи фактовъ и въ безпристрастномъ, трезвомъ, внимательномъ ихъ обсужденіи. Такое же отрадное впечатлѣніе производитъ появленіе исторіи Забѣлина, рѣшившагося возвратиться къ правильному взгляду нашихъ предковъ на отношенія Русскаго народа къ исторіи

человѣчества. Отчетливыя изслѣдованія С. А. Гедеонова также не могутъ не содѣйствовать къ перенесенію историко-фирологическихъ наукъ на положительную почву. К. С. Аксаковъ (Ломоносовъ въ исторіи Русской Литературы и языка. Москва. 1846 года) замѣчаетъ въ пѣснѣ отсутствіе религіознаго чувства, присутствіе въ языкѣ формъ Церковно-Славянскихъ и народныхъ Русскихъ, при правильномъ употребленіи тѣхъ и другихъ въ такомъ равновѣсіи, что памятникъ невозможно признать ни за принадлежащій къ Церковно-Славянскимъ, ни къ народнымъ. Изъ всего этого Аксаковъ выводилъ, что Слово о Плъку Игоревѣ написано иностранцемъ, быть можетъ Грекомъ, знавшимъ Церковно-Славянскій языкъ еще прежде и въ Россіи научившимся Русскому. Е. В. Барсовъ приводитъ слова К. С. Аксакова: „свои кудреватости и хитросплетенія вложилъ онъ въ сочиненіе, не имѣющее нисколько того грандіознаго вида, какой видимъ въ древнихъ Русскихъ стихотвореніяхъ, изданныхъ Киршею Даниловымъ.“

Е. В. Барсовъ усвояетъ себѣ это мнѣніе, и даже усиливаетъ приговоръ К. С. Аксакова: „Сужденія К. С. Аксакова имѣли бы полную свою силу, еслибы мы только имѣли пѣснь Игореву въ современномъ спискѣ XII в. Но, какъ мы выше показали, она издана по списку, и притомъ неисправному, XVI вѣка; а потому и всѣ предположенія Аксакова о бореніи двухъ языковыхъ элементовъ и о равнодушномъ къ нимъ отношеніи пѣвца Игоря остаются мало имѣющими значенія“.

Чувство, связывающее мнѣнія гг. Барсова и Аксакова — это ихъ горячая любовь къ такъ называемой народной поэзіи. Съ любовью ихъ къ Русскимъ пѣснямъ, сохранившимся въ народной памяти и даже съ предпочтеніемъ народныхъ пѣсенъ самому Слову о Плъку Игоревѣ почти можно помириться.

Во всякомъ случаѣ можно колебаться кому отдать предпочтеніе — Слову ли о Плъку Игоревѣ, или любому причитанію, или богатырской пѣснѣ, въ коихъ фотографически выражаются всѣ ощу-

щенія и впечатлѣнія общія цѣлымъ массамъ, и въ нихъ нигдѣ не чувствуется личность сочинителя. Сочинитель Слова самъ пережилъ передрягу, перечувствовалъ послѣдствія уничтоженія нескоро замѣнимыхъ дружины и Черниговскаго войска; энергія страсти и личнаго чувства кипитъ въ поэмѣ, при неподражаемомъ выраженіи жизни всей окружающей природы, принимающей живое участіе въ драмѣ. Въ пѣсняхъ народныхъ личное чувство исчезаетъ; въ плачахъ прозаическая обстановка, самыя прозаическія чувства выходятъ наружу самымъ откровеннымъ образомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ полной гармоніи съ потрясающимъ драматическимъ представленіемъ горя. Тутъ припоминаются и сафьянные сапожки, и стекольчатыя рамы, и предстоящій голодъ, и хожденіе по міру, и паспорты за казенной печатью; нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ неподдѣльномъ выраженіи самой прозаической обстановки кроется изумляющее искуство. Предпочтеніе народныхъ пѣсень однако не оправдываетъ предположенія, что сочинитель Слова Грекъ: потому что онъ владѣетъ мастерски Церковно-Словенскимъ и Русскимъ народнымъ языкомъ и потому что въ немъ не замѣтно того религіознаго чувства, которое будто должно было отличать въ XII столѣтіи Русскаго отъ Византійца. Много приходилось мнѣ ратовать противъ идеи К. С. Аксакова, не называя его, чтобы не тревожить дорогую его память, полагая, что онъ мысли своей никогда печатно не высказывалъ.

Какъ сильно должны были дѣйствовать отвлеченныя теоріи Гегелевой философской школы, чтобы въ пользу излюбленой идеи до такой степени укоренить презрѣніе къ положительнымъ даннымъ въ людяхъ, горячо и сознательно любившихъ памятники Русской мысли! Самое сознаніе Аксаковымъ отмѣнной правильности текста Слова о Плъку Игоревѣ уже доказываетъ, что онъ внимательно изучалъ древніе памятники; современникъ его Дубенскій, положившій начало правильному изученію текста, далеко не сознавалъ и не строго держался опредѣленія грамматической правильности текста. Е. В. Барсовъ еще болѣе жертвуетъ фактами въ пользу отвлеченныхъ идей. Пре-

зрѣніе къ фактамъ доходитъ до того, что онъ считаетъ лишнимъ сличать приводимыя имъ выписки Малиновскаго съ текстомъ по первому изданію и по изданію Пекарскаго.

Выше, на стр. 157, приведены эти выписки, сопоставленныя съ варіантами по изданіямъ Пушкина и Пекарскаго. Относительно почерка варіанты ничего не говорятъ; оригиналъ могъ быть уставный, полууставный, скорописный XVI—XVIII в., и даже печатанъ гражданскимъ шрифтомъ XIX с., судя по сообщаемымъ выпискамъ въ Ж. М. Н. Пр.

На стр. 95 я обязался помѣстить въ концѣ статьи выписку изъ приложеній къ діалектикѣ и грамматикѣ Іоанна Дамаскина, въ коей выраженъ весьма опредѣленно правильный взглядъ до-Петровскихъ Русскихъ грамматиковъ по вопросу о ѫ и іотированныхъ гласныхъ. Взглядъ Востокова находится въ ближайшемъ согласіи съ Смотрицкимъ. Смотрицкій въ своей Грамматикѣ счелъ нужнымъ упомянуть объ ѫсѣ: „Сего обыкоша употребляти люди Сербьстіи и Волохове вмѣсто ȣ и ю. Обаче и нашими писцами в нѣкихъ речешяхъ пишемь бѣ, яко: бѫду, ѫтроба, рѫки и пр.“ О маломъ юсѣ Смотрицкій знаетъ еще менѣе: „ѧ пишется въ средѣ и на концѣ; свойственнѣ же ей множьство значить паче же въ женскомъ родѣ, а въ начало токмо въ единомъ отъ именъ идѣже глаголется удъ тѣлесный, ѧзыкъ“. Смотрицкій замѣчаетъ, что это послѣднее слово пишется чрезъ ѧ въ отличіе отъ ꙗзыкъ—народъ. Немного болѣе распространяется грамматикъ XVI столѣтія въ упоминаемомъ приложеніи къ діалектикѣ и грамматикѣ Іоанна Дамаскина. Мнѣ не извѣстно, была ли эта статья о грамотѣ уже напечатана въ Москвѣ или Бѣлоруссіи и въ какомъ она отношеніи находится къ грамматикѣ Лаврентія Зизанія. Въ грамматикѣ Смотрицкаго и въ грамматикахъ, изданныхъ въ Москвѣ и Петербургѣ, въ царствованіе Петра Великаго, статьи этой я не встрѣчалъ, а потому полезнымъ счелъ напечатать ее здѣсь, какъ объясняющую наглядно вопросъ о древнемъ церковномъ правописаніи. Рукописный грамматическій сборникъ, въ коемъ находится эта статья, содержитъ въ себѣ 14 статей. Примѣчанія къ нимъ на стр. 189.

1) 40 главъ діалектики Іоанна Дамаскина . . . листъ на об. 1
Источникъ еси по истинѣ ѿче Іоанне, мысленыхъ водъ струя проливаяй, и вѣрныхъ сердца напаяяй оумнѣ. Аминь (эта статья отдѣляется отъ 40-й главы лишь надписаніемъ приведенныхъ словъ киноварью) л. „ „ 55

2) Стаго Іоанна Дамаскина ѡ осми частехъ слова (киноварью) съ новой страницы . . . листъ „ „ 57

3) Потребно есть в бжественомъ писаніи разумъ имѣти і о верхней силѣ. есть бо оударъ болшая, есть и малая оударъ... (о произношеніи и начертаніи божественныхъ именъ, кои полегку подобаетъ глашати. Съ новой страницы, безъ заглавія) . . . . листъ „ „ 64

4) Есть же въ книжномъ писмѣ, ıакоже въ буковницѣ речеся, раздвижка (о разстояніи между словъ) листъ „ „ 65

5) Суть въ бжественомъ писаніи нѣкоторіи тіи же глаголи, но разумъ не той же имутъ . листъ „ „ 66

6) Бга блгаго блгтію а за прозбою жителей столицы великаго княжьства Литовскаго града Вилни; сія кграматика Словенска языка, з газофилакіи славного града Острога, властное ѿчизны яснѣвельможнаго княжати и пана Констянтина Констянтиновича, княжати на Ѡстрогу, пана на Дубнѣ, воеводы Киевскаго, маршалка земли Волынскія, и прочая, зщедробливое его млти ласки выдана, для наученія и вырозумѣнія бжтвенного писанія, а за помощію хвою, на несмертную славу народу дому его княжатской млти. Выдруковапа в мѣстѣ Виленьскомъ, в року нарожденія Слова и Бга и Спса нашего Іса Ха, ,афпѕ, мца октябріа ĩ го дня, на память прпбныя мтре нашея Пелагеи, а ѿсотворенія свѣта ,зчє го. В друкарни дому Мамоничовъ . . . л. на об. 66

*

7) Ѿ другія діалектики пωна спанъ инъ бергера о силогизмѣ вытолковано . . . . листъ 67—72

Въ слѣдъ за этой помѣщена замѣтка князя Курбскаго, напечатанная сполна въ Опис. Библ. А. И. Хлудова, А. Поповымъ (листъ 116: сказъ Андрѣя чего ради сія написана) листъ 71 на об.

8) Ѡзнаменованіе или приказнь риторики . листъ 74

Расказывается притча: Царь нѣкій обрѣте землю оудобноу. Статья эта находится въ рукописи Рум. Муз. № CXCII. л. 4, по опис. Востокова. Предшествующая этой статьѣ въ Румянцевской рукописи CXCII начинается похвалой Риторики, которую она сама себѣ говоритъ. Эта похвала находится въ ст. XIV описываемаго сборника: книга избранная вкратцѣ о девяти Музахъ о седми свободныхъ искуствахъ. гл. III. Риторика. листъ 156.

Въ моемъ сборникѣ, кромѣ того, листъ . . 74 подъ заглавіемъ Риторика, помѣщено другое похвальное слово, которое Риторика сама себѣ говоритъ: Азъ есмь риторика доброгливаго і распозрителнаго разумѣнія, мною граматика исполняется и діалектика оукрашается.

Рѣчь Риторики оканчивается словами: едва вмѣщеніе бываетъ моему высокому оуказанію и различеству и собранію.

9) Доброcловія или хитрорѣчія наоучающія. Книги суть Риторики двои потопку въ вопросехъ списаны скорого і оудобнаго ради наоученія. Книга первая изоѡбрѣтенія дѣлъ. Началныя мѣста или статьи и т. д.... Объясненіе кончается словами возбуженія или воскуренія серд҃ца слышателей. л. 75
Конецъ первыя кънниги. . . . листъ 98

Статья эта таже, что описанная Востоковымъ подъ № CXCII. л. 7, хотя въ описаніи не упоминается заглавіе и содержаніе статьи, здѣсь помѣщаемое, а прямо начинается съ вопроса: что есть Риторика и что содержитъ оученіе ея?—Востоковъ приводитъ „Атеніенчики" и „Маркиша Тиліоуша" для опредѣленія Польскаго происхожденія этой Риторики. Эти два слова недостаточны. Кикеронъ Маркисъ Тиліушъ указываютъ на Греческое правописаніе. „Гречестіи моудреци риторію си рѣчь теченіе словъ сію глаголютъ быти. Паки же Латинстіи мудреци риторику сію наоуку нарекли, и сего ради проименовашеся отъ тоя риторъ, си рѣчь оучитель богословія наченъ есть. Такоже наоука отъ Димонтена (sic) Греческаго ритора си рѣчь хитрорѣчиваго, и отъ Маркуса Тилиоуша и Кикерона Латынскаго хитрословія началника". Въ этой же статьѣ упоминаются Ликиниоушъ и Клаоудиоушъ; не объяснено—почему эти Малороссійскія формы, употребляемыя весьма эрудитными людьми, какъ Галятовскій, опредѣляютъ, что компиляція составлена на основаніи какого либо Польскаго трактата.—Компиляція составлена по книгамъ древне-Церковно-Словенскимъ, Греческимъ, Латинскимъ, можетъ быть и Польскимъ, хотя въ редакціи этого вовсе незамѣтно; даже изъ участія князя Курбскаго въ нѣкоторыхъ изъ статей сборника и составленіи сборника въ Бѣлоруссіи нельзя еще дѣлать заключенія о Польскомъ его подлинникѣ. Латинскія имена на „ушъ" встрѣчаются въ древнихъ редакціяхъ сказаній о Троѣ и объ Александрѣ и составляютъ весьма правильную транскрипцію, какъ видимо бывшую въ ходу въ разныхъ

Славянскихъ земляхъ, и болѣе и долѣе, чѣмъ гдѣ либо, въ Малороссіи.

10) ....словъ. Образцы или вообраҗенія или цвѣточцы л. 99—114

Тропосъ пременение словъ. Ко приточному разумѣнію и ко изящному гл҃нію.—Заглавныя буквы и слова не обозначены въ рукописи и, судя по оставленнымъ мѣстамъ, они должны были быть роскошно разукрашены; въ этой статьѣ говорится о риторическихъ фигурахъ.

11) Словенски ѡ грамотѣ і о ея строепіи, в ней же о буквѣ і о ея писменехъ вопрошенія оуч҃тельская, яко в лицо оученическо і ѿвѣщанія оученическая яко в лицо уч҃тельско. Вопросъ: что есть грамота и что ея строеніе . . . . л.115—147

„И еще б҃жіею помощію побесѣдуемъ о писменех і о ихъ содержаніи“ . . . . . . л. на об. 119

Эта статья, самая важная въ отношеніи къ нашему древнему правописанію, выражаетъ взглядъ Русскихъ до-Петровскихъ ученыхъ на правописаніе. Статья эта болѣе полна, чѣмъ указанія, сохранившіяся въ грамматикахъ Смотрицкаго и иподіакона Максимова, ученика братьевъ Лихудіевъ.

Діалектическія риторическія и грамматическія указанія, вошедшія въ составъ этого сборника, собраны изъ сочиненій Іоанна Дамаскина по переводу Іоанна Екзарха, князя Курбскаго и діалектики Спангенбергера, и относятся до всей нашей уставной письменности. По опредѣленію статьи о грамотѣ, ѫ признается гугнивой и произвольной гласной, что весьма мѣтко опредѣляетъ его отношенія къ Польскому языку и къ Болгарскому. Въ рукописяхъ

Болгарскихъ ѫ дѣйствительно обозначаетъ разные неопредѣленные звуки между А и Ъ.

12) Написаніе о клоненіяхъ съ топкословіемъ извитіе словесъ ѿ осмочастныя книги богомудраго философа. л. на об. 143

13) Книга избранная вкратцѣ ѡ девяти Мусахъ и о седми свободныхъ худѡжествахъ (киноварью).

	Предисловіе	листъ. . . 149
гл. а҃.	Ѿ девяти Мусахъ сказаніе. .	л. на об. 151
гл. в҃.	Грамматика, первое свободное художество	„ „ „ 153
гл. г҃.	Рiторiка, второе свободпое художество	„ „ „ 156
гл. д҃.	Дiалектiка, третiе „ „	„ „ „ 159
гл. є҃.	Арiѳметiка, четвертое „ „	„ „ „ 161
гл. ѕ҃.	Мусiка, пятое „ „	„ „ „ 165
гл. з҃.	Геѡметрiа, шестое „ „	„ „ „ 169
гл. и҃.	Астролѡгiа, седмое „ „	„ на об. 173

14) Рiторства. Еже како изчезе мрованiе си рѣчь смыслъ, и еже како скрыся слово . . . листъ на об. 176

Это рiторство обозначаетъ, кажется, Риторею или Литорею, но не буквенную. Неудобопонятная метафизическая статья оканчивается словами: „ѿ сихъ убо нн҃ѣ вократцѣ, бг҃у поспѣшествующему, чрезъ бл҃гополученiе великаго нашего монархи Царя и Самодержца, во иное благое время пространнѣе о всѣхъ напишется“. За этими словами слѣдуетъ:

„Стихи iроелегистiи на Апол҄лона, на Мусы и на седмь свободная художества“.

Они, вѣроятно, относятся къ основанiю Славено-Греко-Латинской академiи въ Москвѣ, учрежденной Царемъ Ѳедоромъ Алексѣевичемъ. Стихи эти, какъ и вся статья о риторствѣ, напечатаны сполна, на стр. 194 и сл., такъ какъ этотъ взглядъ ритора конца XVII стол. указываетъ—какiя хитросплетенiя и упражненiя въ словоскрытiи преобладали въ средневѣковой литературѣ.

Въ статьѣ о грамотѣ, помѣщенной въ этомъ грамматическомъ

сборникѣ, находится опредѣленіе ѫса — гугнивымъ и произвольнымъ; изъ этого опредѣленія видно, что наши грамматики сознавали носовое значеніе ѫса въ древнихъ Церковно-Словенскихъ памятникахъ, каковы Остромирово Евангеліе, по его звуковому соотвѣтствію гласной Ȣ, а равно и неопредѣленное, произвольное звуковое значеніе этой буквы въ Болгарской письменности (ѫ дѣйствительно въ Болгарской письменности соотвѣтствуетъ, какъ уже здѣсь неоднократно говорено было, цѣлому ряду гласныхъ, дифтонговъ и полугласныхъ. Оба ѫ соотвѣтствуютъ вполнѣ гласной, сопряженной съ нѣмыми Л, М, Н и съ гугнивымъ Г. Буква эта соотвѣтствуетъ французскому ou, au, ol и al: fou и fol; cheval chevaux; il, eux. Въ статьѣ о Синдѣ, Зундѣ и Сундаряхъ приведено много примѣровъ изъ Романскихъ, Германскихъ, Финскихъ и Татарскихъ языковъ, указывающихъ на соотвѣтствіе звуковъ Сугдъ, Soldaia, Sund, Soudan, Sultan—нашему сѫдъ. Норренское Sund—fretum, natatus въ близкомъ сродствѣ съ Финскимъ saüdan, грести, что вполнѣ объясняетъ значеніе нѣмецкаго Sund. Невозможно сомнѣваться, что это слово, по крайней мѣрѣ, принадлежитъ столькоже Азіи, какъ и Европѣ. Многочисленные проливы на дальнемъ Востокѣ называются Сундъ—тѣмъ же именемъ, которое между туземцами было уже въ употребленіи до распространенія Европейскаго вліянія.

Судя по одной изъ статей этого сборника, въ немъ видно значительное участіе иностранца, и именно Грека:

На листѣ 141: „оу васъ же Рȣсѣхъ, долгъ оубо складъ есть иже писȣтєсѧ, и ѡ, ѣ, ы, Ȣ, ѧ, ѫ“.

На оборотѣ того же листа: „овогда же с силами, ли озіею, ли периспоменію ⁀, ли варіею. такоже и оу васъ Русѣхъ подобаетъ быти. . . . а глемая времена и макрà, і врахій оу васъ Рȣсѣхъ никакоже потребно“.

Выписанное здѣсь помѣщено въ статьѣ, начинающейся на обо-

ротѣ л. 133, со словъ: „полное число пишутъ на дс҃кѣ, а неполное число на исподи“. Статья оканчивается на стр. 142.

Въ статьѣ о грамотѣ есть нѣсколько указаній болѣе опредѣленныхъ и полныхъ, чѣмъ въ грамматикѣ Смотрицкаго и грамматикахъ, изданныхъ въ 18-мъ столѣтіи. Въ статьѣ XI, стр. 120, находимъ опредѣленіе ѫса гугнивымъ и произвольнымъ во всякомъ случаѣ за много лѣтъ до открытія, сообщеннаго Востоковымъ въ Труд. Моск Общества Люб. Росс. Слов. въ 1820 году.

„*Вопро*ⷭ҇. Которыя писмена звателныя и которые полꙋзвателныя в̾ бꙋквѣ и колико ихъ число изочти ми я вся. *Ѿвѣтъ*. Звателныхъ писменъ в̾ бꙋквѣ двадесять со единемⷭ҇ и сꙋть сіи: а̑, є, и̑, ї, о, ꙋ, ѿ, ъ, ы, ь, ѣ, ю, ѫ, ѩ, ѥ, ѡ, оу, ѵ, ѕ (6) и (8) ѧ (4). *Вопросъ*. Звателныя писмена кои и которыя гласы обдержитъ по статіямъ. *Ѿвѣтъ*. Сіи писмена сицевыя гласы обдержитъ.

азъ, гласъ знамениⷮ и простъ обдержиⷮ .а. назнаменателенъ .ѩ. внятеленъ. статія первая.

єсть скуденъ гласъ обдержиⷮ. ѫть гибокъ. ѥ доволенъ. статія вторая.

иже оузокъ гласъ обдержитъ. єры широкъ. ї плосокъ. статія третія.

онъ ѿстрогла обдержитъ. ѡ гладокъ и логоватъ. ѿ затинчивъ. статія четвертая.

икъ пространенъ гла обдержитъ. оу доволенъ. ю крѣпокъ. ѫсъ гугнивъ и произволенъ. ѵ неоуставенъ. статія пятая.

єръ толстъ гласъ обдержитъ и кратоⷦ҇. єрь тонокъ и кратокъ, и сокращенъ і ѡпроверженъ, єрица ꙗкоже єръ. статія шестая.

Ижица послѣдꙋетъ во иныхъ мѣстѣ. Сіи писмена сицевыя гласы обдержаⷮ и в нихъ десять писменъ дѣлныхъ и вкупѣ имянныхъ, ꙗкобы содѣлаются гласыма; і ѿ тѣхъ є писменъ началнѣйшихъ сіи есть: а̑, є̑, ї, ѡ̑, оу; другая пять писменъ тѣмъ способны

и сꙋть сія: ѧ, є, ї. о, ѵ, і ина ї (8) писмянъ самособны не помогают ни требꙋютъ согласія и сꙋть сіи: ѿ, ы, ѣ, ю, ѧ, ъ, ь, и; и еще два писмени поданныя пишꙋтся во иныхъ мѣсто писменъ: ѫ, ѵ; сіи писмена имѣютъ слогъ равенъ и ѿ тѣхъ два писмяни имут слогъ кратокъ єръ да єрь, і едино писмя имать сокращенъ й. *Вопросъ.* Которые писмена звателніи вмѣняются в мѣсто писмянъ звателныхъ же и кое в колико писменъ в мѣняютъ. *Ѿвѣтъ.* Соуть сіи писмена вмѣняются тако и в толико.

ӑзъ в мѣняют в два писмени, первое за аꙁъ, второе за ꙗ; а врядъ, гдѣ прилꙋчится в реченіи два ꙗ, то в последняго мѣсто аꙁъ с варіею вмѣняютъ, также и во всѣхъ писмянехъ звательныхъ вмѣняютъ ꙁъ за ꙗ с варіею и без варіи, а самъ ӑзъ в себѣ третіе писмя.

ѥсть вмѣняютъ за є, а само в себѣ второе.

ӥже в мѣняю за і, а само в себѣ второе. і за иже, а само в себѣ второе; гдѣ лꙋчится в началѣ реченіи два і, то в послѣдняго мѣсто ѥже; а гдѣ прилꙋчится в срединѣ реченіи иже, а по немъ і, то во иже мѣсто і, а во і мѣсто иже, такоже и в концехъ и в началѣ; а во всѣхъ писменехъ звательныхъ в срединахъ реченіи и в концѣхъ иже в мѣняю за і и за иже, а само в себѣ третіе. і вмѣняютъ за иже, а само в себѣ второе; ѻнъ вмѣняю за ѿ, а само в себѣ второе. ӥкъ вмѣняютъ за оꙋ, а само в себѣ второе; юсъ вмѣняютъ за два писмени, за икъ и за ю, а само в себѣ не владѣетъ; а гдѣ прилꙋчится во единемъ реченіи порядꙋ два ю, то в послѣдняго мѣсто вмѣняютъ ѫ; такоже і ижица писмя само в себѣ не владѣетъ, а вмѣняютъ за четыре писмени: первое за ӥже, второе за ӥкъ, третіе за оꙋ, четвертое за вѣди. Ѥрицꙋ вмѣняютъ за єръ и в слозе єрєцꙋ єромъ имянуютъ, а в рядꙋ не пишꙋтъ; сіи писмена тако и в толико писменъ вмѣняются. *Вопросъ.* Како кои писмена звателныя разпятся со знамяны. *Ѿвѣтъ.* Тако сꙋть сіи писмена разпятся: аꙁъ со знаменіемъ ѧ, ѥсть со знаменіемъ є, иже со знаменіемъ і, ѻнъ со знаменіемъ ѿ, ӥкъ со знаменіемъ оꙋ, тако і ижица со знаменіемъ ѵ, и паки ижица со

двѣма знаменіи и҃же ѵ҃. *Вопросъ.* Кои писмена соединяют҃ся бе҃на-менія в҆срединахъ рѣченіи и в концѣхъ. *Ѿвѣтъ.* Тако соединяются писмена бе҃намянъ просто: і҃ безпамяни и҃же, и҃же в҃срединахъ рѣченіи и в концѣх҃, е҃сть безпамени е҃, оу҃ безпамени ѵ҃, и҃жица безнамени ѵ҃. вѣди. *Вопросъ.* Како которые пис҃мена звателныя строенія содержатъ рѣченіемъ красоты ради изложены в началѣхъ и в срединахъ и в концѣхъ. *Ѿвѣтъ.* Сицево изложено и сице пишꙋтъ три писмени: в началѣхъ рѣченій и в҃срединахъ первое а҃, второе ѿ, третіе оу҃, толико во единой рѣчи ѡбдержитъ оу҃. в концыхъ гдѣ глє҃тъ не оу҃ прилꙋченіе времени бываетъ; а двападеся҃ писменъ содержатъ в срединахъ рѣченій и в концѣхъ, и сꙋть сіи: а҃, е҃, оу҃, ъ, ы, ь, ѣ, ѫ, ѵ҃, і ѿ сихъ едино писмя о҃нъ содержитъ в҃ началѣхъ рѣченіи, а пишꙋтъ его пре҃ единемъ ыкомъ, а· слагаетъ оу҃, а другое писмя мало содержи҃ в началѣ реченіи прилꙋченіемъ ѣ. А шесть писмянъ содержитъ в҃началѣхъ рѣченіи, в҃срединахъ и в концѣхъ, и сꙋть сіи: і҃, е҃, ю, ꙗ, ѡ, ꙋ; і ѿ сихъ едино писмя ѡ содержитъ на двое: в началѣхъ реченіи просто, а в срединахъ рѣченіи и в концѣхъ пред҃ звателными писмены и по звателныхъ и пред полꙋзвателными писмены просто же; а полꙋзвателныхъ писмянехъ слагается логовато. Сія вся изложенія из҃явлены о звателныхъ писмяне҃; помалѣ же предложится бесѣда о звательствѣ і ѡ его ра҃дѣленіяхъ, ни҃ѣ же сице воспомянемъ ѡ писмянохъ полузвателны҃ і о нихъ изложеніяхъ, да извѣст҃но бꙋдетъ колико которыхъ писмянъ. *Вопросъ.* Колико есть в҃буквѣ писменъ полꙋзвателныхъ. *Ѿвѣтъ.* Полузвателныхъ писмянъ в҃буквѣ к҃д. *Вопросъ.* Которыя, изочти ми я вся. *Ѿвѣ҃.* Сіи сꙋть: б, в, г, д, ж, ѕ, з, к, л, м, н, п, р, с, т, ф, х, ц, ч, ш, щ, ѯ, ѱ, ѳ. *Вопросъ.* Полꙋзвателныя писмена кои и которыя ѡбдержать гласы. *Ѿвѣ҃.* Сіи сицевыя гласы ѡбдержатъ: два писмени грꙋбы, б, п; три писмени свиблывы, в, ф, ѳ; два писмени тяжки я натꙋжны и гуг҃нивы, г, х; два писмени просты и легки, агромны, д, т; два писмени шепетливы, ж, ш; пять писмянъ сипавы, ѕ, з, с, ѯ, ѱ; три писмены ѩсены, ц, ч, щ; два писмены кортавы, к, р; три писмены нѣмы,

л, м, н. *Вопрѡ̑.* Полꙋ̆звателныя писмена кои, с которыми гласы сходятся нꙋ̆ждею недостатка ради ꙗзычнаго и колико ихъ число. *Ѿвѣтъ.* Полꙋ̆звателныхъ писмянъ сходителныхъ еі҃, и сіи с ними сходятся боуки с покоем, вѣди с фертомъ да с ѳитою, глаголь с хѣромъ, добрѡ с твердо̑, живѣте с шею, землѧ с ѕѣломъ да̑ словомъ, цы с червемъ, і ѿ сихъ сходительныхъ писменъ едины чисты, а другія тусклы; чистыя же сіи: б, в, г, д, ж, ѕ, з; а тꙋ̆склыя же сія: п, ф, ѳ, х, т, с, ш, ч. аще ктѡ недоволенъ вь ꙗзыцѣ, и тѣ сходителныя писмена вмѣняя едино в другое и другое во едино, всяко рѣченіе исполнитъ немотою и в разꙋ̆мѣ мощно знати, а писати тако негодно. *Вопрѡ̑.* Колико писмена полꙋ̆звателныя сходятся во едины согласія неразвратно, кои с коими. *Ѿвѣтъ.* Согласныхъ писмя̑ полꙋ̆звателныхъ д҃, сіи с сими: ѕѣло с землею единако, фертъ с ѳитою единако же неразвратно; сія вся изложенія ꙗвлены ѡ полꙋ̆звательныхъ писменехъ. Немпозе же предложится бесѣда о полꙋ̆звательствѣ і о пристоящихъ к немꙋ̆ раздѣленіяхъ; а преже извѣсти̑ звательство каково есть л. 120—123.

Статья о граммотѣ оканчивается правилами объ акцентахъ, въ слѣдъ за которыми помѣщены буквенныя числа до десяти тысячъ, стр. 132 и 133:

„*Посемъ бо потрѣба сказати о писменехъ вымолвныхъ.* *Вопросъ.* Что есть писмяна вымолвпая и како ихъ пишꙋ̆тъ. *Отвѣтъ.* Писмена вымолвныя, рекше сила ис̑правленію вѣщапей, тѣмъ много разꙋ̆мъ разнится, а пишꙋ̆ ихъ верхꙋ̆ писмянъ. *Вопрѡ̑.* Колико писмянъ вымолвныхъ. *Ѿвѣтъ.* Вымолвныхъ писмянъ десять сіи сꙋ̆ть:

а҃ е) звательцо̑ пишется в̑ началѣхъ рѣченей на̑ звателными писмяны.

в҃ е) йксъ ̑ пишется в началѣхъ рѣченей на̑ звателными писмяны с протяжкою объявится.

г҃ е) оксь ́ в срединахъ рѣченей с протяжкою объявится.

д҃ е) варія ̀ в̑ концѣ рѣчепей полагается с протяжкою обновляется.

є҃ е) а҆построфъ пишется на единемъ писменемъ звателны ѿ, ѡ҆, и҆, ю҆, како оучатъ, тако и глю҃тъ просто.

ѕ҃ е) великій а҆построфъ пишется на единемъ писмянемъ на ѿ; ѿ с восклицаніемъ обновляетъ сице, ꙗ҆ко се: ѿ ѿ ѿ премногомъ ти чл҃колюбіи и прочая.

з҃ е) камора пишется на двема или на трема писмены над полными рѣчьми, яко се то все на единогласною рѣчію.

и҃ е) ста҆га едино с каморою.

Девятое) смычецъ единою же с каморою, пишется гдѣ прилучится рѣчь два.

і҃ е) титла, рекше покрытіе ~, пишутся по нимъ имена полныя в малыхъ писменехъ; аще на единемъ писменемъ напишутъ покрытіе, творитъ число, а не сложеніем числа пише, но избранными писмяны ѿ буквы.

Калайдовичъ (Іоаннъ Екзархъ Болгарскій. Москва. 1824. стр. 81) сообщаетъ выписку, соотвѣтствующую упоминаемой мной на стр. 179, подъ № 1, статьѣ, помѣщенной въ слѣдъ за сороковой главой Философіи или Діалектики Іоанна Дамаскина. Въ выпискѣ Калайдовича:

„Философія въ спискѣ Даніила Митрополита, содержащая 44 л., заключается слѣдующими словами:“ источникъ поистинѣ еси, отче Иване! мысленныхъ водъ струя проливая и вѣрныхъ сердца напаяя умнѣ. Аще и въ епистоліи, сирѣчь въ посланіи, сей святый сице рече: яко по еже представити яже о премудрыхъ Еллиньскыхъ сихъ сблизъ изложу яже ересей, тажде истины; но убо мы разумнѣ сътворихомъ, по философѣхъ яже истины представльше, тажде яже ересей, не противящеся святому, не буди то, отступи, но паче изволивъше яже истиною извѣстнѣ вѣдѣти, неже яже ересей. „Слѣдовательно—присовокупляетъ Калайдовичъ—Ексархъ Болгарскій сдѣлалъ нѣкоторыя перемѣны въ расположеніи своего подлинника“.

Въ принадлежащемъ мнѣ грамматическомъ сборникѣ находится болѣе пространное послѣсловіе, отдѣленное отъ сороковой главы написаннымъ киноварью заглавіемъ, оканчивающимся словомъ: Аминь.

„Источникъ еси поистинѣ ѿче Іоанне, мысленыхъ водъ струя проливаяй, и вѣрныхъ срⷣца напаяй оумнѣ. Аминь.

„Аще и в посланіи сей сты̑й сице рече: ꙗко по еже прⷷ҇ставити ꙗже ѿ мудры̑ Еллиньски сѝ соблазъ изложу ꙗже ересей, таже ꙗже истины, но оубо мы разм̑ѣнне сотворихо̑ по философехъ ꙗже истины прⷷ҇ставльше. таже ꙗже ересей. не противящеся сто̑му ѿступихомъ. но паче изволше ꙗже истины истиною извѣстнѣ вѣдати: неже ꙗже ересей.

„Кирилъ Словенскій вопросѝ бы̑ ѿ Логофета, что есть философія, рече Бжіимъ и члческимъ вещемъ разумъ, и елика можетъ члкъ приближатися Бзѣ, ꙗко дѣтелію оучитъ его, по образу и подобью быти сотворившему и.

„Егда бо сила есть дѣйство, существо не глетсл, а паче есть; егда же дѣйство есть, сила не глетсл, но дѣйство, дѣйствуемаго ради.

„Неѡпредѣлна, оустава не имꙋщи; прⷷ҇ѡпредѣленіе, предъположеніе; безчинꙋ, безмѣры; ѿлично, неподобно; паручно, неразсудно; белегъ, срока знаменіе иже в крꙋзѣ; имство, разꙋмѣніе, или чювство дхѡвное; ѡгню оубо имьство есть, еже есть качество согрѣвателно; илектронъ есть камень честенъ зѣло свѣтелъ; злато, сребро, олово, сꙋнторь ѿ земля качеству сꙋть; коварство. нравъ; серафимъ, пожигателіе или согрѣвателіе; херуві̑, множество разума или излитіе премудрости; престоли, горѣносное и неклонительное, неколебательнѣ и благостойнѣ присѣдимое; прⷭ҇толи, херувимъ, серафимъ; человѣкъ истинѣ пакость, ѕлу наставникъ, древле клеветникъ.

Словесница Аристотелева, Богословія Платонова, Піитики многихъ философъ слова, тѣми книгами можетъ кождо философъ свою книгу составити; глава сѝ Омиро: ГЪ Бгъ создалъ члка посредѣ двою животну, посредѣ агглъ и скота, нижьши агглъ гнѣвомъ и плотію, а выше скота словомъ и смысломъ.

Имя, слово, часть, загадка, прозвище, присловіе, слꙋченіе слдка (складка) (стр. 55—56).

Здѣсь кстати замѣтить, что въ учебникѣ, приготовленномъ къ

печати въ 1586 году, для составленія философическаго сочиненія, указывается на Гомера, какъ на главу системы.

Мысль вообще вѣрная, что начало философіи содержится въ памятникахъ, хранящихся въ народной памяти. Это значеніе Гомеръ и Гезіодъ имѣли въ древности. — Въ Календарномъ Сборникѣ подъ названіемъ: „Рука Богословля а҃ Вселенскаго Собора тн҃і с҃тыхъ отецъ, обхожденіе пасхи и лунному кругу въ ф҃л҃в лѣтъ“ — помѣщена, вслѣдъ за исчисленіемъ вышедшихъ изъ Египта Израильтянъ, на двухъ страничкахъ та же статья о философіи: „Блаженный Коньстантинъ философъ вопросимъ бысть ѿтъ холастика (схоластика) Логафета Варахисія кіарта“. Въ ней находится также ссылка на Гомера, немного подробнѣе и понятнѣе: „Философьство имать держати твердо и разумнѡ и словеса и рѣчи украсити и составляти главизна повѣствуется є́й Омиро“. Затѣмъ приводятся тѣ же слова, что человѣкъ созданъ между аг҃глъ и скота.

Эти ссылки на Гомера, какъ источникъ философіи, въ грамматическомъ и календарномъ сборникахъ, весьма важны, какъ подтверждающія фактически предположеніе объ извѣстности Гомера въ древней Россіи, и особенно въ училищномъ мірѣ, со временъ первоучителя Кирилла. Въ томъ же календарномъ сборникѣ помѣщена физіологическая статья, находящаяся въ прямой связи съ словами Гомера, приводимыми св. Кирилломъ; эта статья указываетъ на пространный трактатъ, приписываемый Гомеру: „Изъ Омира мудреца ѡ составленіи тѣлесъ младенческихъ во утробѣ“. Въ слѣдъ за статьей мудреца Гомера исчислены отношенія частей тѣла къ мѣсяцамъ и знакамъ зодіака и разные указы, какъ человѣку „руда метать“ и другія цѣлительныя средства. Такимъ образомъ, мы видимъ, что Гомеръ у насъ игралъ ту же роль знахаря и Баяна, какъ Виргилій въ западной Европѣ. Статья эта весьма напоминаетъ богословіе и философію Индѣйскую: Oupnek'hat. 14. brahm 112, 28, br. 136, изд. Анкетилемъ Duperron въ 1802 году.

Въ описаніи Румянцевскаго музея Востоковымъ, подъ № CXCI,

въ грамматикѣ Іоанна Дамаскина по переводу Іоанна, Екзарха Болгарскаго, скорописью XVI или XVII вѣка, это же мѣсто читается:

„Тѣми книгами (Аристотеля и Платона) м.жетъ к.жд˙. Өлсфъ св˙ю книгу с˙ставити ˙ глава ей Оміръ: Гдь Богъ сѡда и т. д.

Въ сборникѣ разныхъ поученій подъ № CLXXXII, названномъ Златоустъ и описанномъ въ 1555 году, между словами Святыхъ Отецъ, предполагаемыхъ Востоковымъ русскими, читается на обор. 23 л.: такоже и Кириллъ философъ рече . человѣка созда Богъ между двоу и т. д.

Эти частыя указанія на нашего первоучителя Кирилла, называвшаго Гомера главой древней философіи, достаточно поясняютъ, что въ древней ученой Россіи смотрѣли на Гомера, какъ на Бояна или Кагана, древнѣйшаго учителя философіи и теозофіи. Таковы суть дѣйствительно рапсодіи Гомера и Гомеридовъ, т. е. сборникъ заключающихъ въ себѣ всю древнѣйшую мудрость народныхъ эпическихъ пѣсенъ.—Для классической Греціи и для училищнаго міра этотъ Боянъ былъ Гомеръ; но у другихъ народовъ онъ могъ называться Мерлинъ, Мимиръ, Одинъ, Баянъ, Тюрунъ, Музыкай, Линъ, Орфей, Пэанъ, Эскулапъ, Есмунъ и т. п. Имена эти обозначали школы или, правильнѣе, ордены пѣвцовъ и знахарей.

Этотъ взглядъ на Гомера едвали перешолъ къ намъ изъ Константинополя, въ XVI столѣтіи; если въ XV и XVI столѣтіи снова пробудилось въ Россіи стремленіе къ классическому образованію, то не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ случаѣ, если даже упоминаніе въ учебникахъ о Гомерѣ, какъ источникѣ философіи, есть позднѣйшая вставка, то весьма важно, во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что наши учители XVI, XVII и XVIII вѣка съ греческимъ или, пожалуй, и латинскимъ оттѣнкомъ, указывая на Гомера, какъ на главу философіи, считали правильнымъ ссылаться на Словенскаго первоучителя Кирилла. Имя Гомера и его первенство между поэтами выражено въ томъ же грамматическомъ сборникѣ, въ позднѣйшей статьѣ, стр. 100—102. Имя его приводится для поясненія риторической фигуры: „Что есть антономія“.

„Антономасія, то есть егда начертаніе, или ознаменованіе, или истинпословіе или описаніе ставимъ вмѣсто каковаго имѣнія якоже есть вмѣсто Омира—творца стиховъ, вмѣсто Аристотеля—философа, вмѣсто Спаса—Хр҃та, вмѣсто гнѣва—злость. Латинскимъ языкомъ антономасію называютъ пеормутасіѡ (permutatio) сирѣчь примѣненіе".

За послѣсловіемъ слѣдуетъ въ сборникѣ съ новой страницы: С҃таго Іоанна Дамаскина ѡ осми частехъ слова; вслѣдъ за симъ три статьи, помѣченныя на стр. 179, подъ 3) о титлахъ и надстрочныхъ знакахъ, 4) о раздвижкѣ и 5) о вопросительномъ, отрицательномъ разумѣ и разумѣ удивленія съ примѣрами. Каждая изъ этихъ статей написана въ видѣ отдѣльной замѣтки. На оборотѣ 66 листа помѣщена помѣтка о выходѣ книги въ Вильнѣ въ 1586 году. Таковаго изданія вовсе не извѣстно, хотя Лелевель и помѣстилъ его въ спискѣ первопечатныхъ книгъ, вѣроятно на основаніи этой же самой помѣтки, напечатанной Калайдовичемъ въ Іоаннѣ, Екзархѣ Болгарскомъ. Въ слѣдъ за переводомъ философіи и грамматики Іоанна Дамаскина, приготовленномъ къ напечатанію въ Вильнѣ, помѣщена въ рукописи діалектика Іоанна Спангенбергера, германскаго богослова, отца Киріака Спангенбергера, автора многихъ руководствъ и, между прочимъ, автора сочиненія о музыки и пѣвцахъ, изд. въ 1861 г. Келлеромъ (Bibl. des Litt. Vereins in Stuttgart).

Отецъ Киріака, издалъ нѣсколько сочиненій, относящихся до пѣнія, преимущественно церковнаго. Его же Postilla Deudsch Witt. 1543, было переведено на Чешскій языкъ: Postylla czeska w. Proslegowe Ian Guntter. 1546. in 4.

Не входила ли діалектика въ составъ философскихъ сочиненій Вольфрама Спангенбергера: Anmutiger Weisheit Lustgarten erstlich von Martino Mylio nun aber durch Lyc. Psell. Androped. Strasburg bey Ioh. Carolo. 1621. in 8.

Сборникъ оканчивается статьей, указывающей на сколько можетъ быть затруднительно пониманіе средневѣковыхъ трудныхъ повѣстей. — Весьма можетъ быть, что Сеньковскій вѣрно понималъ

прилагательное „трудный“ какъ относящееся къ загадочности изложенія. Сеньковскій видѣлъ въ этомъ выраженіи доказательство Польскаго школьнаго вліянія; но Греческіе риторы до и послѣ XII-го столѣтія едвали уступали Латинскимъ. — Весьма любопытно, что Галятовскій такъ понималъ это выраженіе: „тріе ми есть“ говоритъ Соломонъ въ притчахъ своихъ „невозможная уразумѣти и четвертаго не вѣмъ: слѣда орла паряща и пути змія по камени и стези корабля пловущи по морю и путей мужа въ юности“ (XXX. 18—19). Вмѣсто „невозможная уразумѣти“ въ ключѣ разумѣнія Галятовскаго находится „трудныя рѣчи“: „Написалъ Соломωн в приповѣстѧх; три рѣчи суть мнѣ трудныи: дорога орла на повѣтру, дорога ужа на камени и дорога карабля на морѣ. Православніи Христіяне латвыи (легкіи) суть речи которыи Соломонъ трудными называетъ“ [стр. рѯв на оборотѣ]. „Патріархове старозаконныи вѣрили труднымъ и неподобнымъ речамъ, которыи Богъ мовилъ, такій былъ Авраам который немѣлъ потомка, а гды мовилъ ему Богъ: возри на небо и сочти звѣзды аще можеши почести тако будетъ семя твое, теды вѣрова Авраамъ Богу и вмѣнися ему въ правду“ [ч. II, стр. ӣа]. Тоже значеніе имѣютъ „трудныя словеса“ въ Екклесіастѣ I, 8: вся словеса трудна не возможетъ мужь глаголати и не насытится око зрѣти ни исполнится ухо слышанія. Что было тожде есть еже будетъ; и что было сотвореное, тожде имать сотворитися: и ничтоже ново подъ солнцемъ.

Выраженіе трудный соотвѣтствуетъ здѣсь Греческому οἱ λόγοι ἔγκόπιοι, трудныя словеса.

Привожу здѣсь сполна послѣднюю статью сборника:

Риторство. Еже како изчезе мудрованіе, си рѣчь смыслъ и еже како скрыся слово.

Понеже рождается словомъ въ сердцѣ а еже како разліяся сугубое, си рѣчь нѣкія душевныя и тѣлесныя, а еже тричастное погибе душевныя три части суть словесное, яростное и желательное, а еже четвертое разтлѣ видѣніе тѣлесѣ, пятое же бездыханіе мертво, сирѣчь

сердце и іаже воздушныя части, еіаже сугубая десница погибѣ и по седмой сугубое же иже дващи десятица имущая тако видѣніе ѡбопяніе, впушеніе, слышаніе, ѡсязаніе, руцѣ двѣ, позѣ двѣ, десятое глава, первая десятница, стомахъ еже есть желудокъ, селезеня, душникъ, горло ѡцѣ двѣ, зубы, ноздри и прочая еже ищай о Гдѣ да просвѣтитъ а еже десятица сугубая погибѣ и по седмой сія седмь мудросте и цѣломудріе, вѣра, любовь, разумъ божественный, слава, мечтаніе осмая же будущіи вѣкъ растворяетъ же воѡбраженіе, понеже душа добродѣтельно глаголетъ, поетъ и славитъ гласъ здѣ іако непщую изшедши ѿ тѣла до воскресенія общаго и по воскресеніи общемъ ѡбожена будутъ и с душами тѣлеса ихъ и безсмертная будутъ во вѣки не проходимыя.

Сей чинъ ріторства сирѣчь речеточства зане же разумѣетъ писати и глаголати.

Вопросъ. Тричастное погибе, четвертое розтлѣ, пятое бездыханія и мертво сугубая десятерица иже по седмой осмая приображаетъ будущаго растворенія.

Отвѣтъ. Тричастное погибе словесное, іаростное, желателное, четвертое разтлѣ видѣніе тѣлесе, пятое бездыханіе мертво сирѣчь сердце и яже сугубая десятерица десять перстовъ ручныхъ и ножныхъ, такожде и по седмой тысяще осмая будущаго воѡбражаетъ растворение сирѣчь мертвыхъ тѣлесъ воскресеніе три дх҃и создалъ есть всесилный Богъ.

Первая убо плотію непокрывается и не искупно сплотію умпрастъ.

Отвѣтъ. Первый аггльскій в҃ члческій г҃ скотски ѿ сихъ убо пнѣ во кратцѣ Богу поспѣшествующему чрезъ благополученіе великаго нашего Монарха Царя и Самодержца во иное благое время пространнѣе ѡ всѣхъ напишется.

Стихи іроелегіистіи на Аполлона на мусы и на седмь свободная художества.

Аполло́не но́выя тебѣ̀ му́сы іа́вно зову́тъ.
Ѿ нихже Спата́ріи ре́че і о҆́стро пи́шетъ.

Прійди Аполлоне нежалєй Еликона горы.
Источниковъ древнихъ и ликъ твой оставиши.
Ясный здѣ источникъ, и гора паче веселая.
Мусікою новою всякая веселятся. листъ 177 на об.

Спаорій дѣйствовалъ въ Россіи въ концѣ XVII столѣтія. 1672 года мая 30, указалъ великій государь греческаго языку переводчику Миколаю Спатаріусу жить на Симоновомъ подворьѣ и переводить греческіе и латинскіе книги писать греческій словенскій латинскій лексиконъ (Дополн. къ Акт. Истор. VI. 217).

Прося извиненія передъ читателемъ за излишнее настаиваніе на предметахъ, не прямо относящихся къ изучаемому памятнику, считаю необходимымъ присовокупить нѣсколько словъ въ оправданіе.

Уже выше замѣчено было, что гг. Срезневскій и Пыпинъ заявляли мимоходомъ о несостоятельности Болгарской системы Востокова. Одинъ изъ наиболѣе компетентныхъ представителей Славянской науки въ Россіи, Владиміръ Ламанскій, въ статьѣ, посвященной И. И. Срезневскому, вполнѣ откровенно ставитъ на видъ положеніе неорѣшеннаго вопроса: . . . „нѣтъ никакого основанія ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ сочинять и изобрѣтать два разныхъ Болгарскихъ нарѣчія, одно—древнее, до XIV в., и другое—среднее и новое, не болѣе другъ на друга похожія, чѣмъ нынѣшнее нарѣчіе Сербское, Чешское, Велико-Русское и Мало-Русское на языкъ древне-Славянскій. Наконецъ, если признаки такъ называемаго средне-Болгарскаго языка встрѣчаются уже въ памятникахъ Словянскихъ XI—XII вѣковъ, то есть ли разумныя причины и основанія, съ одной стороны, удерживать въ наукѣ это названіе средне-Болгарскаго, а съ другой—языкъ Остромирова Евангелія и соотвѣтствующихъ ему памятниковъ называть языкомъ Болгарскимъ.“

Весьма сожалѣю, что заявленіе это не было прочтено до окончанія настоящаго предисловія: можетъ быть дѣйствительно много излишняго и неумѣстнаго могло бы быть умолчано.—Настоящее изслѣдованіе

можетъ вызвать упрекъ, сдѣланный уже мнѣ Е. П. Барсовымъ въ его статьѣ о Словѣ о Плъку Игоревѣ. — Не смотря на всѣ соображенія, вліяющія на болѣе мирное отношеніе къ лицамъ, заслужившимъ всеобщее уваженіе своими почтенными трудами, приходитъ время, когда слѣдуетъ не обинуясь сказать откровенное мнѣніе относительно дѣятельности школы, вліяющей на многія поколѣнія во имя идей, не имѣющихъ корней въ дѣйствительности, и потому направляющей умы къ безпредѣльной, обманчивой дѣятельности. Правильное изученіе и оцѣнка Слова о Плъку Игоревѣ тѣсно связаны съ первоначальной исторіей древне-Словенской письменности. — Надѣюсь, что чистота намѣреній искупитъ въ глазахъ многихъ все то, что можетъ показаться посягательствомъ на заслуженные авторитеты и неуваженіемъ господствующаго мнѣнія; вся проглядывающая наружу вражда относится исключительно къ двумъ школамъ, господствующимъ въ теченіи послѣднихъ пятидесяти лѣтъ: Скандинавской и Болгарствующей. Неосновательность этихъ двухъ школъ со времени ихъ появленія достаточно были обнаруживаемы. Держаться они не могли бы, еслибы существованіе ихъ не было тѣсно связано съ третьей школой, утилитарной, явившейся въ Англіи и распространившейся около начала нынѣшняго столѣтія во всей Европѣ, но нигдѣ такъ упорно не привившейся, какъ въ Россіи. Нигдѣ утилитаризмъ не считаетъ столько поклонниковъ, какъ у насъ, хотя утилитаризмъ постоянно на дѣлѣ оказывался неплодотворнымъ. Впрочемъ объ этой послѣдней системѣ въ научномъ изслѣдованіи не слѣдуетъ даже и говорить. Утилитаризмъ необходимо долженъ былъ покровительствовать двумъ Русскимъ историко-филологическимъ школамъ, поставившимъ родную науку внѣ положительной почвы, пресѣкшимъ съ перваго раза даже возможность, въ предѣлахъ ими назначенныхъ, приступить къ изслѣдованіямъ, объявивъ стоявшіе первыми на очереди вопросы заблаговременно рѣшенными. Закрѣпленіе науки въ двухъ тискахъ несомнѣнно облегчило преслѣдованіе утилитарной системой своей цѣли, и именно той цѣли, которая для

школы недосягаема—практической умѣлости и снаровки. Созиданія обоихъ умозрительныхъ школъ, возводимыя на основѣ мечтательной, не могутъ не только послужить подспорьемъ для развитія какой-либо умственной дѣятельности, но, на оборотъ, прямо ведутъ къ противуположному результату.

Относительно вопроса о Виленскомъ изданіи 1586 г. слѣдуетъ сравнить свѣдепіе объ изданіи 1587 года въ описаніи Строевымъ рукописей Царскаго: Книга глаголемая Простословія, некнижное ученіе грамотѣ, избранна нѣкоторымъ мудрецомъ, въ концѣ: сія грамотика Словенскаго языка выдрукована въ мѣстѣ Виленскомъ 7095 (1587)-го. находится въ Сборникѣ Царскаго № 423. скоропись XVII ст. л. 273. Передъ этой статьей на об. л. 260: Написаніе Словенскимъ языкомъ о Буковницѣ и т. д. Въ слѣдъ за статьей о Простословіи: на об. л. 344: Алфа Іоанна Дамаскина и на об. л. 347: Сказаніе о грамотѣ и о Пермской азбукѣ: Ср. въ оп. библ. Царскаго Строевымъ статьи, отмѣченныя въ Указ. Грамотки, Грамматики; подъ № 289. въ оп. библ. Царскаго описанъ Сборникъ XVII столѣтія подъ именемъ: Пасхалія съ прибавленіями; по содержанію, онъ соотвѣтствуетъ моимъ Сборникамъ: Грамматическому и Календарному.

СЛОВО

О ПЪЛКУ ИГОРЕВѢ,

ИГОРЯ

СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ,

ВНУКА ОЛЬГОВА.

ПѢСНЬ

СВЯТЪСЛАВЛЯ,

ТВОРЦА СТАРАГО ВРЕМЕНИ:

ЯРОСЛАВЛЯ, ОЛЬГОВА, КОГАНЯ ХОТИ,

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1877.

СОДЕРЖАНІЕ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I. ПОХОДЪ.

II. ВОЗЗВАНІЕ.

III. ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Князей пѣть пѣснь въ честь современнымъ Слава Князьямъ, участвовавшимъ въ походѣ противъ Половцевъ . . . . 641—649

CXXII. Конецъ пѣсни: Княземъ Слава.— . . . . —650

Слова „а Дружинѣ аминь“ ошибочно помѣщены въ первомъ изданіи въ текстъ; эти слава указываютъ, что дружинѣ слѣдуетъ въ подтвержденіе пѣвца сказать „Аминь.“

Подобное указаніе встрѣчается въ церковныхъ книгахъ, съ тою разницей, что „ликъ“ пишется въ именительномъ падежѣ. Изъ Супральской Мартовской Четіи Минеи приведенъ примѣръ въ концѣ Таблицы XV. стр. 68, дозволяющій сохранять союзъ безъ исправленія.

За симъ слѣдуютъ строфы XCI—XCV въ томъ порядкѣ какъ онѣ напечатаны въ первомъ изданіи и три отдѣльные листка которые могутъ быть переставляемы по предлагаемому въ настоящемъ изслѣдованіи порядку т. е. по порядку римскихъ цифръ; а равно и въ томъ порядкѣ въ коемъ они обозначены по страницамъ. Эти три разрозненные листка наглядно объясняютъ возможность той запутанности въ воззваніи къ Князьямъ которая уже давно была замѣчена многими лицами, занимавшимися изученіемъ Слова о плку Игоревѣ. „Трубы трубятъ Городеньскіи“ вѣроятно находились въ слѣдъ за строфою XC въ коей воззваніе къ Ярославу Галицкому скапчивается словами: „За раны Игоревы буего Святъславича“. Этими же словами оканчиваетсс и страфа XCIII. Это повтореніе объясняетъ также ошибку переписчика или переплетчика.

(A)

XCII.

(434—446—415—427).

А ты буй Романе

И Мстиславе

Храбрая мыслъ

Носитъ васъ умъ

На дѣло

Высоко плаваеши

На дѣло

Въ буести

Яко соколомъ

На вѣтрехъ ширяяся

Хотя птицю

Въ буести одолѣти

(об. А)

Суть бо у ваю

Желѣзнии папорзи

Подъ шеломы

Латинскими

Тѣми трѣсну земля

И многы страны

Хинова.

Литва, Ятвязи,

Деремела.

И Половци,

Сулици своя повръгоша,

А главы своя поклониша

Подъ тыи мечи

Харалужныи.

(ВС)

XCIV.

Нъ уже Княже Игорю
Утрпѣ солнцю свѣтъ
А древо не бологомъ листвіе срони.
По роси и по сули гради подѣлиша.
А Игорева храбрато плъку
Не крѣсити.

XCV.

(отвѣтъ пѣвца)

Донъ ти Княже
Кличетъ
И зоветъ Князи
На побѣду
Ольговичи храбры и Князи
Доспѣли на бранъ
Ингъварь и Всеволодъ
И вси три Мстиславичи
Не худа гнѣзда
Шестокрильци:

(D)

XCIII.

(447—453—437—443).

Не побѣдными жребіи
Собѣ власти расхытисте
Кое ваши златыя шеломы,
И сулицы ляцкіи,
И щиты.
Загородите
Полю ворота
Своими острыми стрѣлами,
За землю руськую,
За раны Игоревы,
Буего Святславичя

(E)

XCI.

(415—433—461—444—461).

[Трубы трубятъ Городеньскія]
Уже бо сула
Не течетъ
Сребреными струями
Къ граду переяславлю
И Двина болотомъ
Течетъ
Онымъ грознымъ Полочаномъ
Подъ кликомъ
Поганыхъ
Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ
Позвони своими острыми
Мечи
О шеломы Литовскія,
Притрепа славу
Дѣду своему Всеславу
А самъ

(461. 415. 433).

Подъ червлёнными щиты
На кровавѣ травѣ
Притрепанъ
Литовскими мечи.
Исхоти ю на кровать
И рекъ:
Дружину твою,
Княже,
Птиць крилы
Пріодѣ
А звѣри кровь полизаша.
Не бысть ту брата Брячяслава
Ни другаго Всеволода
Единъ же изрони жемъчюжну душу
Изъ храбра тѣла
Чрезъ злато ожереліе,
Уныли голоси
Пониче веселіе.

Страницы 213 — 218

Переставленныя въ томъ порядкѣ, какъ ихъ слѣдуетъ читать.

(E)

XCI.

(415—433—461—444—461).

[Трубы трубятъ Городеньскія]
Уже бо сула
Не течетъ
Сребреными струями
Къ граду переяславлю
И Двина болотомъ
Течетъ
Онымъ грознымъ Полочаномъ
Подъ кликомъ
Поганыхъ
Единъ же Изяславъ сынъ Васильковъ
Позвони своими острыми
Мечи
О шеломы Литовскія,
Притрепа славу
Дѣду своему Всеславу
А самъ

(461. 415. 433).

(об. E)

Подъ червленными щиты

На кровавѣ травѣ

Притрепанъ

Литовскими мечи.

Исхоти ю на кровать

И рекъ:

Дружину твою,

Княже,

Птиць крилы

Пріодѣ

А звѣри кровь полизаша.

Не бысть ту брата Брячяслава

Ни другаго Всеволода

Единъ же изрони жемъчюжну душу

Изъ храбра тѣла

Чрезъ злато ожереліе.

Уныли голоси

Пониче веселіе.

(A)

XCII.

(434—446—415—427).

А ты буй Романе

И Мстиславе

Храбрая мыслъ

Носитъ васъ умъ

На дѣло

Высоко плаваеши

На дѣло

Въ буести

Яко соколомъ

На вѣтрехъ ширяяся

Хотя птицю

Въ буести одолѣти

(об. А)

Суть бо у ваю

Желѣзнии папорзи

Подъ шеломы

Латинскими

Тѣми трѣсну земля

И многы страны

Хинова.

Литва, Ятвязи,

Деремела.

И Половци,

Сулици своя повръгоша,

А главы своя поклониша

Подъ тыи мечи

Харалужныи.

XCIV.

Нъ уже Княже Игорю
Утрнѣ солнцю свѣтъ
А древо не бологомъ листвіе срони.
По роси и по сули гради подѣлиша.
А Игорева храбраго плъку
Не крѣсити.

XCV.

(отвѣтъ пѣвца)

Донъ ти Княже
Кличетъ
И зоветъ Князи
На побѣду
Ольговичи храбры и Князи
Доспѣли на брань
Ингьварь и Всеволодъ
И вси три Мстиславичи
Не худа гнѣзда
Шестокрильци:

(D)

XCIII.

(447—453—437—443).

Не побѣдными жребіи
Собѣ власти расхытисте
Кое ваши златыя шеломы.
И сулицы ляцкіи,
И щиты.
Загородите
Полю ворота
Своими острыми стрѣлами,
За землю руськую,
За раны Игоревы,
Буего Святславичя

СЛОВО

О

ПЛЪКУ ИГОРЕВѢ

I.

ВСТУПЛЕНІЕ.

I.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати (1)
Старыми словесы трудныхъ повѣстій
О п҃ку Игоревѣ, Игоря Святъславича (2, 3);

II.

Начати же ся тъ̑ пѣсни (4)
По былинамъ сего времени (5)
А не по замышленію Бо́яню.

III.

[Боянъ бо вѣщій
Аще кому хотяше
Пѣ̑ творити (6),
То растѣкашется мыслію по древу (7),
Сѣрымъ в̑комъ по земли (8),
Шизымъ орломъ подъ облакы].

IV.

Помняшеⷮ бо речь (9)
пⷬвыхъ временъ усобiцѣ; (10)
Тогда пущашеть і҃ соколовъ (11, 12)
На стадо лебедѣй; (13)
Который дотечаше—
Та преди пѣⷭ пояше: (14)
Старому Ярославу,
Храброму Мстиславу,
Иже зарѣза Редедю
Предъ пⷧкы Кожьскыми, (15, 16)
Красному Романови Святъславличю.

V.

Боянъ же, братiе, не і҃ соколовъ (17, 18)
На стадо лебедѣй пущаще, (19)
Нъ своя вѣщiа пръсты
На живая струны въскладаше,—
Они же сами Княземъ славу рокотаху.

VI.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію
Отъ стараго Владимера до нынѣшняго Игоря,
Иже истягну ум҃ крѣпостію своею, (20)
И поостри сердца своего мужествомъ,
Нап҃нився ратнаго духа, (21)
Наведе своя храбрыя п҃кы (22)
На землю Половѥцькую за землю Руськую (23).

I.

ПОХОДЪ ИГОРЯ

VII.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце
И видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.
И рече Игорь къ дружинѣ своей:

VIII.

Братіе и дружино!
Луцежъ бы потяту быти,
Неже полонену быти:
А всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони,
Да позримъ синего Дону.

IX.

Спала Князю ум̅ по хоти, (24)
И жалость, ему знаменіе заступи,—

Искусити Дону великаго.

Хоцу бо, рече, ко́піе приломити (25)

Конець поля Половецк̃го, съ вами Русици; (26)

Хоцу главу свою приложити,

А любо испити шеломомь Дону.

XI.

О Бояне, соловію стар̃го времени (27)

А бы ты сіа пк̃ы ущекоталъ, (28)

Скача, славію, по мыслену древу,

Летая умо̃ подъ облакы, (29)

Свивая славы оба полы сего времени,

Рища въ тропу Трояню

Чресъ поля на горы,

Пѣти было пѣ̃ Игореви, того* внуку (30, 31). *[Ол̃га].

Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая:

Галици стады бѣжатъ къ Дону великому.

XIII.

Чили въспѣти было.

Вѣщій Боянъ, Велесов̃ внуче (32)

XIV.

Комони ржуть за Сулою;
Звенить слава въ Кыевѣ;
Трубы трубять въ Новѣградѣ;
Стоять стязи въ Путивлѣ;
Игорь ждетъ мила брата Всеволода.

XV.

И рє ему Буй Туръ Всеволодъ: (33)
Одинъ братъ, оди̏ свѣтъ, (34)
Свѣтлый, ты Игорю,
Оба есвѣ Святславличя;
Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони,
А мои ти готови,
Осѣдлани у Курьска на переди;
А мои ти Куряни
Свѣдоми къмети, подъ трубами повити,
Подъ шеломы възлгєлѣя̑, (35, 36)
Конець копія въскръмлени,
Пути й вѣдоми, (37)

Яругы им̑ знаеми, (38)
Луци у нихъ напряжени,
Тулй отворени,
Сабли изъострени,
Сами скачю̑т акы сѣрыи влъци въ полѣ, (39)
Ищущи себѣ чти а Князю славѣ.
Тогда вс̑тупи Игорь Князь въ златъ стремень, (40)
И поѣха по чистому полю.

XVII.

Солнце ему т̆мою путь заступаше; (41)
Нощь стонущи ему грозою птичь у буди;
Свистъ звѣринъ въ стазби. (42)

XVIII.

Дивъ кличе̑ врьху древа, (43)
Велитъ послушати земли незнаемѣ,
Влъзѣ, и Поморію,
И Посулію, и Сурожу, и Корсуню,
И тебѣ Тмутораканьскій блъванъ. (44)
А Половци неготовами дорогами
Побѣгоша къ Дону Великому:
Крычатъ тєлѣгы полунощы, (45)
Рци лебеди роспущени.

XX.

Игорь къ Дону вои ведетъ:
Уже бо бѣды его пасе̂ птиць; (46)
Подобію в̂лци грозу въсрожа̂ по яругамъ; (47, 48)
Орли клектомъ на кости звѣри зовутъ,
Лисици брешутъ на чр̂леныя щиты. (49)

XXII.

О русская земле! уже за Шо̂мянемъ еси. (50)

XXIII.

Дл̂го ночь мр̂кнетъ, (51, 52)
Заря-свѣтъ запала,
Мг̂ла поля покрыла, (53).
Щекотъ славій успе,
Говоръ галичь убуди.

XXIV.

Русичи великая поля
Чрленными щиты прегородиша, (54)
Ищучи себѣ чти, а Князю славы.

XXV.

С‘заранія въ Пл̃къ (55, 56)
Потопташа Поганыя Пк̃ы Половецкыя (57)
И рассушась стрѣлами По Полю, (58)
Помчаша красныя дѣвкы Половецкыя
А съ ними злато, и Паволокы
И драгыя оксамиты;

XXVI.

О̃тмами и япончицами и кожухы, (59, 60)
Начаша мосты мостити (61).
По болотомъ и грязивымъ мѣстомъ,
И всякыми уворочьи Половѣцкыми. (62)

XXVII.

Чрленъ стягъ, бѣла хорюговь, (63).
Чрлена чолка, сребрено стружіе (64)
Храброму Святславличю. (65).

XXVIII.

Дремлет̑ въ пОлѣ ОлгОвО хОрОбрОе гнѣздО. (66, 67)

*

XXIX.

Далече залєтѣлО. (68).
Не былО нъ Обидѣ пОрОжденО,
Ни сОкОлу, ни кречету,
Ни тебѣ чⷬ҇ный вОрОнъ, пОганый пОлОвчине. (69)

XXX.

Гзакъ бѣжиⷮ сѣрымъ вⷧ҇комъ; (70, 71)
Кончакъ ему слѣдъ править къ дону великому.

XXXI.

Другаго дни велми рано
Кровавыя зори свѣтъ повѣдаю̑; (72).
Ч҃ныя туча съ моря иду̑т, (73, 74, 75)
Хотя̑т прикрыти д̑ солнца: (76, 77)
А въ нихъ трепещуть синіи м҃іи. (78)

XXXII.

Быти грому великому,
Итти дождю стрѣлами съ Дону вели̑кому,
Ту ся копіемъ приламати,
Ту ся саблямъ потручати (80)
О шеломы Половецкыя,
На рѣцѣ на Каялѣ, у Дону велі̑го. (81).

XXXIII.

О Русская земле. (82)
Уже не шеломянемъ еси.

XXXIV.

Се вѣтри, Стрибожи внуци,
Вѣютъ Съ моря Стрелами (83).

На храбрыя п^лкы Игоревы. (84, 85)
Земля тутнетъ, рѣкы мутно текут̄; (86)
Пороси поля прикрывают̑. (87).

XXXV.

Стязи глаголютъ:
Половци идуть отъ Дона,
И отъ моря, и отъ всѣхъ странъ.

XXXVI.

Рускыя п^лкы отступиша. (88)

XXXVII.

Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша,
А храбріи Русици преградиша чръ̆ьлеными щиты. (89)

XXXVIII.

Ярь Туре Всеволодѥ. (90)
Стоиши на борони,
Прыщеши на вои стрѥлами, (91)
Гремлеши о шеломы
Мечи харалужными.

XXXIX.

Камо Туръ Поскочаше (92)
Соимъ златымъ шеломо̑ посвѣчивая, (93)
Тамо лежат̑ Поганыя головы Половецкыя (94)
Поскепаны саблями калеными
Шеломы Оварьскыя
Отъ тебе Яръ Туре Всеволоде.

XL.

Кая раны дорога, братіе,
Забы чти и живота (95).
И града Ч̑нигова, отня злата стола, (96)
И своя милыя хоти
Красныя Глѣбовны, свычая и обычая.

XLI.

Были вѣчи Трояни,
Минула лѣта Ярославля;
Были пц̑и Олговы, (97)
Ол̑га Свят̑славлича. (98, 99, 100)

XLII.

Тъ″ бо Олегъ мечем̃ крамолу коваше, (101, 102)
И стрѣлы по земли сѣяше. (103)
Ступаетъ въ златъ стремень
Въ градѣ Т'ўторокане. (104)

XLIII.

Тоже звонъ слыша
Давный великый
Ярославль сынъ Всеволодъ: (105).
А Владимiръ по вся утра
Уши закладаше въ Черниговѣ.

XLIV.

Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе,
И на к̃ону *) зелену паполому постла,
За обиду Олгову храбра и млада Князя.

XLV.

Съ тоя же Каялы
Святоп̃к повелѣ я″ отца своего, (106, 107)
Междъ угорьскими иноходцы (108)
Ко Святѣй Софiи къ Кiеву.

---

*) единственно возможное начертанiе для прочтенiя «казатину» и «канину» стр. 157.

XLVI.

Тогда при Олзѣ Гориславличи
Сѣяшется и растяшеть усобицами,
Погибашеть жизнь Даждь Божа внука:
Въ Княжихъ крамолахъ
Вѣци человѣком скратишась. (109).
Тогда по Русской земли
рѣтко ратаевѣ кикахуть,
Нъ часто врани граяхуть,
Трупіа себѣ дѣляче;
А галици свою рѣчь говоряхуть:
Хотять полѥтѣти на уедіе. (100).

XLVII.

То было въ ты рати, и въ ты пл҃кы, (111, 112)
А сицей рати не слышано.

XLVIII.

Съ заранiа до вечера,
Съ вечера до свѣта
Летят̑ стрѣлы калёныя, (113, 114)
Гримлю̑т сабли о шеломы, (115)
Трещат̑ копiа харалужныя, (116)
Въ полѣ незнаемѣ
Среди земли Половецкыи.

XLIX.

Ч̑рпа земля подъ копыты, (117)
Костьми была посѣяна,
А кровiю польяна;
Тугою взыдоша по Русской земли.

L.

Что ми шумить что ми звенить
Давеча рано предъ зорями (118)
Игорь пл҃кы заворочае̑т; (119, 120)
Жаль бо ему мила брата Всеволода.

LI.

Бишася день, биша̄ другый,—(121)
Третьяго дни къ полуднію,
Падоша стязи Игоревы.

LII.

Ту ся брата разлучиста
На брезѣ быстрой Каялы.
Ту кровавагo вина недоста,
Ту пиръ докончаша храбріи Русичи:
Сваты попоиша,
А сами полегоша
За землю Рускую

LIII.

Ничить трава жалощами,
А древо с тугою къ земли приклонилось.

LIV.

Уже бо, братіе,
Не веселая година въстала,
Уже пустыни силу прикрыла.

LV.

Встала обида въ силахъ Дажь Божа внука.
Вступилъ дѣвою на землю Трояню
Въсплескала лебедиными кр҃ы (122)
На синѥ морѥ у Дону плещучи, (123, 124, 125)
Убуди жирныя времена.

LVI.

Усобица Князем҃ на поганыя погыбе (126)

LVII.

Рекоста бо братъ брату:
„Се мое, а то мое же“.
И начѧша Князи про малое, (127)
Се великое м҃лвити; (128)
А сами на себѥ крамолу ковати: (129).

LVIII.

О погании съ всѣхъ странъ прихождаху
Съ побѣдами на землю Рускую.

LIX.

О далече заиде соколъ, птиць бья къ морю
А Игорева храб҃аго пл҃ку не крѥсити (130, 131, 132).

LX.

За ним̑ кликну̑ Карнай, (133)
Жля поскочи по Руской земли,
Смагу мычючи въ пламянѣ розѣ (134).

LXI.

Жены Рус̑ въ сплакашась а ркучи (135)
Уже нам̑ своихъ милыхъ ладъ (136)
Ни мыслію смыслити,
Ни думою сдумати.
Ни ⊙⊙чима съглядати (137)
А злата и сребра
Ни мало того потрепати

LXII.

А въстона бо, братіе,
Кіевъ тугою, а Черниго̑ напастьми, (138).
Тоска разліяся по Руской земли;
Печаль жирна тече сред̑ земли Рускый (139—140).

LXIII.

А Князи сами на себѣ крамолу коваху;
А поганіи сами побѣдами
Нарищуще на Рускую землю,
Емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

LXIV.

Тіи бо два храбрая Святъславлича (141);
Игорь и Всеволодъ уже лжу убуди,
Которую то бяше успилъ
Отє҃ ихъ Святъславь,
Грозный, Великый Кіе҃скый. (143, 144 и 145).

LV.

Грозою, бяшеть, притрепеталъ
Своими сил́ными п҃кы (146—147)
И харалужными мечи,
Наступи на землю Половецкую,
Притопта хлъми и яругы,
В҆змути ре҃ и озеры, (148—149)
Иссуши поток̅ и болота; (150)
А пога҃го Кобяка изъ луку моря (151)
Отъ желѣзны҆ вели҃хъ п҃ковъ Половец҃хъ, (152, 153
154, 155).
Яко вихрь выторже и падеся Кобякъ
Въ градѣ Кіевѣ въ гридницѣ Святъславли.

LXVI.

Ту Нѣмцы и Венедици,
Ту Греци и Морава
Поютъ славу Святъславлю,

Каю̄т Князя Игоря, (156)
Иже погрузи жиръ
Во днѣ Каялы рѣки Половей (157)
Рускаго злата насыпаша.

LXVII.

Ту Игорь Князь высѣдѥ (158)
Изъ сѣдла злата,
А въ сѣдло Кощіево;
Уныша бо градомъ забралы
А веселіе пониче.

II.

ВОЗВАНІЕ.

LXVIII.

А Святъсла̃ мутенъ со̃ видѣ (159, 160, 161)
Въ Кіевѣ на горахъ,
Си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече,
Ч̃ною паполомою на крова̃т тисовѣ (162 163).

LXIX.

Чръ пахуть ми синее вино съ трудо̃ смѣшено; (164)
Сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тл̄ковинъ (165)
Великый женчюгь на лоно, и нѣгуют̃мя (166):

LXX.

Уже дс҃кы безъ кнѣса (167)
В̕ моемъ теремѣ златовръсѥмъ. (168, 169)

LXXI.

Всю нощь съ вечера бо соѵи врани възграяху,
У плѣ̂ньска на болони бѣшѧ дебрь Кисаню, (170)
И несошѧ ю къ синему морю (171).

LXXII.

И ркоша бояре Князю:
Уже, Княже, туга умь полонила;
Се бо два сокола
Слѥтѣста съ отня стола злата (172)
Поискати града Т̕муторокання, (173)
А любо испити шеломомь Дону.

LXXIII.

Уже соколома крил҃ца (174)
Припѣшали поганыхъ саблями,
А самаю опꙋ̑тоша въ путины желѣзны. (175, 176, 177).

LXXIV.

Темно бо бѣ въ г̃ день: (178)
Два солнца помѥркоста, (179)
Оба багряная стлъпа погасоста,
И с̃ нимъ молодая мѣсяца, (180)
Олегъ и Святъславъ т̀мою ся поволокоста (181)
(331) И въ морѣ погрузиста
(332). И великое буйство подаст̄ Хинови.

LXXV.

На рѣцѣ на Каялѣ
Тьма свѣтъ покрыла.
По Руской земли прострошася
Половци ак̄ пардуже гнѣздо. (182)

LXXVI.

Уже снесеся хула на хвалу;
Уже тресну нужда на волю;
Уже връжеся див̄ на землю. (183)

LXXVII.

Се бо Готск̄ красныя дѣвы (184, 189)
Въспѣша на брезѣ синему морю,

Звоня Рускымъ златомъ,
Поют̄ время Бусово, (186)
Лелѣютъ месть Шароканю;
А мы уже дружина жадни веселiа. (187)

LXXVIII.

Тогда Велик̄ СвятСлавъ (188, 189)
Изрони злата Слово
Слезами Смѣшено и рече:

LXXIX.

О моя Сыновча Игорю и Всеволоде! (190)
Рано еСта начала Половецкую землю
Мечи цвѣлити, а Себѣ Славы иСкати.

LXXX.

Нъ нечеСтно одолѣСте,
НечеСтно бо кровь поганую пролiяСте. (191)

LXXXI.

Ваю храбрая Сердца
Въ жеСтоцгємъ харалузѣ Скована, (192)
А въ буеСти закалена.
Се ли СтвориСте
Моей Сребреней Сѣдинѣ;

(Святославъ прерываетъ упреки свои Игорю и Всеволоду сѣтованiемъ объ отсутствiи Черниговскаго войска).

LXXXII.

353. А уже не вижду̑ власти
Сильнаго и богатаго
355. И многовои брата моего Ярослава,
356. Съ Черниговьскими былями,
Съ Могуты и съ Татраны,
И съ Шел̄бири, и съ Топчакы, (204)
И съ Ревугы, и съ Олберы; (205, 206).
360. Тіи бо бес̆ щитов̄ съ засапожникы (207, 208)
361. Кликомъ п̑кы побѣждаю̑ (209, 210)
362. Звонячи въ прадѣднюю славу.

LXXXIII.

(Святославъ снова обращается къ Игорю и Всеволоду).

363. Нъ рекосте мужаимѣся сами; (196)
Преднюю славу сами пох̄тим̑, (194, 195)
365. А заднюю ся сами подѣлим̑ (196)

LXXXIV.

366. А чи диво, си братіе,
367. Стару помолодити?
368. Коли соколъ въ мытѣхъ бывае̑, (197, 198)
369. Высоко пти̑ възвбивае̑; (199, 200)
370. Не дас̑ гнѣзда своего въ обиду (201).

LXXXV.

371. Нъ се зло: Княже ми не пособіе,
372. На ниче ся годины обратиша:

LXXXVI.

373. Се у Рй кричатъ (202)
374. Подъ саблями Половецкыми,
375. А Володиміръ подъ ранами (203)
376. Туга и тоска сыну Глѣбову *).

LXXXVII.

Великый Княже Всеволоде!
Не мыслію ти прелетѣти
Из далеча, отн я злата стола поблюсти;

---

*) Въ первомъ изданіи и въ Арх. спискѣ въ слѣдъ за словами „Звонячи въ прадѣднюю славу“ рѣчь Святослава обращается снова къ Игорю и Всеволоду въ связи съ предшествовавшими упреками. Новое обращеніе къ Игорю и Всеволоду начинается словами: „Нъ рекосте мужаимыся“ и кончается словами: „Туга и тоска сыну Глѣбови“. Слова эти обозначены подъ § 83, 84, 85 и 86—ст. 353 по 376. Перепутанность рѣчи весьма могла быть въ намѣреніи автора. Если пѣснь имѣла обстановку драматическую, то перепутанности и не существовало. Для сохраненія неприкосновенности текста достаточно помѣстить между § 81 и 82, передъ обращеніемъ къ Ярославу, указаніе въ скобкахъ, что Святославъ прерываетъ упреки размышленіемъ, что онъ не находитъ поддержки въ Ярославѣ Черниговскомъ. Сѣтованіе объ отсутствіи Черниговскаго войска въ логическомъ порядкѣ слѣдовало бы помѣстить между LXXXVI и LXXXVII: (353) 367—(362) 376: А уже не вижду власти сильнаго и богатаго и многовои брата моего Ярослава съ Черниговьскими былями съ Могуты и съ Татраны и съ Шельбиры и съ Топчакы и съ Ревугы и съ Ольберы. Тіи бо бес щитов съ засапожникы кликомъ плкы побѣждаютъ звонячи въ прадѣднюю славу.

Ты бо можеши Волгу веслы раскропити,
А Донъ шеломы выльяти.
Аже бы ты былъ,
То была бы чага по ногатѣ,
А кощей по резанѣ.
Ты бо можеши по суху живыми шереширы (211)
Стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы (212)

LXXXVIII.

Ты буй Рюриче и Давыде,
Не ваю ли злачеными шеломы
По крови плаваша?
Не ваю ли храбрая дружина
Рыкаю̑т ак̑ тури
Ранены саблями калеными,
На полѣ незнаемѣ?

LXXXIX.

Вступита Господина въ злата стремень, (215)
За обиду сего времени, за землю Рускую, (216, 217)
За раны Игоревы, буего Свят́славлича (218).

XC.

Галичкы Осмомыслѣ Ярославе, (219)
Высоко сѣдиши
На своемъ златокованнѣмъ столѣ. (220)

Подперъ горы Угор҇скыи (221)
Своими желѣзными п҃кы, (222)
Заступивъ Королеви путь,
Затворивъ Дунаю ворота,
Меча бремены чрезъ обла҃, (223)
Суды рядя до Дуная,
Грозы твоя по землямъ текут҃; (224)
Оттворяеши Кіеву врата;
Стрѣляеши съ отня злата стола (225)
Сал҇тани за землями. (226)
Стрѣляй, Господине, Кончака́, (227)
Поганого Кощея
За землю Рускую,
За раны Игоревы,
Буего Свят́славича (228, 229).

(E) XCI.

415. Трубы трубятъ Городенскія. (*)

416. Уже бо Сула не течет̑ (230)

417. Сребреными струями къ граду Переяславлю.

418. И Двина болото̑ течетъ (231)

419. Онымъ грознымъ Полочаномъ (232)

420. Подъ кликомъ поганыхъ.

421. Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ,

422. Позвони своими острыми мечи.

423. О шеломы Литовск̄ (233. 234)

424. Притрепа Славу дѣду своему Всеславу,

425. А самъ подъ чрълеными щиты, на кровавѣ травѣ,

426. Притрепанъ Литовскими мечи и схыти Ю на кровать и рекъ:

427. Дружину твою, княже, птицъ крылья пріодѣ,

428. А звѣри кровь полизаша.

429. Не бы̑ ту брата Брячаслава (235, 236)

430. Ни другаго Всеволода:

431. Единъ же изрони жемчюжну душу (237)

432. Изъ храбра тѣла чрезъ злато ожерелье (238).

(461. 432) 433. Уны̑ голоси, пониче веселіе (239).

---

*) Стихъ этотъ въ первомъ изд. занимаетъ мѣсто 433-го. Въ содержаніи Указаны поводы предпологать здѣсь перепутанность листковъ и приложены три тдѣльные листка. Ср. выше стр. 208—218.

(А) XCII.

(415) 434. А ты буй Романе и Мстиславе,

(416) 435. Храб́рая мысль носи̑ васъ у̑ на дѣло (240, 241)

(417) 436. Высоко плаваеши на дѣло въ буести,

(418) 437. Яко соколъ на вѣтрѥхъ ширяяся, (242)

(419) 438. Хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.

(420) 439. Суть бо у ваю желѣзӣи папорзи (243)

(421) 440. Подъ шеломы латиѝскими, (244)

(422) 441. Тѣми тресну земля,

(423) 442. И мног̄ страны Хинова (245)

(424) 443. Литва, Ятвязи, Деремела и Половци.

(425) 444. Сулици своя поврьгоша, (246)

(426) 445. А главы своя поклониша

(427) 446. Подъ тыи мечи харалужныи.

(D) XCIII (CXIV).

(437) 447. Непобѣдными жребіи собѣ власти расхытисте.

(438) 448. Кое ваши златые шеломы и сулици ляцк и щиты. (247).

(439) 449. Загородите полю ворота

(440) 450. Своими острыми стрѣлами (248)

(441) 451. За землю Русскую (249).

(442) 452. За раны Игореви,

(443) 453. Буего Святъславича.

(B) CXIV (CXII).

(428) 454. Нъ уже, княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ (250),

(429) 455. А древо не болого листвіе срони (251)

(430) 456. По Роси, по Сули, гради подѣлиша, (252)

(431) 457. А Игорева храбраго плъку не крѣсити. (254)

(C) CXV (CXIII).

ОТВѢТЪ ПѢВЦА.

(432) 458. Донъ ти княже, кличет (255),

(433) 459. И зовѣ князи на побѣду (256).

(434) 460. Олговичи храбрыи князи доспѣли на брань;

(435) 461. Ингварь и Всеволодъ и вси три Мстиславичи, (257)

(436) 462. Не худа гнѣзда шестокрилци. (258)

XCVI.

Ярославе и вси внуци Всеславли
Уже понизить стязи свои,
Вонзить свои мечи вережени, (463. 466)
Уже бо выскочисте изъ дѣдней славѣ.
Вы бо своими крамолами
Начасте наводити поганыя
На землю Рускую, на жизнь Всеславлю,
Котороп бо бѣше насиліе
Отъ земли Половецкыи.

XCVII.

На седмомъ вѣцѣ Трояни (260, 261)
Връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу.

XCVIII.

Тѣ″ клюками подпръся о кони, (262)
И скочи къ граду Кыеву,
И дотчеся стружіемъ злата стола Кіевскаго, (263)
Скочи от́ нхъ лютымъ звѣре̑ (264, 265, 266).
Въ п҃ночи, изъ Бѣла-града, (267)
Обѣсися синѣ мглѣ,

Утръ же, воззни стрикусы, (268)
Отвори врата Новуграду,
Разшибге славу Ярославу, (269)
Скочи ѣ̃комъ до Немиги съ Дудутокъ (270).

CXIX.

На Немизѣ снопы стелюⷮ головами, (271)
Молотятъ чепи харалужными, (272)
На тоцѣ живоⷮ кладуⷮ, вѣютъ душу отъ тѣла; (273, 274)
Немизѣ кровави брезѣ
Не бологомъ бяхутъ посѣяни,
Посѣяни костьми Рускихъ сынѡ̃. (275)

C.

Всеславъ Князь людемъ судяше,
Княземъ грады радяше, (276)
А самъ въ ночь ѣ̃комъ рыскаше; (277)
Изъ Кыева, дорискаши, до куръ, Тмуторокaня, (278)
Великому Хръсови,
ѣ̃комъ, путь прерыскаше. (279, 280).

CI.

Тому въ Полот'скѣ позвонита заутреню рано (281)
У Святыя Софе въ колоколы:
А онъ въ Кыевѣ звонъ слыша.

CII.

Аще и вѣща душа в҃ друзѣ тѣлѣ, (282)
Нъ часто бѣды страдаше.

CIII.

Тому вѣщей Боянъ и п҃вое (283)
Припѣвку, смысленый, рече:

CIV.

„Ни хытру, ни гораздоу,
Ни птицю горазду, суда Божіа не минути“.

CV.

О стонати Русской земли, помянувше
п҃вую годину, и п҃выхъ Князей; (284, 285)

CVI.

Того стараго Владиміра не л҃зѣ бѣ, (286),
Пригвоздити къ горамъ Кіев҃скимъ: (263)

CVII.

Сего бо нынѣ сташа
Стязи Рюриковы,
А друзіи Давидо҃; (287)
Нъ рози нося й, (288)
Хоботы пашут҃. (289)

III.

ОСВОБОЖДЕНІЕ ИГОРЯ.

CVIII.

Копіа поютъ на Дунаѣ. Ярославнынъ гласъ слышитъ,
(291, 292)

Зегзицею незнаемь, рано кычеть:
Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,
Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
Утру Князю кровавыя его раны
На жестоцѣмъ его тѣлѣ.

CIX.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ,
На забралѣ, а ркучи:
О вѣтрѣ вѣтрило!
Чему Господине насильно вѣеши? (293)
Чему мычеши Хиновьскыя стрѣлкы

На своею нетрудною крилцю
На моея лады вои? Мало ли ти бяшет̑ (294)
Горъ подъ облакы вѣяти,
Лелѣючи корабли на синѣ морѣ?
Чему, Господине, мое веселіе
По ковылію развѣя?

CX.

Ярославна рано плачетъ Путивлю
Городу, на заборолѣ, а ркучи:
О Днепре словутицю!
Ты пробилъ еси каменныя горы
Сквозѣ землю Половецкую.
Ты лелѣялъ еси на себѣ
Святославли носады
До п̑ку Кобякова: (295)
Възлелѣи, господине,
Мою ладу къ мнѣ,
А быхъ неслала къ нему
Слезъ на морѥ рано. (296)

CXI.

Ярославна рано плачет̑ въ Путивлѣ, (297, 298, 29
На забралѣ, а ркучи:

Свѣтлое и тресвѣтлое с̃нце! (300)
Всѣмъ тепло и красно еси:
Чему, господине, простре (301)
Горячюю свою лучю на ладѣ вои,
Въ полѣ безводнѣ
Жаждею имъ лучи съпряже,
Тугою имъ тули затче?

CXII.

(Дѣйствіе заклинанія на стихіи).

Прысну море полунощи;
Идут̃ сморци мьглами;
Игореви Князю Богъ путь кажетъ
Изъ земли Половецкой на землю Рускую,
Къ отню злату столу.

CXIII.

Погасоша вечеру зари;
Игорь спит̃, Игорь бдит̃, (303, 304)
Игорь мыслію поля мѣрит̃ (305)
Отъ велик̄го Дону до малаго Донца. (306)

Комонь въ полуночи;
Овлуръ свисну за рѣкою,
Велить Князю разумѣти:
Князю Игорю не быть.
Кликну стукну земля,
Въшумѣ трава;
Вежи ся Половецкіи подвизашася
А Игорь Князь
Поскчи горнастаемъ къ тростію, (307)
И бѣлымъ гоголемъ на воду;
Въвжеся на бзъ комонь, (308, 309)
И скочи съ него босымъ вкомъ, (310, 311)
И потече къ лугу Донца,
И полетѣ соколомъ, подъ м'глами, (312)
Избивая гуси и лебеди,
Завтроку, и обѣду и ужинѣ.
Коли Игорь соколомъ полетѣ,
Тогда Влуръ влъкомъ потече,
Труся собою студеную росу;
Претръгоста бо своя бзая комоня. (315)

CXIV.

Донѐ рече: Княже Игорю! (316)
Не мало ти величія,
А Кончаку нелюбія,
А Руской земли веселіа.
Игорь рече, о Донче!
Не мало ти величія
Лелѣявшу Князя на в̃нахъ, (317)
Стлавшу ему зелѥну траву (318)
На свой сребреныхъ брезѣхъ, (319)
Одѣвавшу его теплыми м'глами (320)
Подъ сѣнію зелену древу;
Стрежаше е гоголемъ на водѣ,
Чайцами на струяхъ,
Чрьнядьми на вѥтрѣхъ. (321)

CXV.

Не тако Ми, рече, рѣка Стугна, (322).
Худу струю имѣя,
Пожръши чужи ручьи,

И стругы ростре на кусту.
Уношу Князя Ростислава
Затвори днѣ пр'' темнѣ березѣ. (323)
Плачется мати Ростислава (324)
По уноши Князи Ростиславѣ.
Уныша цвѣты жалобою
И древо стугою
Къ земли прѣклонило. (325)

CXVI.

На слѣду Игоревѣ ѣздит̂ Гзакъ съ Кончакомъ. (326)
Тогда врани не граахуть,
Галици помлкоша, (327)
Сорокы не троскоташа,
По лозію ползоша толко, (328)
Дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажут̂, (329)
Соловіи веселыми пѣс̄ми свѣтъ повѣдають, (330)
А не сорокы втроскоташа *).

*) Этотъ стихъ занимаетъ въ 1-мъ изданіи мѣсто между 605 и 606, гдѣ слова эти положительно не имѣютъ смысла.

CXVII.

Мл̑вит̑ Гзакъ Кончакови: (331, 332)
Аже соколъ къ гнѣзду лети̏, (333)
Соколича рострѣляевѣ
Своими злачеными стрѣлами. (334)
Рс̑ Кончакъ ко Гзѣ (335).
Аже соколъ къ гнѣзду летит̑, (336)
А вѣ соколца опутаевѣ красною д̑вицею. (337)
И рс̑ Гзакъ Кончакови: (338)
Аще его опутаевѣ
Красною дѣвицею,
Ни нама будетъ сокольца,
Ни нама красны дѣвице,
То почнутъ наю птици бити
Въ полѣ Половецкомъ.

CXVIII.

Рекъ Боянъ
и̑ходъ і на святъславля пѣс̑, (339, 340, 341)
Творца стараго времени,—
Ярослава, Ольгова, Коганя хоти:

CXIX.

Тяжко ти головы, кромѣ плечю,
Зло ти тѣлу, кромѣ головы:
Руской земли безъ Игоря.

CXX.

Солнце свѣтится на небесѥ, (342)
Игорь Князь въ Руской земли.
Дѣвици поютъ на Дунаи,
Вьются голоси чрезъ море до Кіева, (343)
Игорь ѣдетъ по Боричеву,
Къ Святѣй Богородици Пирогощей.

CXXI.

Страны ради, гради весели,
Пѣвше пѣснь старымъ Князѥ, (344)
А потомъ молоды пѣти. (345)
Слава Игорю Святъславич (346)
Буй туру Всеволодѥ, (347)
Владиміру Игореви (348)

* * *

Здрави князи и дружина,

Побарая за христьаны (349)

На поганыя плъки. (350)

* * *

CXXII.

650. Княземъ слава.

[а дружинѣ] (351)

Аминь.

ПОПРАВКИ.

Строки	Въ первомъ изданіи ошибочно:	Слѣдуетъ читать:
19	Ярослову	Ярославу
44	Ольга (позднѣйшая замѣтка для поясненія мѣстоименія „того“.	
191	повелѣя отца	повелѣ я҆ тца повелѣ яти отца или повелъ бо тца.
308	несошлю	несоша ю,
317	опустоша	опўтоша
332	(326) подасть	подаста, подаст ̓, подаст҃
361	мужаимѣся	мужаймыся
485	халужными	харалужными
512	имъ	ихъ
514	копія	конѩ
	поютъ	поѩтъ-поятъ
595	ли	ми
599	князю Ростиславу	Князя Ростислава
600	Днѣпрь	днѣ пр҇, днѣ при
629	и ходы	ӥходъ і
	на Святъславля пѣстворца стараго времени	и на Святъславля пѣсь, творца стараго времени
642	Святславлича	Святславичу (неправильно 642 прочтено ∝ вмѣсто ꙋ

ПЕРЕСТАНОВКА СТРОКЪ.

330 и въ морѣ погрузиста и великое буйство подасѓ Хинови. 325

331 О потопленіи Половцевъ нельзя было бы сожа- 326
лѣть и оно не подало бы великаго буйства Хинови.
По грамматическому строю эти слова относятся несомнѣнно до пораженія Игоря и Всеволода уподобленнымъ двумъ погасшимъ солнцамъ. Въ первомъ изданіи эти два стиха находятся между стихами.

437 не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте? Кое ваши 447
златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты.

Эти слова болѣе всего указываютъ на произшедшее недоразумѣніе. Сбивчивость въ возваніи
CXI—CXV князьямъ изложена въ Содержаніи произошла вѣ-
415—462. роятно вслѣдствіи ошибки переплетчика или еще вѣроятнѣе въ слѣдствіи ошибки древняго переписчика списывавшаго съ отдѣльныхъ листковъ: 1-й листокъ былъ принятъ за послѣдній Е, 2-й за первый: В, а среднiй остался на мѣстѣ. Такимъ образомъ листки могли даже быть не разрознены, а не правильно свернуты. Въ слѣдствіи неправильнаго сложенія листа „Трубы трубятъ Городеньскія“ очутились не намѣстѣ и писецъ помѣстилъ въ конецъ XCI § слова находившіеся по смыслу и по грамматикѣ въ связи съ словами: „уже бо сула“. Въ листкахъ или свиткѣ имѣвшемся у древняго пѣвца: Трубы трубятъ Городеньскія находились въ концѣ § XC въ слѣдъ за обращеніемъ къ ярославу Галицкому. Сбивчивость тѣмъ болѣе объяснима что § XC кончается тѣми же словами что и § XCII: „за раны Игорева Игоря Святславлича“. Это соображеніе

подтверждается тѣмъ, что въ первомъ изданіи § XCIII, D непосредственно предшествуетъ § XCI. A.

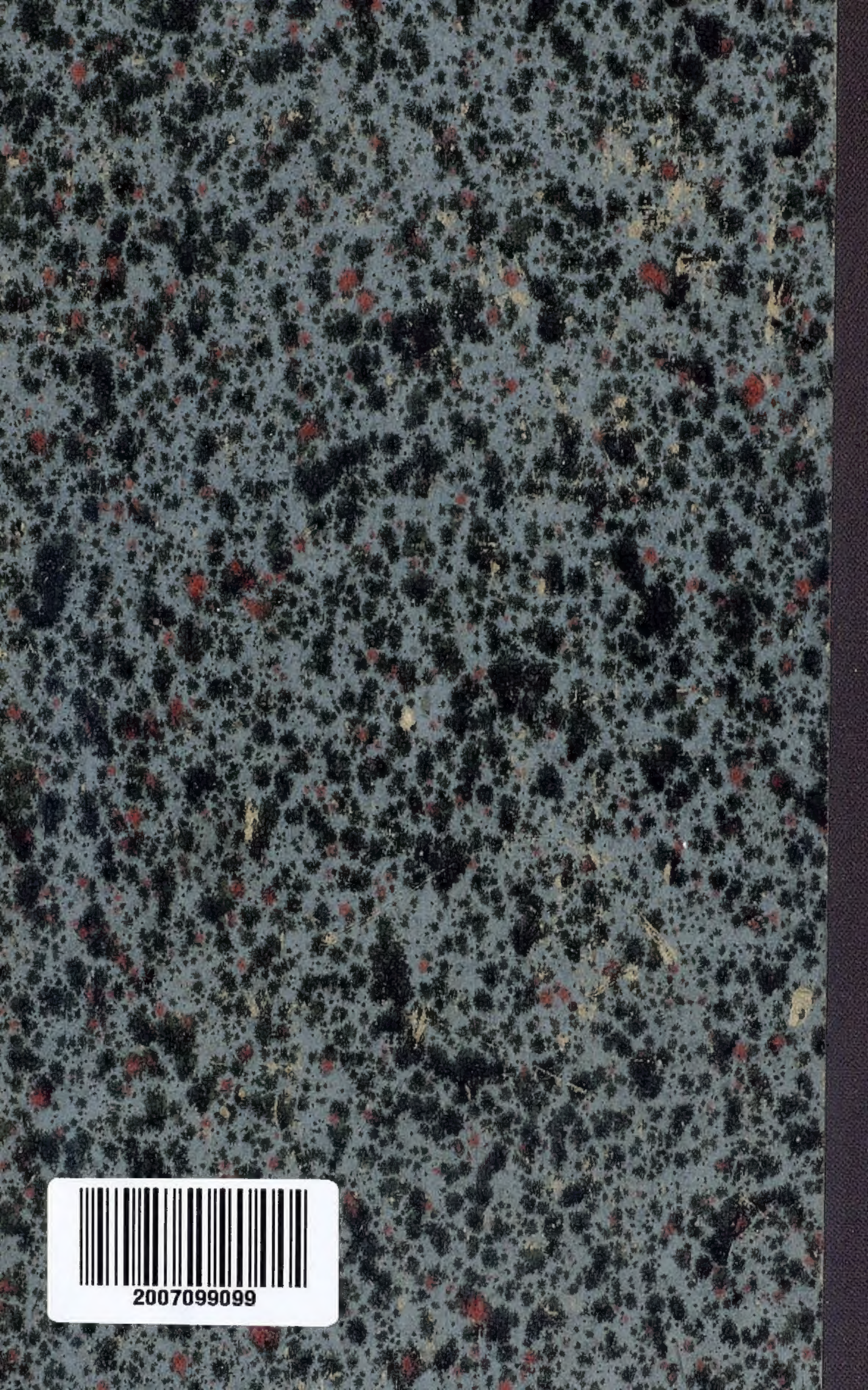
605 а не сорокы втроскоташа. 614

Эти слова вслѣдъ за строкой 605 въ первомъ изданіи лишены смысла, но вслѣдъ за строкой 612 составляютъ противуположность, встрѣчающуюся уже въ строкахъ 109 и 110 и 609.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
19	5 сверху	варіантовъ	варіантовъ:
	10 „	знаями	знаеми
20	13 снизу	мрѣшя	мрѣжя
22	15 „	всеволо	всеволо͡
23	9 „	почтено	прочтено
26	13 „	: вопроса	вопроса:
30	2 „	которую,	, которую
38	9 „	сьтвори	сътвори
53	3 „	(въ примѣчаніи) не представлявшемъ	но представлявшимъ
57	4 „	око	объ окѣ въ
59	2 „	повѣдаю	повѣдаю͡
63	—	въ 1-ой графѣ монограмма оттиснуто не вполнѣ слѣдуетъ.	[illegible]
68	8 „	предпологаемое раздѣленіимъ	предпологаемомъ раздѣленіи
88	15 сверху	влеза	влеча
119	14 снизу	семьею	семью
130	2 „	унціальными	заглавными
143	14 „	гласной ѫ.	вставлено по ошибкѣ
181	8 сверху	Кикеронъ	Кикеронъ,
185	8 снизу	гла	гла͡
192	6 сверху	описанномъ	писанномъ
220	22 Стихъ	Кожьскими	Кӂьскими
224	68 „	ре	ре̄
229	140 „	велик̑кому	великому
231	170 „	забы	забыв̑
—	171 „	Чр̑нигова	Чрнигова
234	217 „	зомля	земля
236	249 „	о	а
241		„ возваніе	воззваніе
263	3 „	(въ прав. столбцѣ) тца	отца
264	8 сверху	между стихами въ полѣ на лѣво вм. 330. 331.	между стихами 330 и 321 329. 330.

СОДЕРЖАНІЕ.


2007099099